

ТЗ(2К)2/5
С213 К

Ш. К. САТПАЕВА

ЧОКАН
ВАЛИХАНОВ
И
РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Ш. К. САТПАЕВА

ЧОКАН
ВАЛИХАНОВ
И
РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»

1987

72.3
С 21

Рецензенты:

М. М. Ауэзов, Б. М. Канапьянов, П. П. Косенко

Сатпаева Ш. К.

С 21 Чокан Валиханов и русская литература: Историко-филологические очерки.— Алма-Ата: Жазушы, 1987.—184 с.

Видное место в истории культуры и общественной мысли нашей страны занимает первый казахский ученый, выдающийся просветитель-демократ Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865).

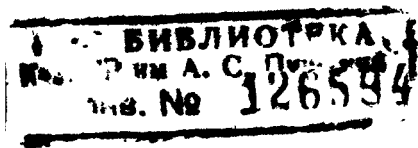
Его общественно-политическая, научная и литературная деятельность сыграла благотворную роль в укреплении дружбы русского и казахского народов, способствовала распространению в казахской степи прогрессивных идей.

Связям Ч. Валиханова с русской и западноевропейской культурой и литературой посвящена книга члена-корреспондента АН КазССР Ш. К. Сатпаевой.

С $\frac{4603010202-015}{402(05)-87}$ 24—87

72.3

© «Жазушы», 1987

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА АН КАЗССР А. Х. МАРГУЛАНА
ПОСВЯЩАЮ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В давние детские годы я впервые услышала эти два слова — Чокан Валиханов. Не знаю, почему, но они мне показались совсем особенными, одухотворенными и значительными, заключающими в себе огромный мир мыслей, чувств, предвидений. Может быть, причиной было прозвучавшее в голосе говорящего высокое уважение к человеку, носящему это имя. Так можно говорить о человеке, совершившем подвиг во имя народа, подвиг, которому нет забвения, который раздвинул горизонты познания, утвердил и возвеличил чувство национального достоинства.

Наверное, с тех пор и пробудился во мне интерес к личности, деятельности — по истине подвижнической — Чокана Чингисовича Валиханова, которого в середине XIX века казахский народ выдвинул из своих рядов на всероссийскую и мировую арену. Детские пристрастия переросли в научный поиск, добавивший любви к гениальному, в полном смысле этого слова, мыслителю, ученому, просветителю, чьи труды, деяния вошли в сокровищницу мировой культуры. Чокан Чингисович Валиханов вписал в ее летопись нетленную страницу, в которой на века запечатлен бескрайний масштаб его гениальной личности, его короткой, но такой прекрасной и яркой жизни. Вот уж поистине полное совпадение со словами Гете: «Кто жил для своего времени, тот жил для всех времен». Чокан Валиханов, этот степняк далеких окраин царской России, выбрал в себя лучшие черты своего народа, с удивительной настойчивостью и дерзновенной умственной энергией не только читал страницы мировой культуры, пропуская узанное через свое сердце и ум, но и сам встал вровень со своим веком, а затем и творчески перерос его.

Знакомясь с биографией Чокана Чингисовича Валиханова, вчитываясь в его труды, осмысливая его жизненный подвиг, невольно приходишь к мысли, что это был ренессансный тип личности — по своей гениальности, мировоззрению, по той блистательной человеческой природе, которая буквально притягивала к себе внимание видных деятелей науки, литературы, искусства того времени.

Говоря об энциклопедичности ума Чокана Валиханова, мы понимаем, что способствовал этому опередивший время мировоззренческий подвиг первого казахского ученого и просветителя, выразившийся в сплаве национального и интернационального в его личности.

В «Истории Казахской ССР» читаем: «Почетное место в истории культуры и общественной мысли нашей страны занимает первый казахский ученый, выдающийся просветитель-демократ Чокан Чинги-

свич Валиханов (1835—1865). Его общественно-политическая, научная и литературная деятельность сыграла благотворную роль в укреплении дружбы русского и казахского народов, способствовала распространению в казахской степи прогрессивных идей. Всю свою жизнь Ч. Валиханов посвятил борьбе против феодального гнета, отсталости, рутинности, против религиозного дурмана и невежества. Его научные изыскания в области истории, географии и этнографии явились весьма ценным вкладом в изучение жизни народов Средней Азии и Казахстана и вызвали огромный интерес современников. Научные труды Ч. Валиханова не потеряли своей ценности и в наши дни»¹.

Недавно наша страна торжественно отметила 150-летие со дня рождения великого сына казахского народа. Благодарные потомки чтят выдающегося соотечественника, понимая, как бы обидна была история, если бы в мир не явился сын Степи, чтобы творить и бороться, радоваться и негодовать, одаривать своей дружбой достойных того с пламенной страстью в сердце.

Духовное наследие, которое нам оставил Чокан Валиханов, настолько велико и емко, что не одно поколение будет черпать из него мысли и чувства, тем самым обогащая себя и наращивая свой нравственный потенциал. Да, труды Чокана Валиханова бессмертны не только с точки зрения познавательно-научной, они выполняют и другую, не менее важную функцию, воспитательную. Они пробуждают и укрепляют гражданские начала, развивают национальное самосознание в неразрывной связи с интернациональным. Гуманистические тенденции духовного наследия Чокана Валиханова очевидны, они рассчитаны на наш сегодняшний день и будут работать на завтрашний — бесспорно.

Одна из важнейших граней жизни и деятельности Чокана Чингисовича Валиханова — связь с русской и западноевропейской культурой и литературой, связь не однозначная, а многоаспектная. Этот вопрос изучался многими исследователями. Особо тщательную разработку в чокановедении получил вопрос, рассматривающий взаимоотношения Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова. Я имею в виду работы А. Маргулана, М. Ауэзова, С. Муканова, М. Фетисова, Х. Айдаровой, С. Зиманова, А. Атищева, П. Косенко, О. Сегизбаева, Р. Бердибаева, И. Стрелковой и других.

Необходимость и правомерность изучения темы «Ч. Ч. Валиханов и русская литература» обусловлены богатством и многогранностью содержания и форм связей культур и литератур казахского и русского народов в 50—60-е годы XIX века. Эти связи являются результатом исторического развития взаимоотношений двух народов, достигших в этот период немалой близости. В книге предпринята попытка к определенной систематизации материала, помогающего раскрыть, как эти отнюдь не однозначные связи влияли на жизнь, научную и литературную деятельность первого казахского ученого, какое влияние они оказали на процесс взаимного обогащения культур — казахской, русской и западноевропейской.

В трудах и записях Ч. Ч. Валиханова мы встречаемся с фактами и явлениями чисто филологического порядка, имеющими прямое отношение к истории русской и зарубежной литератур. Но это не просто отклики на те или иные события литературной жизни, благодаря блестящей эрудиции ученого, они исторически осмысле-

---

¹ История Казахской ССР в 5-ти томах. Алма-Ата, 1979, т. III, с. 326.

ны и спроецированы на жизнь русского общества того периода, но что еще более важно — на жизнь казахской степи, быт, чаяния и надежды казахского народа. А если сказать еще определеннее — Валиханов выступает как летописец своего времени, очень серьезный, вдумчивый, аналитичный.

Читая Ч. Ч. Валиханова, мы постигаем то, что составляет ядро, квинтэссенцию его размышлений — связь частного и общечеловеческого, национального и интернационального, мы проникаемся пафосом его высокого гуманизма, той всемирности его восприятия, которую можно сравнить с пушкинской. Факты и явления русской и западноевропейской литератур, преломляясь в трудах великого ученого, выполняют определенную общественную функцию, они как бы перебрасывают мост между русским и казахским народами, их духовным наследием, в единое русло вливается культура разных народов, образуя сплав общечеловеческой культуры. В этом плане систематизация и изучение связи Ч. Ч. Валиханова с русской и западноевропейской литературами представляет научный интерес и имеет непреходящее значение.

Архитектоника книги складывалась под влиянием того факта, что серьезное изучение Ч. Ч. Валихановым русской и зарубежной литератур падает на годы его учебы в Сибирском кадетском корпусе. Именно в стенах этого учебного заведения будущий ученый получил первый серьезный импульс к познанию, которое выстраивало личность Ч. Ч. Валиханова, его мировоззренческую платформу. Такая жажда знаний и настойчивость в приобретении их для казахов того времени — само по себе незаурядное, многозначашее явление.

В книге исследуется изучение Ч. Ч. Валихановым устного народного творчества, древнерусской литературы, творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. Н. Майкова и других представителей литературы XVIII и XIX веков.

Окружение Ч. Ч. Валиханова органически входит в его биографию и отражается в творческом наследии, поэтому в книге уделяется внимание взаимоотношениям первого казахского ученого с русскими писателями, учеными, критиками, видными журналистами. Нельзя не вспомнить учителей словесности Сибирского кадетского корпуса, друзей, с которыми Ч. Ч. Валиханов учился в Омске, и которым остался верен до конца своей жизни. Особое место отведено многолетней и искренней дружбе Ч. Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским, их встречам в Омске, Семипалатинске и Петербурге.

Письма Ч. Ч. Валиханова друзьям-литераторам и ответные, адресованные ему, позволяют восстановить многие факты биографии казахского ученого, раскрывают мировоззренческую суть его личности, рассказывают о его творческих поисках и задумках, говорят о нем как о блестящем стилисте и пытливом ученом. И не только об этом — о притягательности его личности в чисто человеческом плане, о прекрасном даре дружбы, о верности и преданности тем, кого он любил, об открытости его характера и душевном богатстве, которым он делился со многими.

Связь Ч. Ч. Валиханова с передовой русской журналистикой, его сотрудничество в русских журналах и газетах 50—60-х годов XIX века — объект самостоятельного изучения, и все-таки этому вопросу в книге также уделено внимание. То же самое можно сказать о связях казахского ученого с русскими ориенталистами.

Вопрос о вкладе Ч. Ч. Валиханова в дело изучения истории Востока требует серьезного монографического исследования. Ключом к такому изучению могут быть слова известного ученого востоковеда Б. М. Данцига, которые мы находим в его книге «Ближний Восток в русской науке и литературе»: «Именно влияние русских революционных демократов способствовало развитию гуманистической тенденции в дореволюционном русском востоковедении. Проявилась эта тенденция своеобразно, прежде всего в уважении к культуре (преимущественно древней) народов Востока и осуждении европоцентризма. Другой формой выражения этой тенденции было сочувствие тяжкому положению народов Востока, заботливое отношение к воспитанию талантливых одиночек, выходцев Востока, например, казаха Чокана Валиханова, бурята Дорджи Банзарова и др...»¹

Общезвестно, что при поддержке русских писателей и ученых в авторитетнейших журналах и газетах Петербурга печатались труды Ч. Ч. Валиханова, тем не менее этот факт биографии казахского ученого нашел отражение в книге, поскольку это — пример благороднейших гуманистических тенденций передовой части русской интеллигенции и носит он не частный характер, в нем заложен большой смысл: общечеловеческое во взаимоотношениях русского и казахского народов. Это то самое семя, из которого выросло могучее дерево дружбы двух народов, семя, брошенное в землю задолго до залпа «Авроры», взошедшее позже, но жизнестойкое и вечное.

В самостоятельную главу выделена тема отношения Ч. Ч. Валиханова к произведениям античной и западноевропейской литературы, мифам Древней Греции и библейским сказаниям. Читателю может показаться, что такая глава как бы инородна по отношению к книге, имеющей название «Ч. Ч. Валиханов и русская литература». Здесь необходимо иметь в виду, что именно русская литература была для Ч. Ч. Валиханова великим педагогом, благодаря ей он встал на путь познания, она дала рост его душе и уму. И конечно же, открыла дверь в античность, в прекрасный мир западноевропейской литературы.

Ч. Ч. Валиханов — один из первых в восточном регионе ученых, чьи труды еще при жизни начали печататься на русском языке и вызвали живейший интерес у читающей публики, получили прекрасную оценку. Некоторые были переведены на английский и немецкий языки и опубликованы в западноевропейской периодической печати. Благодаря подвижническому труду академика А. Х. Маргулана — им они были собраны и опубликованы, — сегодня мы можем их читать, обратиться к ним в научной работе.

Каждый труд, каждая запись Ч. Ч. Валиханова говорит о масштабе его личности, о значении для казахской степи его просветительской, научной и литературной деятельности, о том, что именно он стоял у истоков дружбы и взаимопонимания казахского и русского народов, что именно он способствовал взаимообогащению их культур. В этом — великий подвиг первого казахского ученого, подвиг, не подвластный времени.

---

¹ Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., Наука, 1973, с. 387.

ИЗУЧЕНИЕ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЫМ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУР В СИБИРСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Появление на исторической арене такого всесторонне образованного ученого и передового человека, каким был Чокан Валиханов, совпало с важным этапом истории казахского народа — окончательно укрепилось столетнее экономическое и культурное общение с Россией.

Восприятие Ч. Ч. Валихановым русской и западноевропейской литературы объясняется условиями, в которых он рос, учился, формировался и достиг вершин как ученый, мыслитель, просветитель, путешественник и публицист. Литература «сопровождала» его на всех этапах жизни и деятельности: в детстве, в частной казахской школе, в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе и службы при генерал-губернаторстве, в длительных экспедициях на Тянь-Шань, Иссык-Куль, Кульджу и Кашгар, в Петербургский период и в последние дни жизни в ауле Тезека.

Детские годы Ч. Ч. Валиханова прошли в красивейших местах Северного Казахстана. Предки Ч. Ч. Валиханова, принадлежавшие старинному султанскому роду, — прадед, влиятельный хан Среднего жуза Аблай, и сын его Вали, последний хан, поддерживали торговые и политические связи с Россией. Бабушка будущего ученого Айганым (1783—1853), которая после смерти Вали вела огромную фамильную усадьбу, ставку Валихановых в Сырымбете, была женщиной умной, образованной, дальновидной, «...знала несколько восточных языков, очень интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом в Петербурге.

Айганым пользовалась большим авторитетом у местного населения. Судя по архивным источникам, круг общественно-политических интересов Айганым был довольно широк. После принятия «Устава о сибирских киргизах» без ее участия не проходило ни одно сколь-нибудь важное событие в Северном Казахстане.

Айганым стремилась укрепить дружественные отношения между казахским и русским народами. Она помогала русским ученым и инженерам, занимавшимся геодезическими исследованиями в Северном Казахстане¹.

«Айганым, родная его бабка по отцу,— писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский,— вдова хана Валия со своими детьми осталась верной России. Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана Валия и велел выстроить ей в Киргизской степи дом, в котором родился Чокан Валиханов»².

Описание фамильной усадьбы и обстановки в этом доме Валихановых оставил офицер Генерального штаба А. К. Гейнс³, принимавший участие в исследовании Казахстана в качестве члена Степной комиссии в 1865—1867 годах. Именно по этому описанию будут восстановлены дом и фамильная усадьба Валихановых в Сырымбете Кокчетавской области.

Хорошо понимавшая значение русского образования, Айганым отдала своего сына Чингиса, отца Чокана, в Линеиное училище Сибирского казачьего войска, по окончании которого он был назначен старшим султаном Аман-Карагайского округа с присвоением ему чина майора, а затем полковника. Одновременно Чингис занимал должность представителя при Областном правлении в Омске.

Известно, что Чингис Валиханов хорошо разбирался в экономической и политической жизни казахского общества, знал нравы и обычаи своего народа, был ценителем науки, литературы и искусства. При его содействии для Русского географического общества, начавшего создавать этнографическое собрание костюмов всех

---

¹ *Маргулан А.* Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова.— В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в 5-ти томах, Алма-Ата, 1961—1972, т. I, с. 11.

² *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары, М., 1946, т. II, с. 54.

³ *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов. СПб, 1895, т. I, с. 265.

народностей, населяющих Россию, стали собирать песни, сказки, пословицы казахского народа, а для проходившего в Петербурге III Международного конгресса ориенталистов — предметы быта, построена в Сырымбете школа для детей-казахов, кстати, вторая, первая была организована Айганым. В ауле Валихановых частыми гостями были степные певцы, организовывались поэтические состязания — айтысы. Гостили у них академик Л. И. Шренк, декабрист В. И. Штейнгель, который познакомился с Чингисом Валихановым в годы его учебы в Омском войсковом училище, С. М. Семенов и Н. В. Басаргин.

Айганым и Чингис оказали большое влияние на духовное развитие Чокана Валиханова. «Для впечатлительного, одаренного от природы мальчика бабушка была неисчерпаемым источником знаний народной мудрости. В увлекательной форме она рассказывала Чокану старинные казахские легенды, предания, вспоминала исторические события недавнего прошлого, в которых сама принимала участие. Светлые воспоминания о бабушке — наставнице, носительнице лучших народных традиций, обычаев — Чокан сохранил на всю жизнь. Он записал ряд памятных встреч с ней. Будучи уже офицером особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири, Чокан, получив сообщение о смерти Айганым, специально поехал в Сырымбет, чтобы попрощаться и проводить ее в последний путь», — пишет академик А. Маргулан¹.

Еще в детстве Ч. Ч. Валиханов мог слышать от бабушки Айганым, от своих родителей и тех русских людей, с которыми общалась семья, о России, ее людях, различных событиях, возможно, и о декабристах. Еще до поездки в Омск Чокан, вполне грамотный, увлеченно читавший восточную литературу, записывавший со своим отцом казахские предания, был в определенной степени подготовлен к восприятию и освоению богатства русской и зарубежной литературы.

Начало систематического, основательного изучения Ч. Ч. Валихановым истории русской и зарубежной литературы относится к годам его учебы в Сибирском кадетском корпусе. «Кадетский корпус имел широкий общеобразовательный профиль», — пишет академик А. Х. Маргулан. — Учебная программа включала помимо

---

¹ Маргулан А. Указ. работа, с. 24.

военных дисциплин всеобщую географию, географию России, всеобщую историю, историю России, русскую и западноевропейскую литературы, основы философии, ботанику, зоологию, физику, математику, геодезию, строительное искусство с главными началами архитектуры и общие понятия о естественной истории: преподавались также черчение, рисование, каллиграфия, языки: русский, французский и немецкий. Кроме того, в корпусе был особый класс восточных языков. Здесь преподавали турецкий, монгольский, арабский и персидский языки...»¹

К сожалению, нам неизвестны программы и круг чтения кадетов по истории словесности, нет материалов, характеризующих знания Чокана и его отношение к гуманитарным дисциплинам. И только по воспоминаниям некоторых воспитанников, в частности Г. Н. Потанина, мы можем в какой-то мере воссоздать процесс учебы в Сибирском кадетском корпусе.

К чтению лекций в кадетском корпусе были приглашены опытные преподаватели. Преподаватели гуманитарного профиля были людьми, испытавшими влияние русской передовой общественной мысли, такие, как назначенный на должность инспектора классов молодой артиллерийский капитан И. В. Ждан-Пушкин, преподаватель русского языка и истории русской словесности Н. Ф. Костылецкий, литератор В. П. Лободовский, друг юности Н. Г. Чернышевского, преподаватель истории Гонсевский.

Костылецкий Николай Федорович (1818—1867) происходил из сибирских казаков, родился в Урлютюбской станице на берегу Иртыша, что неподалеку от Павлодара и Омска, в семье мелкого скототорговца. С детских лет разъезжал он с отцом по аулам, знал казахский язык, получил образование сначала в Омском войсковом училище в одно время с отцом Чокана — Чингисом, затем учился на восточном факультете Казанского университета, который в первой половине XIX века был крупнейшим центром русского востоковедения. В нем работали известные русские востоковеды Х. Д. Френ, А. К. Мирза Казембек, И. Н. Березин и другие, а ректором был Н. И. Лобачевский. Н. Ф. Костылецкий окончил Казанский университет со степенью магистра восточной филологии. Кроме казахского, он в совершенстве знал и другие тюркские языки, а также арабский и персидский.

¹ Маргулан А. Указ. работа, с. 30, 31.

«Общественные идеи достигали нас двумя путями: школьным и нешкольным. Школьными проводниками их были преподаватель словесности Ник. Фед. Костылецкий и преподаватель истории Гонсевский. Костылецкий познакомил нас с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. На Пушкина он смотрел как на национального гения: он казался ему необыкновенно одаренным человеком... Костылецкий познакомил нас со взглядами Белинского на русскую литературу: он весь свой курс о русской литературе составил по критическим статьям Белинского.

Костылецкий действовал на нас умом... У Костылецкого мы учились жить. Костылецкий отличался независимым характером и был очень остроумен... Он был поклонник идей Белинского и почитатель Гоголя; в своей истории словесности он руководствовался статьями Белинского, что потом, одним из генерал-инспекторов, ревизовавших корпус, было поставлено ему в упрек»,— писал Г. Н. Потанин.

Примечательны следующие его слова: «...Костылецкий сатанински издевался над омскими генералами и подрывал в нас к ним всякое уважение... Нам жутко было от его метания ядовитых слов, но мы не чувствовали к нему никакой злобы. Он был из тех, которые не столько умеют проповедовать любовь к добру, сколько воспитывают ненависть к злу»¹. Впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Н. Ф. Костылецкий много притеснений терпел со стороны царских сатрапов, был уволен из кадетского корпуса и умер в большой нужде.

Участвовал Н. Ф. Костылецкий в фольклорных экспедициях, записывал и систематизировал пословицы, поговорки, загадки и сказки казахского народа. И не только: приложил он свои знания и усердие к эпосу, в частности, к «Козы-Корпеш и Баян-сулу». «Стремясь как можно скорее сделать достоянием научной общности сокровища казахской народной литературы. Н. Ф. Костылецкий отправил весь этот обширный материал в Петербург, проф. И. Н. Березину, и с тех пор он хранится в архиве этого ученого»,— писал А. Х. Маргулан².

¹ Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове.— В кн.: Сочинения Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского ЗРГО, ОЭ, 1904, т. XXIX, СПб, с. 7—8. Цит. по книге: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5-ти томах. Алма-Ата, 1961—1972, т. IV, с. 552.

² Маргулан А. Указ. работа, с. 35.

«Из доставленных мне бумаг Николая Федоровича,— писал в своих воспоминаниях востоковед И. Н. Березин,— большую часть составляют университетские лекции и разные киргизские тексты, между прочим три списка известной киргизской поэмы «Козы-Корпеш и Баян-сулу». Тексты эти я предполагаю напечатать в издаваемой мною хрестоматии турецкой». Действительно, в «Турецкую хрестоматию», изданную И. Н. Березиным в Санкт-Петербурге в 1876 году, был включен один из древних вариантов поэмы «Козы-Корпеш и Баян-сулу», записанный Чоканом и его отцом Чингисом в Убаганской степи для М. В. Ладыженского.

В течение ряда лет Н. Ф. Костылецкий и Ч. Ч. Валиханов — наставник и ученик — с большой любовью занимались собиранием и изучением казахского народного эпоса.

Как считают исследователи, Н. Ф. Костылецкий способствовал установлению дружеских связей между Чоканом и ученым-востоковедом, тюркологом, иранистом, монголистом И. Н. Березиным.

Воспитанник Казанского университета Илья Николаевич Березин (1818—1893) в 1840 году защитил магистерскую диссертацию, а с 1845 года вел кафедру турецкого языка в своем родном университете. Он прекрасно знал восточные языки, историю стран Ближнего и Среднего Востока, их культуру, литературу, этнографию. Этому в немалой степени способствовало трехлетнее путешествие. «И. Н. Березин был востоковедом широкого профиля, знавшим три восточных языка, филологом и историком одновременно. Только во время пребывания в Казанском университете он опубликовал свыше тридцати работ»¹.

Когда И. Н. Березину потребовалась помощь в объяснении и толковании некоторых терминов и слов, встречавшихся в ханских ярлыках, Н. Ф. Костылецкий порекомендовал ему обратиться к Чокану Валиханову. И началась между ними переписка. В письме Валиханова к Березину, впервые опубликованном в издании академического пятитомника, содержатся обстоятельные, исчерпывающие ответы на все вопросы, поставлен-

---

¹ Фойгт К. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 г. Казань, 1852, с. 20—22.— В кн.: Б. М. Данциг, Ближний Восток в русской науке и литературе, М., 1973, с. 116.

ные русским ученым. Именно эту переписку можно считать началом первых по-настоящему научных работ Валиханова по древним письменным памятникам и ханским ярлыкам времен правления Тохтамыша.

В «Письме профессору И. Н. Березину», дата которого, к сожалению, до сих пор не установлена,— по содержанию предполагается, что написано оно под впечатлением от вышедшей в свет книги И. Н. Березина «Ханские ярлыки» (Казань, 1850)— Ч. Ч. Валиханов с почтением называет имя Н. Ф. Костылецкого: «Прочитав издания Ваши: Ханские ярлыки и Библиотеку Восточных историков и узнав от бывшего моего наставника Николая Федоровича о предложении Вашем поискать в языке киргизском значение нескольких слов в ярлыке Тохтамыша, не употребляющихся в нынешнем татарском языке,— я отыскивал в языке нашем через расспросы старых киргиз и нашел ряд слов, которые спешу послать к Вам»,— писал Ч. Ч. Валиханов¹.

У воспитанников корпуса особой любовью пользовался Гонсевский, который читал курс истории (историю общественных движений), и хотя программа была ограничена 1815 годом, он ее самостоятельно удлинил вплоть до 1835. По свидетельству Г. Н. Потанина, Гонсевский подробно освещал историю Французской революции и ее значение для народов Европы. «Историю французской революции 1789 г. он рассказал подробно и сделал из нас республиканцев. Лафазт и Демулен стали нашими любимцами»,— писал Г. Н. Потанин.

Как отмечено в воспоминаниях Г. Н. Потанина, развитию Чокана способствовали его большие дарования и исключительное внимание к нему как единственному в то время в кадетском корпусе представителю казахского народа. Характерна в этом смысле его статья «В юрте последнего киргизского царевича»: «...султан Чингис постоянно вел дружбу с самыми интеллигентными русскими чиновниками в Омске, который был центром управлений степью— сначала с чиновником Сотниковым, потом с домами К. К. Гутковского и Капустина»².

---

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч в 5-ти томах, Алма-Ата, 1961—1972, т. I, с. 121 (В дальнейшем в книге каждая ссылка на данное издание будет обозначаться звездочкой (*) с указанием соответствующего тома и страницы — ред.)

² Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича. П., 1896, с. 77.

В Омске Ч. Ч. Валиханов с усердием предавался учению. По словам Г. Н. Потанина, «...то, что он знал, в чем превосходил нас, он не пропагандировал в товарищеской среде, но при случае беспрестанно обнаруживалось его превосходство в знаниях. Как бы невольно он для своих товарищей, в том числе и для меня, был «окном в Европу»... Когда Чокану было 14—15 лет, кадетское начальство начало на него смотреть как на будущего исследователя и, быть может, ученого... Чокан много читал в то время. Чтение развило в нем критические способности, применением которых он удивлял нас, как в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась его специальностью»¹.

Заметную роль в жизни кадетов играла фундаментальная библиотека Сибирского кадетского корпуса. К сожалению, книжный фонд ее неизвестен. «Для меня было большим счастьем,— вспоминает Г. Н. Потанин,— когда начальство разрешило Чокану брать книги из фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища путешествие Палласа и дневные записки Рычкова. Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные речи и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины... С увлечением мы читали книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места»². Судя по воспоминаниям Г. Н. Потанина, в распоряжении кадетов были «История Отечественной войны», «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, «Записки Манштейна». Читали кадеты и «Путешествия Дюмон-Дюрвиля» — обработанную для юношества книгу знаменитого французского мореплавателя и океанографа. Но как пишет Г. Н. Потанин: «Наши дортуарные библиотеки были очень бедны, в них не было совсем беллетристики». Этим материалом корпусные читатели снабжались из города, через ротных кадет. Таким путем к нам проникли «Вечный жид» Эжена Сю, «Три мушкетера» Александра Дюма, а также и романы Диккенса:

¹ Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове, с. 8.

² Паллас П. Путешествия по разным провинциям Российской империи в 4-х частях. СПб, 1773—1788. «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи 1771 года». СПб, 1772.

«Давид Копперфилд», «Домби и сын», «Записки Пиквикского клуба» и многие другие. Это было в последний год моего пребывания в корпусе. Я с особенным увлечением читал Диккенса, вместе с моим другом Александром Дмитриевичем Лаптевым. В то же самое время увлекался Диккенсом и другой мой друг — Чокан Валиханов. Мы все трое воспитывались на этом писателе и унесли уважение и благодарность к нему надолго (после того, как вышли) за стены учебного заведения. Тургенев оставался нам в корпусе неизвестен... с некоторыми явлениями, например, с поэзией Гейне, мы познакомились уже по выходе из корпуса, но это было продолжение влияния корпусного кружка»¹.

Воспоминания современников Ч. Ч. Валиханова помогают приблизительно воссоздать круг знаний и литературных чтений кадетов. Закончив учебу, они знали творчество Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, из зарубежной литературы — Дефо, Шекспира, Гете, Шиллера, Диккенса, Теккерея, Эжена Сю, Жорж Санд, Байрона, Гейне.

Вместе с Григорием Потаниным Чокан читал три тома «Описания киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» А. И. Левшина, «Покорение Сибири» и «Очерки торговли России и Средней Азии» П. И. Небольсина, «Историю первых четырех ханов из дома Чингизова» Иакинфа, «Историю Сибири» Г. Ф. Миллера, «Исторические карты Азии» Клапрота, труды Александра Гумбольдта, Абея Ремюза.

Духовный мир, литературные интересы будущего ученого и его друзей формировались не только под влиянием прогрессивных педагогов, в стенах кадетского корпуса, но и в среде образованных людей, с которыми он общался в бытность его в Омске.

Несмотря на большую разницу в возрасте — К. К. Гутковский был на двадцать лет старше Ч. Ч. Валиханова, — между ними установилась большая дружба. Сохранился ряд писем Ч. Ч. Валиханова к К. К. Гутковскому, в которых он обращается к нему всегда почтительно, со словами «достойнейший, многоуважаемый». В письме к Ф. М. Достоевскому от 20 мая 1863 года Ч. Ч. Валиханов писал: «...Что со мной и как я живу, узнаешь подробно от Карла Казимировича Гутковского, моего друга, который едет в Петербург по

---

¹* г. IV. с. 542

делу, касающемуся отчасти и меня... Гутковские люди очень добрые и без всяких провинциальных предрассудков...»¹

Гутковский Карл Казимирович (1815—1867) родился в Каменец-Подольской губернии, в семье подпоручика польской армии. Получил образование в кадетском корпусе и в Генеральном штабе Николаевской военной академии. Вначале он служил старшим адъютантом западно-сибирского генерал-губернатора князя П. Д. Горчакова, помощником губернатора Семипалатинской области, работал председателем Сибирского областного правления и помощником сибирского военного губернатора. В 1838 году он прибыл в Омск. К. К. Гутковский не ограничивал свою жизнь только чиновными обязанностями, он живо интересовался историей казахского народа, хоть и недолго, но преподавал географию и геодезию в Сибирском кадетском корпусе. Впоследствии ему было присвоено звание генерал-майора.

К. К. Гутковский и Я. Капустин были передовыми людьми омской интеллигенции. К. К. Гутковского по праву можно считать автором первых печатных сведений о Валиханове — они предваряли журнальную статью Чокана. Сразу же после смерти Ч. Ч. Валиханова он предполагал заняться изданием трудов своего любимого юного друга и обратился с соответствующей просьбой в президиум Русского географического общества. Этому помешала внезапная смерть, постигшая его в 1867 году. Но была учтена прижизненная воля К. К. Гутковского: все рукописи Валиханова, которые имелись у него, были переданы П. П. Семенову. Впоследствии часть из них увидела свет в журналах Русского географического общества и в сочинениях Ч. Ч. Валиханова, изданных под редакцией Н. И. Веселовского в 1904 году в Санкт-Петербурге.

Одним из значительных событий в жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова в Омске было знакомство с освобожденным из острога поэтом-петрашевцем С. Ф. Дуровым. Это знакомство в определенной степени повлияло и на формирование общественно-политических взглядов Ч. Ч. Валиханова.

В истории русской литературы поэты-петрашевцы — А. Н. Плещеев, С. Ф. Дуров, А. Пальм — занимают достойное место. Сергей Федорович Дуров в 40-х годах

---

¹* т. IV. с. 73.

сотрудничал в «Литературной газете», в журналах и альманахах. Стихи его, хотя и утрированно элегичные, несут на себе отпечаток влияния Пушкина и особенно Лермонтова. Мотивы страдания и грусти в них социально осмыслены:

Куда ни пойдешь, куда ни кинешь взгляд,
Везде встречаются то нищих бледный ряд,
То лица желтые вернувшихся из ссылки,
То гроб с процессией, то бедные носилки. .

В стихотворениях Дурова «Когда трагический актер...», «Бывают дни», «Я не приду на праздник шумный» и других раскрыты душевные переживания лирического героя, в них отчетливо прослеживается ориентация на позднюю лирику Лермонтова. Представляют интерес и прозаические произведения Дурова — повесть «Чужое дитя», физиологические очерки «Петербургский Ванька», «Халатник», которые принадлежат к литературному направлению, именуемому «натуральной школой».

В 1847 году С. Ф. Дуров стал членом кружка М. В. Петрашевского, за что в 1849 году был арестован и приговорен к расстрелу, замененному 4-летней каторгой и ссылкой в Сибирь. Наказание отбывал в Омском остроге вместе с Ф. М. Достоевским. Вернулся из ссылки больным, в 1857 году изредка печатался в «Современнике». В стихотворениях «Н. Д. Пущиной», «Что миг — то новые удары», «Европа движется» выражена его несломленная вера в силу народа. Незадолго до смерти С. Ф. Дуров поселился в имении своего друга поэта-петрашевца А. Пальма — под Полтавой, где и умер.

А. Пальм в статье «Из неизданных стихотворений С. Ф. Дурова» пишет о нем как об одаренном, умном человеке, наделенном силой убеждения и высокой нравственностью.

В книге И. Стрелковой «Валиханов» есть такие строки: «В начале 1854 года Чокан, только что выпущенный из корпуса, принял участие в хлопотах, охвативших семьи Ивановых и Капустиных. Кончался срок каторжных работ у двоих арестантов Омского острога — у Федора Михайловича Достоевского и Сергея Федоровича Дурова. Их, разумеется, не отпустят на волю, их упекут рядовыми куда-нибудь в степь, в дальнюю крепость, но все же казарма не тюрьма...

А у нее (Ольга Ивановна Иванова, дочь декабриста И. Анненкова.— Ш. С.) сердце сжалось от боли, когда она увидела Дурова. Тогда, в Тобольске, это был тридцатилетний, черноглазый, черноволосый человек. Теперь она везла в санях согбенного седого старика, еле сумевшего пройти больными ногами несколько шагов от ворот до саней. Достоевский, показавшийся ей в Тобольске самым слабым, болезненным, ехал в распахнутом тулупе, не боясь простудиться, спасибо острогу, избавился от петербургской слабости здоровья...¹

23 января 1854 года С. Ф. Дурова зачислили рядовым в 3-й линейный батальон отдельного Сибирского корпуса, но по состоянию здоровья в марте 1855 года освободили от солдатской службы, он был определен писцом в Областное управление сибирских киргизов в Омске.

В вышеназванной книге И. Стрелкова высказывает предположение о том, что Дуров, определенный в 3-й батальон, стоявший в Кокчетаве, пользовался благорасположением Чингиса Валиханова: «...отец Чокана пользовался в Кокчетаве большой властью, что тоже сказалось на положении Дурова. Летом 1854 года Чокан по обыкновению приехал в Сырымбет, и Сергей Федорович какое-то время смог пожить у Валихановых».

Ч. Ч. Валиханов в своем письме к Ф. М. Достоевскому от 5 декабря 1856 года из Омска в Семипалатинск писал: «...Дуров что-то нездоров. Здесь ему, кажется, не так хорошо с чиновническими крючками — все это, впрочем, Вам может подробно рапортовать Цуриков». В ответном письме от 14 декабря того же года из Семипалатинска в Омск писатель просил Ч. Ч. Валиханова: «Поклонитесь от меня Д-ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему»².

Кроме этих коротких строк, к сожалению, не сохранилось материалов, характеризующих взаимоотношения и содержание бесед во время встреч Ч. Ч. Валиханова и С. Ф. Дурова. В этом смысле важна статья Г. Н. Потанина «Встреча с Дуровым», опубликованная в сборнике «На славном посту» в 1901 году. Г. Н. Потанин писал так: «Однажды Чокан предложил мне поехать к одному своему знакомому. Он говорил мне про

¹ Стрелкова И. Валиханов. М., 1983, с. 55—56.

²* т. IV. с. 92.

него, что это человек с таким многосторонним образованием и с такой изящной душой, какого я еще не видел, что он бывает в доме Капустиных и там он любимый гость, а это был дом, в котором собиралась лучшая омская молодежь. Через несколько дней Чокан снова явился ко мне, и мы поехали к Дурову... Чокан не остался у Дурова пить чай, ему куда-то нужно было спешить. Он наскоро передал ему городские новости... Мы с Дуровым вдвоем... Я ушел от Дурова тем, до чего меня хотел довести мой друг Чокан»¹. Г. Н. Потанин вынес от этой встречи неизгладимое впечатление. Подвергшийся идейному влиянию Дурова, Потанин утверждает, что «Дуров играл большую роль в воспитании Валиханова, что он находился под постоянным его (т.е. Дурова.— Ш. С.) влиянием... до его отъезда из Омска»². С 1854 по 1857 год Ч. Ч. Валиханов, исключая время, проведенное в экспедициях и отъездах, постоянно мог встречаться с С. Ф. Дуровым.

Изучая имеющиеся материалы об интеллектуальном и литературном окружении Ч. Ч. Валиханова в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе и пребывания в Семипалатинске, нельзя пройти мимо еще одного человека — Александра Егоровича Врангеля, в своих воспоминаниях о Ф. М. Достоевском он посвятил несколько строк Ч. Ч. Валиханову, с которым встретился во время его приезда к писателю в Семипалатинск. А. Е. Врангель писал: «Из немногих посещавших нас последнее время лиц, помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней Орды Мухаммед-Ханафия Валиханов (имя Валиханова упоминается в последних письмах Достоевского ко мне). Он познакомился с Ф. М. Достоевским в Омске в доме Ивановых и очень полюбил его. ...Валиханов имел вид вполне воспитанного, умного и образованного человека. Мне он очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его. Впоследствии я встречал его в Петербурге и Париже. Как я узнал, вскоре он погиб, беняга, от чахотки — петербургский климат доконал его»³.

¹* т. IV, с. 533.

²* т. IV, с. 557

³ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856. СПб, 1912, с. 94—95. Цит. по кн. Валиханов. Собр. соч. в 5-ти томах, Алма-Ата, 1961—1972, т. IV, с. 592.

В Омске А. Е. Врангель был человеком близким Ф. М. Достоевскому, с которым тот мог поделиться своими мыслями и чувствами. А. Е. Врангель чем мог помогал писателю переносить тяжкую долю ссыльного, обращался в Петербург к родным, друзьям и знакомым с просьбой похлопотать о нем.

А. Е. Врангель лично познакомился с Ф. М. Достоевским 21 ноября 1854 года в Семипалатинске, хотя любил его как писателя давно. Он впервые увидел Достоевского в одну из трагических минут его жизни — на Семеновском плацу, куда вывели осужденных петрашевцев на казнь, в последнюю минуту замененную каторгой. В книге «Достоевский» Ю. Селезнев пишет: «Однажды в конце ноября ему сообщили (Ф. М. Достоевскому.— Ш. С.), что его зовет господин стряпчий уголовных дел. Вызов к прокурору немало озаботил Достоевского, но, увидев перед собой молодого совсем, еще красивого, с добрым, приветливым лицом человека, несколько успокоился, а когда тот извинился, что не смог сам зайти, передал ему письмо от Михаила и Аполлона Майкова, посылки и поклоны, Достоевский и вовсе повеселел, доверился Александру Егоровичу Врангелю — так представился ему новый знакомый. Разговорились. Оказалось, что Врангель недавно окончил Царскосельский лицей и пожелал поехать в эти края по давней страсти к далеким путешествиям — он увлекался Гумбольдтом, мечтал об открытиях археологических, увлекался естественными науками и охотой. С Михаилом (брат Достоевского.— Ш. С.) познакомился через общую для них среду петербургских немцев — Врангель из остзейских баронов — и был счастлив возможностью услужить Федору Михайловичу: еще лет в 16 прочитал его «Бедных людей» и «Неточку Незванову», а в то злопамятное утро пришел на Семеновский плац, где из толпы и увидел любимого писателя в одну из трагических минут его жизни.

Достоевского чуть не до слез растрогал рассказ Александра Егоровича, и вскоре они вполне подружились»¹.

А. Е. Врангель впоследствии написал «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.», которые стали одним из источников научной и художественной биографии писателя. Они были опубликованы

---

¹ Селезнев Ю. Достоевский. М., 1981, с. 169.

в Санкт-Петербурге в 1912 году. В них Врангель пишет, что впоследствии встречал его (Валиханова.— Ш.С.) в Петербурге и Париже. О своем намерении ехать в Париж Чокан писал в письме к отцу от 4 ноября 1860 года, но других документов, подтверждающих, что он был там, не найдено. В этих же воспоминаниях Врангель отмечает: «..имя Валиханова упоминается в последних письмах Достоевского ко мне».

К омскому периоду жизни Ч. Ч. Валиханова, это было приблизительно в 1853 году, относится его рукописная копия рецензии «Заключения на третью часть описания киргиз-казацких орд (А. И. Левшина)». Дата не указана, но именно на последнем курсе кадетского корпуса Ч. Ч. Валиханов и Г. Н. Потанин зачитывались книгами, в том числе трудами путешественников, и готовили себя к дальним странствиям. Трехтомную книгу А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей», изданную в 1832 году в Санкт-Петербурге, Ч. Ч. Валиханов ценил особо, впоследствии он не раз ссылается на этот труд. Учитывая это, на наш взгляд, стоит подробнее сказать и о нем и рецензии молодого кадета.

Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879)— известный русский писатель, ученый, общественный деятель, с 1856 года почетный член Российской Академии наук, в 1827—1828 годах был членом Географического и Азиатского обществ в Париже. Он принимал деятельное участие в создании в 1845 году Русского географического общества.

Первая книга Левшина «Письма из Малороссии», изданная в Харькове в 1816 году, продолжала традицию сентиментализма, утвержденную произведениями Н. М. Карамзина. Она была посвящена быту и культуре украинского народа. В начале 1820-х годов А. И. Левшин служил в Оренбургской пограничной комиссии и собрал ценные сведения о яицких казаках, казахах, киргизах и других народах, населявших эти края. Позже, уже служа в Одессе, он опубликовал об этом серию очерков.

В статье А. И. Левшина «О просвещении киргиз-кайсаков», опубликованной в 1825 году, содержится описание казахских фольклорных жанров и манеры исполнения народных песен певцами-импровизаторами. Статьи А. И. Левшина о казахах «Об имени киргиз-казацкого народа и отличии его от подлинных или диких кирги-

зов», опубликованная в журнале «Московский вестник» (1827, ч. 4, № 16), и «Этнографические известия о киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких ордах», напечатанная в «Литературной газете» (1831, т. 3, № 2—3), увидели свет при содействии А. С. Пушкина.

«Литературная газета» свои публикации из трудов А. И. Левшина предваряла таким вступлением: «...Почтенный автор долго путешествовал по киргизской степи и собрал всевозможные сведения о народе... Левшин скоро напечатает сочинение свое вполне. Это будет новый и богатый вклад, приносимый русским ученым в общее Европейское хранилище сведений об Азии. Нет сомнения, что книга Левшина будет немедленно переведена на иностранные языки и что в других краях Европы ученые отдадут его труду полную и заслуженную справедливость»¹. Вскоре трехтомное «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» А. И. Левшина было издано в Петербурге. А. С. Пушкин ценил труды А. И. Левшина, перед поездкой в Оренбург и Уральск он тщательно изучал их.

В конце 30-х и в 40-е годы А. И. Левшин был одесским градоначальником, он участвовал в основании газеты «Одесский вестник», в издании «Одесского альманаха» в это же время увидела свет его книга «Прогулка русского в Помпеи». В 1860—1868 годах им был написан мемуарный очерк «Достопамятные минуты в моей жизни» — об участии в качестве товарища министра внутренних дел в подготовке крестьянской реформы 1861 года².

Ч. Ч. Валиханов высоко ценил А. И. Левшина. Вот выдержки из его сочинений и писем: «Геродот нашего народа Левшин»; «почтенного описателя моей родины господина Левшина»; «по мнению нашему, предания народа в этом отношении заслуживают уважения, если упоминаемые достойным нашим ученым г. Левшиным, труды которого относительно истории Среднеазиатских кочевников будут всегда драгоценны...»³

В записи «Замечания на третью часть описания кир-

¹ Литературная газета, 1831, № 2.

² Пушкин А. С. Собр. соч., 1958, т. 8; Мушкетов И. В. Туркестан. 2-е изд. 1915, т. I; История Казахской ССР в пяти томах. Алма-Ата, 1979, т. III; Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, 30—50-е годы XIX в. М., 1956; Сатпаева Ш. К. Добрая традиция, Алма-Ата, 1983.

^{3*} т. I, с. 122, 360.

гиз-казацких орд (А. И. Левшина)» Ч. Ч. Валиханова отмечены фактические промахи и неточности историка, выражено несогласие с некоторыми его взглядами и суждениями. Запись эта не публиковалась при жизни А. И. Левшина, она долгое время хранилась в архиве профессора В. В. Григорьева, и только в пятитомном Собрании сочинений Ч. Ч. Валиханова, изданном Академией наук Казахской ССР, увидела свет.

Остановлюсь на некоторых замечаниях Ч. Ч. Валиханова: «На странице 9, внизу, в выноске, слово акбура переведено неверно: акбура значит нелегченный¹ белый верблюд, а не белый волк, что по-кайсацки будет акборе, или каскыр...»² «Стр. 11. Кайсацки ходжей не относят к белой кости, а уважают их наравне с султанами, как лиц духовных, строгих исполнителей предписаний шариата и потомков пророка. Вообще кайсацки уважают людей грамотных»³.

В своих «Замечаниях...» Ч. Ч. Валиханов порой как бы вступает в полемику с почтенным историком и ученым. Так, например, он опроверг утверждение А. И. Левшина относительно того, что для темного степняка шайтан — божество: «...кайсацки говорят, что это — шайтан — послушник божьей воли и вечный враг мусульманства, которое всякое мгновение старается совратить правоверного с пути истины. Следовательно, они, кайсацки, никак не признают шайтана за божество, никогда ему не преклоняются и против нечистого его замысла всегда вооружаются различными молитвами. Для умиловления его никакой жертвы ему не приносят...», — пишет Ч. Ч. Валиханов. А затем в стиле писателя, с насмешкой и юмором, добавляет: «...и до того строги кайсацки в отношении к шайтану, что, даже бросая объедки и кости, они произносят «бисмилла», т.е. во имя бога, в той уверенности, что «бисмиллованные» кости не доступны злему и нечистому духу».

По поводу содержания страницы 65 третьей части книги А. И. Левшина Ч. Ч. Валиханов отмечает: «А. И. Левшин слишком увлекся невежеством описываемого народа, говоря, что колдовство, обман и ворожба составляют часть религии киргиз-кайсацков; они не суть части религии, а только суеверие, которое есть у народов всех вероисповеданий...»

¹ Некастрированный

^{2*} т. III, с. 39

³ Там же.

Кайсак верит колдовству, гаданию и прочим в одном случае: именно, когда предсказывают ему что-нибудь доброе или хорошее; поэтому он всегда предсказывает доброе, а как из тысячи предсказаний хоть одно да сбывается, то этим только и поддерживается значение колдунов, ворожеев и т. д.»¹

В «Замечаниях...» Ч. Ч. Валиханов порою излагает свои мысли о некоторых нравственных чертах казахов и, словно глядя на степную жизнь со стороны, глазами путешественника, пишет: «Чувствительность в кайсаках и участие, принимаемое ими в несчастии ближнего, стоят внимания и похвалы — можно сказать, что это единственная добродетель, которую нужно искать в кайсаках. Участие сие видно из следующего: нищий, куда бы он ни пришел, в кибитку ли богача или в хижину бедняка — везде ему приют, везде выражают ему сострадательность и не только словом, но всегда чем-нибудь более или менее существенным; из кибитки первого выходит он с какой-нибудь да тряпицей, а у последнего напьется по крайней мере или наестся тем, чем тот богат. Словом, нигде и никогда не говорят ему и не отделяются от него голым пожеланием «бог подаст!» Кроме врожденной чувствительности, кайсака заставляет быть сострадательным еще и понятное всякому опасение сегодня или завтра обнищать самому через баранту или падеж, столь частые в степи. Взаимная друг другу помощь, оказываемая кайсаками в последнем случае, достойна подражания и просвещенному европейцу. Потерпевшие от барачты или падежа пользуются неотъемлемым правом идти к другим своим родичам со смелым требованием так называемого жлу, т. е. вспомоществования, следующего от всего благополучно пребывающего общества, которое или из сострадания или побужденное каким-либо иным чувством действительно делает складчину в пользу первых. Короче сказать, право на требование жлу для кайсака столь же священно, сколь священно для него право на кунакасы, т. е. бесплатный обед или ужин, следующий всякому страннику...»

Слово «странник», часто употребляемое в русской и западноевропейской поэзии, пожалуй, впервые применено здесь в отношении к неимущему казаку, который

---

¹* т. III, с. 40.

ходит из аула в аул и пользуется благодеяниями земляков.

Так в одной из первых записей молодого кадета Чокана Валиханова проявились аналитичность и самостоятельность суждений, обстоятельность и аргументированность выводов, своя собственная манера изложения, не лишенная писательского блеска и юмора, а так же исследовательской глубины.

В «Истории Казахской ССР» мы читаем: «В изучении истории, этнографии и географии Казахстана огромное познавательное значение имело обобщающее трехтомное исследование А. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей»¹. Это — высокая оценка, а истоки ее в словах Чокана Валиханова: его «труды... будут всегда драгоценны»; «Геродот нашего народа»; «почтенный описатель моей родины...»

В написанных в годы пребывания в Омске «Письме профессору И. Н. Березину», «Заметках при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки» Ч. Ч. Валиханов обнаруживает широту познаний в области древних литературных памятников.

Таким образом, наряду с тем, что Ч. Ч. Валиханов с отцом еще с детских лет изучал историю, быт и культуру казахского народа и прекрасно знал литературу Востока, русские связи его семьи, учеба в Сибирском кадетском корпусе и тесное общение с представителями русской культурной среды способствовали приобщению его к русской и западноевропейской литературам. Этот сплав культур рождал в нем, в молодом кадете, смутное, но горячее стремление к деятельной творческой жизни. Он гордился родным краем и мечтал помочь своему народу постичь знания, накопленные человечеством. Приобщение это, безусловно, было одним из факторов формирования и развития передовых гуманистических и демократических взглядов Ч. Ч. Валиханова, раскрытия его незаурядного таланта.

---

¹ История Казахской ССР в 5-ти томах. Алма-Ата, 1979, т. III, с. 205.

ЯВЛЕНИЯ И ФАКТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРУДАХ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Интерес к русской литературе прослеживается на всем протяжении научно-творческого пути Ч. Ч. Валиханова. Естественно поэтому поставить вопросы: в чем проявился этот интерес, какие факты и явления русской литературы имели место в трудах Ч. Ч. Валиханова, каковы их смысл, суть и функции, есть ли высказывания ученого по отдельным сторонам русской литературной жизни и течений, с какими русскими писателями он общался, дружил и какие плоды принесла эта дружба, каким предстает облик казахского ученого в воспоминаниях его современников — русских писателей, исследователей, путешественников.

Ответы на эти вопросы могли бы дать определенную системную картину творческого отношения Ч. Ч. Валиханова к русской литературе, определить степень причастности его к ней и, в свою очередь, высветить важную тему: взаимовлияние русской литературы в лице ее известных представителей и первого казахского ученого, просветителя, публициста. Глубокое раскрытие исторически сложившегося взаимообщения русской и казахской культур еще больше оттенило бы их значение и смысл в истории духовного развития двух народов. Не претендуя на полное раскрытие всех аспектов связей Ч. Ч. Валиханова с русской литературой, в книге сделана попытка собрать и систематизировать разрозненные в трудах ученого факты и явления из арсенала русского художественного слова и выяснить их смысл и значение.

Глубокое знание Ч. Ч. Валихановым русской литературы оставило свой след в его трудах. Свободно ориентируясь почти во всех этапах и эпохах развития русской литературы, Ч. Ч. Валиханов мастерски применял некоторые ее образы для раскрытия сути и содержания отдельных явлений и событий исторической и современной ему действительности, для решения своих научных задач.

В трудах Ч. Ч. Валиханова несут определенную смысловую и художественную нагрузку образы из русского фольклора, летописей, созданные народной фантазией, — Владимир Красное Солнышко, Добрыня Никитич, Кощей Бессмертный, Макар. Ученым были высказаны мысли о сходстве сюжетов русских и казахских

сказок, об особенностях восприятия казаками русского фольклора, с уважением отзывается Чокан Валиханов об известном собирателе и исследователе русских и славянских сказок, былин А. Н. Афанасьеве, приводятся выдержки из сборника фольклориста И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах».

Представляют интерес мысли Ч. Ч. Валиханова о древнерусском летописце Несторе и о византийском периоде развития русского общества, о положительных и отрицательных сторонах принятия христианства. И это очень важно, ряд его мыслей совпадает с выводами и утверждениями исследователей, позднее специально изучавших проблему «византийщины». Есть в некоторых работах Ч. Ч. Валиханова вкрапления из русских летописей, упоминается имя древнерусского певца Бояна.

Ч. Ч. Валиханова особенно интересовали реформы Петра Первого, к имени которого он непременно присокупляет эпитет Великий. Большое внимание он уделял изучению 12-томной «Истории государства Российского» А. М. Карамзина.

В трудах и письмах Ч. Ч. Валиханов часто обращается к явлениям и фактам русской литературы XIX века.

О знании Ч. Ч. Валихановым творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского писали его современники. В записях Ч. Ч. Валиханова мы находим фрагменты из поэм А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и М. Ю. Лермонтова «Демон», на полях одной из работ ученого приведены строки из стихотворения Михаила Юрьевича «Ветка Палестины». Интересны суждения Ч. Ч. Валиханова о кавказских горах, Тереке, возникшие, вероятно, под влиянием произведений этих же поэтов. В одной из записей Ч. Ч. Валиханова приведено имя Гоголя, названа его пьеса «Ревизор», упоминаются созданные писателем образы Городничего, Добчинского и Бобчинского. Не остались незамеченными Валихановым и такие литературные течения, как славянофильство и западничество, «натуральная школа» и «почвенничество».

Вот далеко не полный перечень фактов и явлений русской литературы, отразившихся в трудах Ч. Ч. Валиханова. Все это говорит о больших познаниях Чокана Валиханова, о понимании им того, что не может быть

творчества без работы мысли, без желания прямого разговора с русским читающим обществом, на суд которого он выносил свои работы, в которых ставил животрепещущие проблемы, касающиеся его родного народа и края

Именно под этим углом зрения приступим к чтению таких трудов Ч. Ч. Валиханова, как «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Тенгри» (бог), «Письмо профессору И. Н. Березину», «Заметки при чтении проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки», «Образец причитаний», «Песня об Аблае», «Песни Урака», «О формах казахской народной поэзии», «Киргизское родословие», «Исторические предания о батырах XVIII в.», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Смерть Кукотай-хана и его поминки». (Отрывок из героической саги дикокаменных киргиз «Манас»), «Записки о киргизах», «Заметки по истории южносибирских племен», «Очерки Джунгарии», «Аблай», «Шуна-батыр», «Из Тарихи-Рашиди», «Записки о Кокандском ханстве», «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «Следы шаманства у киргизов», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи» и других. К сожалению, эти труды мало изучены исследователями-филологами и только книга академика А. Х. Маргулана «Шокан жэне «Манас» представляет приятное исключение.

Основательное знание Ч. Ч. Валихановым истории древнерусской литературы доказывают ряд его высказываний, употребляемые им сравнения, использование отдельных фрагментов из летописей.

Издание полного собрания русских летописей в 30-ти томах было предпринято в 40-х годах XIX века. Начиная с 1841 года в Санкт-Петербурге начали выходить его первые тома, но лишь в 1965 году вышел последний, тридцатый. Ч. Ч. Валиханов, вероятно, пользовался томами русских летописей, изданными в 1840—1850-х годах. Впрочем, в распоряжении Ч. Ч. Валиханова были также летописи «Джамихат-таварих», «Сборник летописей» («Жалаири») в двух томах, «Библиотека восточных историков. Издание профессора И. Н. Березина» и другие. Но мы остановимся на использовании Ч. Ч. Валихановым материалов русских летописей.

Ч. Ч. Валиханов употребляет имя Бояна, древнерусского певца-дружинника второй половины XI — начала

XII века. Имя Бояна впервые упоминается в «Слове о полку Игореве», называется он то «соловьем старого времени», то «вещим» певцом, воспевающим князей — старого Ярослава (Мудрого), храброго Мстислава, Красного Романа (Святославовича). Своей песнью Боян вдохновляет войско, дружину, идущих в поход. Имя Бояна стало нарицательным — издревле так называют поэтов. В таком смысле оно употреблено и Ч. Ч. Валихановым: «...Когда сто тысяч ногайцев взволновались, когда Урмамбет-бий умер и самые черные леса загорелись — поет степной Боян».

О наличии в древнерусской литературе и летописях сведений и фактов, касающихся кипчакского периода жизни среднеазиатских народов, взаимоотношений их племен, впоследствии входивших в состав казахского народа, первых его ханов, и о необходимости изучения такого рода материалов не раз Ч. Ч. Валиханов высказывал ценные суждения, и что особенно важно, показал образец аналитического подхода к древним литературным памятникам.

Ч. Ч. Валиханов обращался к русским летописям как к источнику достоверных исторических фактов. В его работах приведены сведения из русских летописей, касающиеся событий из истории среднеазиатских и казахского народов.

Ч. Ч. Валиханова интересовали в летописях отзвуки исторической действительности прошлых веков, события, связанные с половцами-кипчаками. Он нашел в Ипатьевской летописи, под 1201-м годом, отзвук половецкой песни о траве емшан (полынь), запахом которой половецкий певец Оря вернул с чужбины на родину половецкого хана Отрока. Об этой песне Ч. Ч. Валиханов рассказал поэту А. М. Майкову, который впоследствии создал поэму «Емшан». В этой же Ипатьевской летописи Ч. Ч. Валиханов мог встретить и другие факты, подтверждающие знакомство летописца с половецким эпосом: под 1185-м годом дано описание спора между ханами Кончаком и Кзой, а под 1151-м годом — рассказ о смерти Севенча Боняковича. В «Повести временных лет» есть, например, половецкая песнь о хане Алтунопе «...иже словяше в них мужеством» и приведены легендарные подробности его победы.

Интерес Ч. Ч. Валиханова к русским летописям, к их связям с историей кипчаков имел перспективное науч-

ное направление. Позднее исследователи также обращали внимание на взаимосвязь и взаимообогащение фольклора разных народов, которое зафиксировано в памятниках русской письменности XI—XIII веков. «Нельзя не упомянуть, что русским летописцам был известен не только русский фольклор,— писал Д. С. Лихачев.— Летописец неоднократно обнаруживает свое знакомство с эпосом половецким. По-видимому, источниками этого знакомства являлись верхи феодального общества Руси. Княжеские браки с половчанками закрепляли культурные связи русских феодалов с половецкими. На половчанках были женаты Олег Святославич, Святослав Изяславич, Святослав Олегович, Юрий Долгорукий, Рюрик Ростиславич и многие другие русские князья. Дошедшие до нас следы знакомства русских летописцев с половецким эпосом все, как будто бы, указывают на ханский характер этого последнего... Мы не знаем, в какой мере знакомство с фольклором других национальностей было распространено в трудовом народе Руси, но, что такое знакомство возможно и что знакомство это могло быть плодотворным и для устного поэтического творчества, и для русской литературы — в этом не может быть сомнений. В XVI в. татарскими эпическими преданиями воспользовался автор «Казанской истории», и предания эти обогатили его рассказ»¹.

Ч. Ч. Валиханов ссылается и на летописи, составленные летописцем, дьяком архиепископа Тобольского Саввой Есиловым. В повествовании об истории завоевания Сибири, о половецком хане Сибирского Юрта Кучуме и его смерти в 1598 году, в подробном изложении деятельности Ермака Ч. Ч. Валиханов находит сведения об Ураз-Мухаммеде, в русских летописях именуемом Царевичем Казачьей орды Солтаном: «...В сибирских летописях он называется казачьим царевичем Солтаном (см. «Сибирские летописи», приложение к статье П. И. Небольсина «Покорение Сибири», СПб, 1849; Отеч. записки, 1848... (Там говорится:) «По наипозех днях князь Сейдяк изыде из града Сибири, с ним же царевич Казачьей орды Солтан, да царя Кучюма, думный Карачи, с ним же воинских людей 500-человек, долдоша же до места, иже именуется Княжей Луг, и начаша пуцати ястребы за птицами» (Летопись Саввы

¹ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л. 1952, с. 85—86.

Есипова)». «...Наконец, русские летописи представляют несколько хронологических данных, приблизительно объясняющих и определяющих эту эпоху и годину Джанибека, первого известного хана, по преданию киргиз». Подробное изложение того или иного вопроса с привлечением сведений из источников, в том числе и из русских летописей, комментируется Ч. Ч. Валихановым: «...известен в русских летописях под именем Науруза и был убит сыном своим... ханом Хидыром...» Или: «...В 1587 г. султан этот был взят воеводою Данилом Чулковым в плен вместе с царевичем сибирским Сейдяком».

В примечании к этим словам Ч. Ч. Валиханов приводит такую выдержку из Есиповской летописи в изложении Строева: «По немнозех же днех князь Сейдяк изыде из града Сибири с ним же царевич Казачьей орды салтан». «В „Сибирских летописях” он просто называется царевичем Киргизской орды салтаном. В том же году он отправлен в Москву, где был принят ласково царем Борисом (Годунов.— Ш.С.) и через несколько лет сделан ханом Касимовским...»¹— продолжал Ч. Ч. Валиханов об Ураз-Мухаммеде (умер в 1610), сыне султана Ондана, племяннике хана Тауекеля, в русских летописях именующемся «царевичем Казачьей орды», в 1600 году назначенном Борисом Годуновым «царем» в Касимов на Оке. Все это позднее подтвердилось исследованиями ученых². Эти исторические события изображены в романе «Вешние снега» М. Магауина.

Интересно также приведенное Ч. Ч. Валихановым сведение из Никоновской летописи относительно богатыря Ер-Кокше. «Самый замечательный исторический джир Киргизский, это — Идиге... тот самый Идиге, Эдеку и Идигей, о котором говорится в ярлыке Тохтамыша, тот самый бек — tangab (т. е. манап-феодал, аристократ — Ш. С.) и темник, который разил Витовта при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах. Урак, Ир-Кокче, Ир-Косай — герои других эпических поэм...» В примечаниях к этим словам Ч. Ч. Валиханов пишет: «Никоновская летопись 1423 г., говоря о нападении на ордоев царя Куйдадата, упоми-

¹*, т. I, с. 122, 214, 217.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах... СПб, 1864, ч. II; Березин И. Н. Библиотека восточных историков, Казань, 1854; Миллер Г. Ф. История Сибири в двух томах. М. —Л., 1937 и другие.

нает: «Тогда же убили и Когчю, богатыря татарского, велика суща телом и силою». В «Сборнике летописей» на стр. 156 говорится, что во время битвы Кадырберды-хана с Едыгеем на Илеке был убит и Эр-Куше.»¹

Таким образом, русские летописи, неотъемлемая, богатая часть древнерусской литературы, были известны восточному региону, основательно изучены Ч. Ч. Валихановым и поставлены на службу науке. Так как исследование летописей составляет обширную и сложную область истории и филологии, то первые опыты обращения Ч. Ч. Валиханова к летописям как к источнику исторических сведений и сличение их с легендами и преданиями народов восточного региона, безусловно, представляют научную ценность.

«У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники также энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину... Вообще киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период византийский.

Как ни гадка византийщина, но она все-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительный. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств. Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период, а правительство должно нам в этом помочь. Для него это также обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские»².

Некоторые аналогии и сравнения, приведенные здесь Ч. Ч. Валихановым из истории Древней Руси, как известно, связаны с ее взаимоотношениями с соседними странами, с вопросом так называемого «византийского периода» в зарождении и развитии русской культуры и литературы. Ч. Ч. Валиханов, хорошо разбираясь в истории взаимоотношений Руси с другими странами

---

¹* т. I, с. 201.

²* т. I, с. 524.

глубоко вник в их суть и четко, научно показал свое отношение к ним.

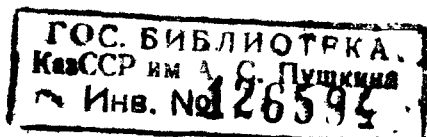
Попытаемся разобраться в значении аналогий и сравнений, приведенных казахским ученым. Повторим слова Ч. Валиханова: «У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора». История Древней Руси и ее литература знает двух Несторов, один из которых — известный летописец конца XI и начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря, написавший «Житие Феодосия Печерского» и «Чтение о Борисе и Глебе» и составивший первый общерусский летописный свод «Повесть временных лет» Другой Нестор — Искандер (Александр), русский писатель второй половины XV в., автор «Повести о взятии Царьграда». В молодости он попал в Турцию и был обращен в магометанство, с турецкими войсками участвовал в осаде Константинополя, тайно сочувствуя грекам как христианам.

В своей «Повести» Нестор-Искандер выражал провиденциальный взгляд на историю Византии как мировой державы, завершившей свое историческое развитие, и предсказывал, что «русый род» победит Измаила (т.е. магометан), возьмет в свои руки Царьград и воцарится в нем¹. Путем замены слова «русый» на сходное «русский» впоследствии возникло толкование, по которому освободителем Царьграда от завоевателей будет русский народ, Московское государство будет приемником византийского престола.

Именно этого Нестора-Искандера, обращенного в магометанство, но втайне оставшегося христианином, имел в виду Ч. Ч. Валиханов, когда писал о проявлениях язычества и насаждении фанатичными муллами ислама.

Важно и то, что, говоря о «византийском влиянии» на зарождение и развитие древнерусской культуры, Валиханов отмечал его отрицательную и положительную стороны. Как выяснилось впоследствии в результате изучения этого вопроса, на Русь влияла «вовсе не вся византийская культура, а преимущественно та ее часть, которая имела теснейшую связь с господствующим классом византийского общества и отвечала его нуждам... «Византийское влияние» есть явление классовое,

¹ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1953, с. 241.

по преимуществу искусственное, и вызывалось оно главным образом активными потребностями господствующего класса феодалов Руси»¹. Мы не утверждаем, что Валиханов писал именно об этом «византийском влиянии», но он правильно понял, что в период «византийщины» народная часть обеих культур оставалась как бы в стороне, вытеснялась потребностями растущего господствующего класса феодалов. Примечательно то, что еще в середине XIX в. казахский ученый был далек от довольно распространенного в одно время толкования «византийского влияния» как явления общенародного, как влияния более развитой национальной культуры на менее развитую, как пассивного следования Руси образцам более высокой культуры»².

В понимании того нового и значительного, что пришло в русскую жизнь в связи с проникновением в нее элементов византийской культуры, Валиханов также четко определил свою позицию. Он считал, что «византийщина» ввела христианство, «элемент бесспорно просветительный». Такое утверждение совпадает с точкой зрения, высказанной впоследствии исследователями по этому вопросу. «Был ли этот перенос элементов культуры господствующего класса Византии в культуру господствующего класса Руси явлением прогрессивным?», — пишет Д. С. Лихачев — Способствовали ли эти элементы культуры господствующего класса Византии развитию всей культуры в целом? Ответ на этот вопрос должен быть, конечно, положительным... Введение христианства и отмена язычества, если не субъективно, то, во всяком случае, объективно, отвечали интересам народа, поскольку это крепило единство Руси и способствовало укреплению древнерусского государства, с центром в Киеве»³.

Таким образом, Валиханов одним из первых занял научную позицию в понимании сложной проблемы «византийского периода» в истории древнерусской литературы. Взгляды Валиханова заслуживают быть особо отмеченными как доказательство не только того, что

---

¹ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.-Л., с. 123—124.

² Кондаков К. П. О научных задачах истории русского искусства. СПб, 1899, с. 6; Сперанский М. Н. История древней русской литературы, М., 1920, с. 150.

³ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы, М.-Л., 1952, с. 127.

казахский ученый свободно ориентировался в вопросах истории связей культур ряда народов, но и того, что он в свое время внес определенную лепту в изучение и толкование этой проблемы.

Как известно, вопрос о так называемом «византийском влиянии» был одним из наименее изученных среди проблем раннефеодального периода в истории культуры Руси.

В толковании этой проблемы одни склонны были придавать «византийскому влиянию» определяющее значение в возникновении древнерусской литературы, другие же отрицали «византийское влияние» и делали упор на самозарождение древней культуры на Руси.

Еще одно явление, которое заинтересовало Валиханова, это наличие сходства содержания, мотивов, сюжетов некоторых легенд, преданий ряда народов. Он одним из первых в науке применяет сравнительно-историческое изучение фольклора, стремясь установить общие закономерности историко-литературного процесса.

Валиханов нередко проводил типологическое сопоставление сходных фольклорных явлений, наблюдаемых у территориально не связанных между собой и стоящих на разных ступенях культурного развития народов. Хотя он не ставил перед собой цель выявить истоки, корни, объяснить причины этих явлений и держался в стороне от распространенных в то время теорий «заимствований» или самозарождения мотивов и сюжетов, приведенный в его работах материал может оказать определенную помощь в разрешении сложнейших проблем природы поэтического творчества и вопросов исторических связей между культурами различных эпох и народов.

Исследуя один из периодов истории Средней Азии и Казахстана, привлекая для изучения предания и легенды, Ч. Ч. Валиханов пишет: «...Исторические известия совершенно противоречат этой легенде. Тамерлан действительно шел на Китай, но при самом выезде из Самарканда умер в городе Отрар. Впрочем, во всех среднеазиатских легендах Тамерлан играет первую роль, как в средние века в рыцарских поэмах Карл Великий и в русских сказках Владимир Красное Солнышко. Все мечети, все древние водопроводы Туркестан приписывает своему завоевателю, эмиру Темиру Сахиб-Керан (победителю мира). Во всяком случае, для содержания Санташского кургана нужно было много людей и много труда, и,

конечно, он есть памятник, завещающий грядущим дням какой-нибудь знаменательный факт в жизни какого-нибудь из прошедших здесь народов»¹. В корне этих описаний и многозначительных сравнений лежит глубокая история и отражение ее в народных поэтических и прозаических произведениях.

Как известно, в истории России много Владимиров, в той или иной степени получивших право быть отмеченными в анналах. Об одном из них пишет Ч. Ч. Валиханов.

Это — Владимир, который в русских сказках и былинах называется «Солнышко наш Владимир Князь», «Князь стольнокиевский», «Владимир Красное Солнышко» — так народ отдавал дань уважения его памяти, обессмертил его за благонамеренные исторические деяния и новшества. Это — Владимир I, год рождения его неизвестен, год смерти — 1015, младший сын Святослава, внук князя Игоря, ставший князем Новгородским с 969 и Киевским — с 980 года. Он покорил родимичей, вятичей, воевал с печенегами, боролся за единство русской земли и укрепил государство. В 988—989 годах ввел в качестве государственной религии христианство, разделил государство между сыновьями. В русских былинах он выступает одним из главных героев, вокруг которого сплачиваются мужественные, храбрые богатыри, защитники русской земли от иноземных врагов, от печенегов. Киевский и новгородский цикл русских былин прославляют Владимира Красное Солнышко как борца за единство древней Руси и защитника ее от врагов. Именно этого Владимира Красное Солнышко имел в виду Валиханов в своей аналогии.

В работе «Следы шаманства у киргизов», посвященной раскрытию сути шаманства, его истории и бытования, имеется немало сравнений с фактами из русской действительности. Так, говоря о заговорах, Ч. Ч. Валиханов пишет: «... Чтобы обворожить, заставить кого-нибудь любить себя, или, как говорят киргизы, «вскружить голову», прибегают к разным заговорам. Замечательны между ними чары на след., о которых упоминается в русских сказках (ведьма Марина Добрыне Никитичу)...»²

Одним из главных действующих лиц русского герои-

---

¹* т I, с 249.

²* т I, с. 481.

ческого эпоса богатырь Добрыня Никитич упомянут Ч. Валихановым в связи с характеристикой описаний в народных произведениях различных чарующих сил. В одном из вариантов цикла сказок и былин о Добрыне Никитиче «Добрыня и Змей» описывается борьба богатыря с двенадцатихоботным огнедышащим летящим Змеище-Горынчищем, которого он побеждает при помощи чарующей силы своего головного убора — колпака, о котором говорится: «По весу колпак цело три пуда».

Былина «Добрыня и Змей» заканчивается описанием трехсуточной борьбы Добрыни Никитича с проклятым змием и победы над ним, освобождением из его глубокой норы много пленников, царей-царевичей, королей-королевиц «насчитал он силы сорок тысяч», возвращением «Московскому князю ко Владимиру» племянницы Забавы дочери Путятичны¹. Сюжет о Добрыне-змееборце один из древнейших. Иногда он контаминируется со сказками и былинами о других богатырях.

В исследованиях Ч. Ч. Валиханова об истории, об устном народном творчестве, обычаях и нравах народов постоянно применяются уподобления, сравнения и с русскими аналогичными фактами, и с явлениями из художественного опыта других народов. Например, «обвести», «окружить» употребляется в элических сказаниях народов индо-германского племени в смысле приворожить, околдовать. При этом действию чарующую силу они по преимуществу приписывали мертвой руке: «как мертвой рукой обвести». (Снегирев. «Русские в своих пословицах», т. II, стр. 35; Лионский рецепт, 1751 г., см. Буслаева).

У киргизов чарующая сила заключается собственно в кружении. Они избегают полного круга при осмотре чего бы то ни было. Обойти человека — значит принять на себя все его болезни, все чары, которые тяготят над ним. Поэтому самое нежное слово у киргизов и самое верное выражение любви заключается в словах айналайин, у среднеазиатских турков — ургулаин, что значит «обхожу тебя... Птицу, попавшуюся в руки, отпуская на волю не иначе, как обведя ее несколько раз около головы». Рассказывая о вере казахов в силу быстрого изменения явлений и предметов и отражении этого в казахских сказках, Ч. Ч. Валиханов не забывает

---

¹ Русское народное поэтическое творчество. М., 1979; с. 142.

отмечать сходство их с русскими сказками: «В русских сказках есть чародей, который оборачивается в разных животных: в лошадь, собаку, сокола и проч.»

Говоря об основных компонентах казахских сказок, Ч. Ч. Валиханов пишет: «.. Герой сказки обыкновенно единственный сын какого-нибудь хана или богача и растет, как и в русских сказках, не по дням, а по часам. Он имеет не менее чудесного коня, который во время процесса сказания из годового жеребенка делается шестилетней лошадью. Лошадь богатыря владеет даром говорить (арбу) и во всех случаях служит господину добрым советом — 20-летний богатырь с жестокостью оставляет рыдающую мать, старика отца и отправляется искать приключений. Битва с великаном подземного царства и алпамыс (существо вроде царя Кашея) и освобождение красавиц, томившихся в неволе у великанов, суть главных сюжетов сказов»¹

Образ Кашея Бессмертного встречается в сказках «Кашей Бессмертный», «Марья Моревна» и других. В то время эти и им подобные народные произведения были в сборниках, собранных и изданных А. Н. Афанасьевым в 1855—1863 годах в восьми выпусках. Это издание отличается исключительной полнотой, ему нет аналога и в наше время, что обеспечило его научную и историческую ценность. Сразу же после выхода в свет издание стало неотъемлемой частью русской национальной демократической культуры. Как известно, оно получило похвалу Н. А. Добролюбова².

Ч. Ч. Валиханов вдумчиво и аналитически читал и изучал этот труд А. Н. Афанасьева. Он вникал в суть сказок, обращал внимание на их архитектуру, искал взаимопроникновения сюжетов русских и казахских сказок.

В разделах исследований «Очерки Джунгарии», «Следы шаманства у киргизов», говоря о богатой древней культуре народов восточного среднеазиатского региона, о наличии и значении народных преданий и сказок для постижения истории кочевых народов, Ч. Ч. Валиханов проводит изучение их в сравнении с произведениями других народов. Он находит немало точек соприкосновения казахских сказок, мифов, эпических

---

¹* т. I, с 366.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах, М.-Л., 1962, т. 3.

песен и легенд с фольклором других европейских народов и особенно славян. «Занимаясь давно собиранием киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд, я был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого эпоса народов европейских, особенно славян». В примечании к этим словам Ч. Ч. Валиханов пишет: «В собрании Афанасьева я нашел 6 сказок, неизвестных мне по киргизской редакции»¹. Интересовала Ч. Ч. Валиханова и причина близости мотивов народных произведений разных народов. Примечательна в этом смысле такая запись: «Я сначала объяснял этот факт, следуя Аб. Ремюзы, влиянием и смешением индо-германских племен с татарским во времена их совместного жительства на плоскогорьях Средней Азии, теперь я надеялся в Большой Орде у дикокаменных киргиз найти ключ к разъяснению этого вопроса, найти богатые материалы для своего собрания, но ожидания мои не исполнились».

Интересны высказывания Валиханова о близости некоторых народных поэтических произведений к индо-германскому эпосу. «Народ наш,— писал Валиханов,— имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств замечательную литературу, более близкую к индо-германскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего культурного развития».

На этом факте основаны все наши надежды на будущее. Сверх того, мы связаны с русскими историческим и даже кровным родством»².

Мысли Валиханова о близости нашей (по его мнению, богатой) литературы к индо-европейскому эпосу, к сожалению, дальше не развиваются. Но внимательно вчитываясь в контекст, можно сделать вывод: когда он говорил о близости казахской народной литературы к индо-германскому эпосу, то имел, вероятно, в виду ее народное начало. Доказательство тому такие высказывания Валиханова: «Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь»; «Свежая народная сила нелегко

---

¹* т. I, с. 400.

² т. I, с. 201.

поддается мертвящему их (татарских мулл.— Ш. С.) влиянию»¹.

Работы Ч. Ч. Валиханова «Следы шаманства у киргизов», «Тенгри» (бог), «Древности» представляют собой пример сравнительно-исторического изучения обрядов, обычаев, поверий и народных произведений многих восточных и некоторых европейских народов. Хотя он не ставил перед собой целью выявить истоки сходства, объяснить причину этого и держался в стороне от распространенных в то время теорий «заимствований», приведенный в его работах материал может оказать определенную помощь в разрешении сложнейших проблем природы народного художественного творчества и вопросов исторических связей между культурами различных эпох и народов.

В трудах Ч. Ч. Валиханова немало выдержек и ссылок на исторический труд писателя, критика, историка и журналиста Николая Михайловича Карамзина (1766—1826). Как известно, начавший свою общественную и литературную деятельность с переводов на русский язык поэтических произведений европейской классики и написавший «Письма русского путешественника», повести «Лиодор», «Бедная Лиза», «Наталья — боярская дочь», множество очерков, рассказов, статей и рецензий, развенчивавших эстетику классицизма и утверждавших новое направление — сентиментализм, Н. М. Карамзин с 1804 года целиком посвятил себя созданию труда «История Государства Российского». В 1818 году были изданы первые 8 томов «Истории», затем — девятый, десятый и одиннадцатый. Смерть оборвала работу над 12-м томом.

В «Истории Государства Российского» на основе большого количества исторических источников Н. М. Карамзин впервые дал цельное изложение истории России с древнейших времен до XVII века. В обширных «Примечаниях» имелось множество ссылок на ценные, ранее неизвестные документы.

«История» Карамзина — это своего рода художественное произведение, в котором с первой до последней страницы прослеживается концепция писателя о русском национальном характере. Утверждая, что реальная жизнь русской нации исполнена истинной поэзии, Карамзин на историческом материале учил ценить поэзию

---

¹* т. I, с. 521.

действительности. В ряде глав «Истории», рассказы-ва-ющих, например, о восстании россиян при Дмитрии Донском, падении Новгорода, взятии Казани, показано широкое участие народа в этих исторических событиях. «История Государства Российского», написанная пре-красным языком, имела большое значение в истории, культуре и литературе русского народа. Она способст-вовала пробуждению интереса к истории в самых широких кругах русского общества. Поэт и обществен-ный деятель К. Ф. Рылеев использовал материалы 9-го тома «Истории», где осуждалась тиранья Ивана Гроз-ного, в своих знаменитых «Думах». Большое значение для создания драмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина имел 10-й том «Истории» Карамзина. Пушкин утвер-ждал, что труд Карамзина русская литература, наряду с лучшими произведениями начала XIX века, «... с гор-достью может выставить перед Европою»¹. «...Карамзин не одного Пушкина — несколько поколений увлек окон-чательно своею «Историю Государства Российского»... «Важнейший его труд, без сомнения, есть «История Государства Российского», которая читается и перечи-тывается до сих пор, когда уже все другие его сочинения пользуются только почетной памятью, как произведе-ния, имевшие большую цену в свое время. И действи-тельно, до тех пор, пока русская история не будет изложена совершенно с другой точки зрения и с тем уменьем, которое дается только талантом, до тех пор история Карамзина поневоле будет *единственною* в своем роде...» — писал В. Г. Белинский²

«История Государства Российского» Н. М. Карамзина переиздавалась и позже в Санкт-Петербурге, в 1842 — 1843 годах. Именно этим изданием «Истории» пользо-вался Ч. Ч. Валиханов. Имя Карамзина и его «История Государства Российского» были знакомы Ч. Ч. Валиха-нову еще в годы его учебы в Сибирском кадетском корпусе. «...Ученическая библиотека была составлена почти исключительно из биографии русских генералов и описаний разных войн,— вспоминает Г. Н. Потанин.— Самые интересные книги были: «Путешествия Дюмон Дюрвиля», обработанные для детей, «Записки Ман-штейна», «История» Карамзина и чья-то биография

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 7, 1958, с. 167.

² Белинский В. Г. Собр. соч. в трех томах, М., 1948, т. III, с. 587, 571.

Наполеона Бонапарта. Да и эти книги доставались нам с трудом...»¹

Имя Карамзина и его «История Государства Российского» упоминаются Ч. Ч. Валихановым в одной из ранних работ «Киргизское родословие». Она была написана в 1856—1857 годах, когда с большой силой проявился интерес Ч. Ч. Валиханова к истории народов Средней Азии и Казахстана, когда он изучал большое количество исторических и этнографических трудов с надеждой найти достоверные научные сведения об отдаленной истории этого региона.

В той части работы «Киргизское родословие», где говорится об исторических данных относительно сложных взаимоотношений народов и народностей в далеком прошлом на территории России, Ч. Ч. Валиханов писал: «Начало народа казаков или алач, как казаков, предание это определяет довольно положительно: если Тамерлан, в первый свой поход в 1392 г. на Тохтамыш, убил детей Алача и первого хана казачьего, то приблизительно можно полагать, что сам Алач мог жить в середине XIV столетия. Нет сомнения, что казачество началось и развилось в Азии и перешло к русским от татар; в русских летописях (в Псковской) рязанские казаки упоминаются в 1444 году, когда пришли на помощь к Москве и сражались против татар, а в Украине 1517, по свидетельству историка Окольского, они ходили тогда на Белгород (Аккерман) под начальством гетмана своего Предислава Ланцкоронского (см. Карамзина. Прим 411 к V т. и IV гл.). У татар они должны были развиваться ранее Привольные и обширные степи киргизские, как Украина для Руси, сделались местом стечения удальцов и батыров, искавших свободу и богатство в добычах...»² В данном случае, согласно аспекту нашей темы, надо сказать, что приведено здесь одно сведение из «Истории» Карамзина относительно участия казаков в походах польского воеводы из дворянского рода Предислава (Пржецлав) Ланцкоронского, который умер в 1531 году. О приведенном Валихановым факте можно прочитать на странице 174 V тома «Истории» Н. М. Карамзина, изданного в 1842 году в Санкт-Петербурге.

В «Истории» Карамзина Ч. Ч. Валиханова больше всего интересовали факты и сведения, говорящие о связи с об-

---

¹* т IV, с 313

²* т I, с 206

шественно-политическим состоянием общества сопредельной России обширной территории восточного региона. В ней дается подробное описание периода правления и походов Тохтамыша и, отталкиваясь от приведенных там сведений, молодой Ч. Ч. Валиханов с целью выяснения интересующих его вопросов обращается к работам более ранних историков. «..По прекращении царства линии батуханидов дом этот, в лице хана Уруса, объявляет вместе с Тохтамышем, представителем другой отрасли этого рода джучиханидов, претендентство на Сарайский стол и впервые вступает на ханство в лице Уруса, царствовавшего до 1380 г.» Здесь Ч. Ч. Валиханов ссылается на примечания 87, главы первой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В свою очередь Н. М. Карамзин, вероятно, ссылался на сведения других авторов. Ч. Ч. Валиханов после указания на книгу Карамзина добавляет: «Дербело *Bibliothèque orientale*¹. «Восточная библиотека» Д'Эрбло («*D'Herbelot. Bibliothèque Orientale*») была издана в Париже в 1697 году, выходит, она была и в библиотеках Омска или Семипалатинска, ибо труд Ч. Ч. Валиханова, где упоминается имя и книга Д'Эрбло, был написан в 1856—1857 годах, то есть до приезда ученого в Петербург.

Еще в одном месте своей работы «Киргизское родословие» Ч. Ч. Валиханов пишет: «Известно и из русских летописей, что в 1442 г. (примечание 24-е к 5-му тому II главы «Истории» Карамзина) приходил к Одоеву царь Барак с каким-то ханом Куйдодатом...»²

Таким образом, при написании одной из своих больших работ «Киргизское родословие» Ч. Ч. Валиханов постоянно ссылается на сведения из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, считая этот труд одним из авторитетнейших и ценнейших источников. В его распоряжении была многотомная «История» Н. М. Карамзина, которая получила высокую оценку передовой части русского общества. Использование сведений из «Истории» Карамзина Ч. Ч. Валихановым в своих трудах — свидетельство его высокого уважения к памяти первого создателя истории России и еще одно звено в истории взаимоотношений и взаимосвязей казахской и русской культур.

Заслуживает быть отмеченным еще один факт из

---

¹* т I, с. 214.

²* т I, с. 215.

истории русской культуры и литературы конца XVIII — начала XIX века, использованный в трудах Ч. Ч. Валиханова. В одном из примечаний, сделанном Ч. Ч. Валихановым в ходе работы над «Киргизским родословием», читаем: «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книг, сочинения Абульгазы — Баядур-хана..., а с французского на российский в Академии наук Третьяковским. Том II, СПб, 1770, стр. 100. Этого известия в Румянцевском издании Абульгазы на русском языке нет. Вообще в этом переводе много...»¹ На этом запись Ч. Ч. Валиханова, к сожалению, обрывается. Но в ней много важного. В частности, упоминается Абульгазы (около 1603—1663) — хивинский хан и писатель XVII века, знаток истории тюркских народов Средней Азии и Казахстана. До нас дошла его крупная работа «Родословное древо тюрков», которая была переведена на русский и другие европейские языки в XVIII веке. Одним из первых переводчиков ее на русский язык является Третьяковский. Книга Абульгазы, изданная в России в 1825 году по заданию министра иностранных дел Н. П. Румянцева (1754—1826), в то время называлась «румянцевской».

В истории русской культуры занимает почетное место имя этого государственного деятеля, дипломата, издателя, мецената, собирателя книг и рукописей. Сын генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, он с конца XVIII века занимал высокие государственные посты, был министром иностранных дел, с 1819 года — почетный член Российской Академии наук. С начала XIX века вел издательскую деятельность. В так называемый румянцевский кружок входили выдающиеся ученые: академики Ф. И. Круг, А. Х. Востоков, библиографы Е. А. Болховитинов, П. М. Строев. Румянцевский кружок издал в типографии Н. С. Всеволожского в Москве «Собрание государственных грамот и договоров» в 4-х томах, содержащее основные материалы по истории внешней политики и дипломатии России. На этот труд Ч. Ч. Валиханов не раз ссылается в своих работах. В румянцевском издании вышли «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», первое русское исследование по истории книгопечатания К. Ф. Калейдовича, «Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографика». Румянцев издал свыше 40 на-

---

¹* т. I, с. 216.

званий книг. Книги, изданные Румянцевым, имеют гравированные титульные листы с издательской маркой. герб с девизом «Non solum armis» — «Не только оружием».

Как известно, огромная библиотека, собранная Румянцевым, легла в основу Румянцевской библиотеки в Москве, которая вошла в фонд Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. К книгам румянцевского издания обращался и Ч. Ч. Валиханов, поэтому фотокопии или ксерокопии их необходимо иметь и в фундаментальной научной библиотеке Академии наук Казахской ССР и в Музее книги, некоторые из них — «Собрание государственных грамот и договоров» в 4-х томах и Абульгазы — «Родословное древо тюрков» — должны экспонироваться в разделах музеев и выставок, посвященных Ч. Ч. Валиханову.

С творчеством А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, идеями В. Г. Белинского Ч. Ч. Валиханов знакомился еще в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе.

В письме к Ф. М. Достоевскому от 15 октября 1862 года из Кокчетова Ч. Ч. Валиханов, подробно описывая свое положение, употребляет ряд интересных метафор и сравнений, в числе которых есть «Гирей сидел, потупя взор, в устах его... и проч.»¹. Это — сокращенные строки из романтической поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Ее начало:

Гирей сидел потупя взор,
Янтарь в устах его дымился:
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.²

В этом же письме не может не привлечь внимание Ч. Ч. Валиханова словосочетание «луч надежды»: «Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, что не видишь надежды, вернее, луча надежды когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты»³. Возможно, это влияние известной статьи Н. А. Добролюбова.

Судя по содержанию письма Ф. М. Достоевского из Семипалатинска Ч. Ч. Валиханову в Омск от 14 декабря 1856 года, во время семипалатинских встреч они не раз

¹* т. IV, с. 65.

² Пушкин А. С. Соч. в 3-х томах, М., 1954, т. II, с. 117.

³* т. IV, с. 63.

говорили о русской литературе, о Пушкине, в частности, о его статье и переводе произведений Джона Теннера. «Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните)» — читаем в письме Ф. М. Достоевского¹.

Джон Теннер в переводе Пушкина, о котором писал Ф. М. Достоевский, — весьма известное явление в истории русской и американской литератур. Теннер Джон (1780—1847) — американский писатель. Сын фермера, Теннер в возрасте 9 лет был похищен индейцами племени шауни и продан индианке из племени оттава, ставшей его приемной матерью. В 1820 году в 40 лет Теннер вернулся к белым и стал переводчиком. В 1830 году вышла его книга «Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера», записанная с его слов доктором Э. Джеймсом, с предисловием, осуждающим отношение американцев к индейцам. Последние годы жизни Теннер провел в жестокой нищете и был сожжен в своей лачуге белыми соседями.

Трудная жизнь, трагическая судьба и книга Джона Теннера глубоко взволновали А. С. Пушкина, который написал статью «Джон Теннер». В ней поэт отметил правдивость в изображении изнанки американской «демократии» во всем «ее отвратительном цинизме», выразил сочувствие бесправным индейцам. С этой статьей Пушкина и его переводом из Джона Теннера был знаком Ч. Ч. Валиханов и, судя по письму Ф. М. Достоевского, вполне вероятно, что у него были какие-то интересные суждения и мысли о них, неспроста русский писатель напомнил Ч. Ч. Валиханову: «...знали ли бы что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните)».

Здесь важно и ценно то, что в далеком от центра, провинциальном городе Семипалатинске, спустя девятнадцать лет со дня ухода из жизни гениального русского поэта, два представителя — русской и казахской культур — вели беседу о нем. Пушкин был центром духовных интересов и поисков казахского ученого и русского писателя. Тогда совсем еще молодой, двадцатилетний Ч. Ч. Валиханов был увлечен гуманистическими идеями Пушкина. Знаменательно и то, что в восточных окраинах царской России именно Чокан Валиханов одним из пер-

---

¹* т. IV, с. 90.

вых знал, читал, вел взволнованный разговор о статье «Джон Теннер». Выходит, не в 80-е годы XIX века, как до сих пор считается, а в 50—60-е происходит первое знакомство казахов с именем Пушкина. Именно казахи первыми среди восточных народов коснулись и включили в свою духовную жизнь бесценные творения А. С. Пушкина.

Творчество М. Ю. Лермонтова, образ мятежного поэта, бросившего вызов небесам, оказали большое влияние на Валиханова, на формирование его мировоззрения и, можно думать, личностных качеств. В ряде его ранних трудов присутствуют отдельные строчки из поэтических произведений русского поэта. Форма их употребления в записях Валиханова позволяет предполагать, что он наизусть знал стихи и поэмы Лермонтова.

В дневнике, который он вел во время поездки в Кульджу в 1856 году, Ч. Ч. Валихановым употреблены поэтические слова из романтической поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». Мастерски описывая пейзаж маршрута своего путешествия, Ч. Ч. Валиханов пишет: «После однообразных горных видов, беспрестанно торчащих скал, немолчно шумящих ключей, густо заросших цветов этот дивертисмент как-то приятно действует на человека. Все нам надоедает: живем на широкой и гладкой Руси — рвемся на Кавказ, где стоит белоснежный Казбек, хочется видеть Альпы, нужны горы, «столпообразные раины» и «звонко-бегущие ключи», а как бросит судьба в такую местность — сначала восхищаешься, потом все это начинает надоедать: и «столпообразные раины» и «звонко-бегущие ключи» и опять хочется на свободу, на дол, на ровную степь, где растет береза белая, родная сосна. Там дыхание как-то свободнее, и мысли текут шире как-то, привольнее... Все безгранично, как степь — и желания и дела. Угрюмые, дикие виды гор, хотя живописные, как-то заботят, отягачают вас: то вас поражает великолепный водопад, вы как-то усиленно направляетесь мыслями, то какая-нибудь пропасть устрашает вас своей теснотой, громадные скалы, ревушие реки — все как-то сердито, во всем сказочно, и вы настраиваетесь под этими впечатлениями к какой-то лихорадочной деятельности. Вам все чего-то недостает. Нет возможности жить в горах и быть народом веселым, беззаботным.

...Вокруг стоят твердые, угрюмые скалы, внизу нежится, шумит, ворочает камни какой-нибудь Терек. Вот его учителя. Какие примеры!.. Совсем другой ландшафт,

другая природа окружают степняка...»¹ Далее следует проникновенное поэтическое описание природы степи.

«Столпообразные раины», «звонко-бегущие ключи» взяты из IV песни первой части «Демона» М. Ю. Лермонтова:

.. Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И куши роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви²

У Ч. Ч. Валиханова вместо «ручьи» — «ключи». Столпообразные раины, как и у Лермонтова, употреблены в значении пирамидальных тополей.

Эта прекрасная поэтическая запись сделана Ч. Ч. Валихановым в его большом дневнике поездки в Кульджу 1 августа 1856 года — после впечатлений от увиденного и подробного географического описания местности, по которой проезжал путешественник. Молодому Чокану вспомнилось описание ландшафта Кавказа, белоснежная вершина Казбека, твердые, угрюмые скалы, пенящийся, шумящий, ревуший Терек предстали перед взором жители этого края, где «рождаясь, борется с природой, каждый шаг его есть риск». Читая дневниковые записи Ч. Ч. Валиханова, невольно вспоминаешь строки М. Ю. Лермонтова из поэмы «Демон», которые, об этом можно говорить без тени сомнения, он знал наизусть, иначе таких смысловых и словесных совпадений быть не могло.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел,— и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали.

У Лермонтова — «...Казбек, как грань алмаза, снегами вечными сиял», у Валиханова — «белоснежный Казбек»,

¹* т. II, с. 12.

² Лермонтов М. Ю. Собр. соч., в 4-х томах, Л., 1980, т. II, с. 376.

строки «И Терек, прыгая как львица с косматой гривой на хребте, ревел...» у Валиханова трансформируются в «внизу пенится, шумит, ревет, ворочает камни». Почти фактическое совпадение: только вместо «ревел — «ревет».

Важно и то, что лермонтовские слова, эпитеты употреблены Валихановым 1 августа 1856 года, спустя лишь шестнадцать лет с момента завершения «Демона». Не без основания можно сделать вывод, что это первое в истории казахской, да и во всей среднеазиатской литературе, обращение к Лермонтову, его знаменитой поэме. Еще одна деталь. При жизни Лермонтова поэма не была напечатана, она ходила в списках и имела шумный успех¹. Впервые отрывки из «Демона» опубликованы в «Отечественных записках» в 1842 году, в номере 6, по списку, собственноручно изготовленному В. Г. Белинским, причем прошедшему через строгие цензурные рогатки. Полностью «Демон» был напечатан лишь в 1856—1857 годах в Карлсруэ и в Берлине, в России же эта поэма увидела свет в 1860 году в Собрании сочинений Лермонтова под редакцией Дудышкина.

Сам собой напрашивается вывод: Ч. Ч. Валиханов знал эту поэму либо по одному из списков, дошедших до Омска или Семипалатинска, либо от учителя словесности Костылецкого, либо сам читал отрывки из поэмы, опубликованные в «Отечественных записках» за 1842 год.

О прекрасном знании казахским ученым творений великого русского поэта свидетельствуют также написанные его рукою строчки из популярного стихотворения Лермонтова «Ветка Палестины». В своей большой работе «Записки о киргизах», начало которой относится к маю-июню 1856 года, на полях написано: «Когда листы твои сплетали Солима бедные сыны...»² Стихотворение «Ветка Палестины» впервые опубликовано в 1839 году в «Отечественных записках», затем в 1840 году в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова». По всей вероятности, Валиханов знал стихотворение по этим изданиям. Вчитываясь в эти строки, полные поэзии, проникновенной грусти и затаенной мятежности, в строки, которые вошли в сердце Ч. Ч. Валиханова и нашли в нем отзвук.

---

¹ Вацуро В. Э. К цензурной истории Демона — В кн.: Лермонтов. Исследования и материалы Л., 1979, с. 410—414.

²* т. I, с. 363.

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины.
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли частых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горячих слез?

Иль божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством

Заботой тайного хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы
Кивот и крест, символ святой..
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой

Считается, что это стихотворение создано поэтом в 1837 году. Но по поводу истории его создания существуют разные версии, на двух из них стоит остановиться. Писатель А. Н. Муравьев (1806—1874), которому вначале посвящено было стихотворение, о чем свидетельствует зачеркнутая пометка в копии, утверждает в своих воспоминаниях, что «Ветка Палестины» была написана у него на квартире в феврале 1837 г., перед арестом Лермонто-

ва, когда тот приезжал к нему в связи с начавшимся следствием по делу о стихотворении «Смерть Поэта». По свидетельству А. П. Шан-Гирея, «пальмовую, искусно сплетенную ветку Палестины» Муравьев привез из своих путешествий ко святым местам... При виде этой ветки перед образами в доме Муравьева Лермонтов «по внезапному вдохновению» записал стихотворение на том же листке, где он набросал и записку хозяину дома».

Две строки из стихотворения Лермонтова «Когда листы твои сплетали Солима бедные сыны» легли на поля работы Валиханова. Солим — племя, жившее на северной границе Ликии, в древности страны на юге Малой Азии, в тексте стихотворения — страны Иерусалим. Солимы в свое время были воинствующими, мужественными людьми. Поэтическая строка М. Ю. Лермонтова «Солима бедные сыны» неслучайна: некогда воинствующие племена, покоренные персами, почти исчезли, но сплетенные ими листы — история, их песни не могли исчезнуть. Эти грустные поэтические строчки стихотворения Ч. Ч. Валиханов вспомнил, когда писал о взаимоотношениях племен в далеком прошлом, о самобытности их жизненного уклада и вековых преданий.

Г. Н. Потанин в статье «Чокан Чингисович Валиханов» писал: «Из литературных имен наибольшее обаяние на него производили Байрон, Гейне и Лермонтов, с которым у него было кое-что родственное. У Валиханова была изощренная наблюдательность к мелочному, педантичному, и он любил преследовать пошлость в людях своими насмешками. Был в Омске генерал Войнов, равнодушный к титулам и орденам, и Валиханов сочинил про него, будто он, получив «Владимира», прицепил владимировский бантик к калошам, чтобы всякий входящий в прихожую знал, что здесь находится кавалер этого ордена. Некоторые свои жертвы он мучил сарказмами с турецкой жестокостью, и потому в Омске у него было немало врагов»¹.

Авторы воспоминаний о Ч. Ч. Валиханове подчеркивали сходство его натуры с героем пушкинской поэмы «Цыган». В «Воспоминаниях о Чокане Валиханове» Н. Я. Ядринцева мы читаем: «Цивилизация и культурный блеск для Чокана Валиханова, человека чуткого и наблюдательного, имели свою острую и больную сторону. В минуту разочарований он идет, как Алеко Пушкина, в ша-

---

¹* т. II, с. 571.

лаш кочевников, где нравы проще и чище» И еще одна многозначительная запись Г. Н. Потанина: «В характере Чокана были черты, напоминающие черты характера Пушкина или Лермонтова»¹.

Когда Николай Васильевич Гоголь ушел из жизни в возрасте пятидесяти трех лет, Ч. Валиханову было всего семнадцать. Но на заре своей известности в русском обществе будущий первый казахский ученый употреблял выражения «неподдельный гоголевский юмор», писал о восприятии «Ревизора», его персонажей Добчинского и Бобчинского, Городничего царскими наместниками типа генерала Гасфорта, с одной стороны, и передовой мыслящей молодежью — с другой. Писал Ч. Ч. Валиханов о Гоголе тогда, когда имя ушедшего из жизни русского писателя подвергалось осуждению со стороны официальной России, а передовая часть русского общества активно выступала в защиту его и его бессмертных творений от нападков реакционеров. В ту пору только закладывался фундамент научного изучения творчества Н. В. Гоголя и делали это со всей страстью своей души «совесть» того времени — В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский. В 1855—1857 гг. вышли работы Н. Г. Чернышевского — «Очерки гоголевского периода русской литературы» и «Сочинения и письма Н. В. Гоголя», которые не могли пройти мимо пытливого и аналитичного ума Ч. Ч. Валиханова и не оказать влияния на формирование его отношения к великому русскому писателю. В отрывке из дневника Ч. Ч. Валиханова «Трактация о романах вообще, о романах написанных е. п. самим» несколько раз упоминается имя Гоголя. Запись с начала до конца сатирическая, обличительная, высмеивает пустоту, убогость души, недалекость суждений, надутое самомнение, манию величия местного царского управителя. Литературная форма записи — беседа участников домашних вечеров. Больше всех говорит е. п. — его превосходительство. Можно предполагать, что это своего рода эскиз некоего собирательного образа.

Валиханов с тонким юмором раскрывает характер е. п., используя при этом прием самовыражения; е. п. рассказывает о себе, о романах своего времени и своих собственных, но по неизвестной причине потерянных.

Вот один из монологов е. п..

«Вот еще один идол — Гоголь. Ну что, скажите на

---

¹* т. II, с. 326.

милость, господа, вы находите в его творениях — циничную повседневность грубой жизни, описание смачных блюд, мир галушек и вареников и непристойные выражения, собранные в кабаке и на ярмарках. Как возьмешь его книгу, так и пахнет салом, дегтем, «титуном». ты никогда не читай Гоголя.., Его «Ревизор» — ложь, бесконечная, нескончаемая ложь! Где он видел этих молохов, которые сидят на кончиках стульев. Я, слава богу, изездил матушку Россию повдоль и поперек, а, признаюсь, нигде не встречал Добчинских и Бобчинских, что ли? У нас даже в Сибири нет подобных образов. Вот судья в Канске — урод, ха, ха, ха, а исправник в Бердске — этот левный¹ род зверелова, да и тот молодец сравнительно с гололевским городничим (пауза)».

Не менее саркастичен и этот пассаж е. п.: «Да, матушка, муж твой был некогда романистом, занят крепко был, романист, да только не тово (улыбка), не сентиментальный, не тово, чтобы какая-нибудь Жорж Занд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которым вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего. Я . . (ковыряет между кльков). А сам я писал вроде Диккенса: в глубоком патетическом и вместе с тем в забавно-юмористическом тоне (выпивает последний глоток пива). Жаль, г-н В., что этих романов теперь у меня нет, я бы дал Вам их в полное и неотъемлемое право («т» с особенным ударением и скрипом). Если бы Вы их издали под своим именем, то, нет сомнения, Вы бы получили репутацию и авторитет лучшего писателя...»² С тонким юмором, переходящим в иронию, Валиханов раскрывает характер е. п., его превосходительства, чванливого и узколобого чиновника, который управляет краем, тонко подмечает злобное неприятие им и ему подобными произведений передовых писателей-реалистов, таких, как Гоголь и Жорж Санд. Между строчек этой записи читаем уважение автора к творчеству этих писателей.

Судя по содержанию записи, между ее «героями» не раз велись беседы о новинках литературы того времени, в частности, произведениях Гоголя и Жорж Санд. Молодой собеседник с восхищением говорит о них, но у е. п. — свое мнение: «...какая-нибудь Жорд Занд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которыми вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего». Далее монологи е. п. еще

---

¹ Настоящий
^{2*} т. III, с. 42.

больше раскрывают его хвастовство, желание блеснуть своей памятью, этаким непоколебимым всезнайством: «...наконец, с силой ударив рукою по столу, он произнес — мыс Грардафуй. По секрету мы можем поведать, что е. в. п. (его высокопревосходительство. — Ш. С.) окончанию названия этого мыса дал другой звук в произношении, отчего все слово получило характер юмористическо-умозрительного каламбура, чрезвычайно забавного свойства, и заставило супругу его покраснеть до ушей, а нас привело в такое патетическое трепетное состояние, что мы долго, выражаясь словами его в. п., старались профундировать таинственный смысл их и, наконец, разом постигнув результаты и почуствовал в головах своих чрезвычайную пустоту, окунулись еще глубже в созерцание повествовательного таланта, глубокого критического ума, энциклопедических познаний е. в. п. и главное — в его неподдельный гоголевский юмор»¹.

Вышеприведенный отрывок не нуждается в комментариях, в нем властвует юмор и ирония. Примечателен он и ценен не только тем, что в нем дан эскиз собирательного сатирического образа е. п. В нем молодой публицист как бы откликается на бессмертное произведение Гоголя, выказывая тем самым не только свою начитанность, но и согласие с автором. А ведь Ч. Ч. Валиханову, адъютанту при генерале Г. Х. Гасфорте, было в то время всего 20 лет. Тонкость и точность наблюдений, прекрасный слог, красочность и многозначность эпитетов и метафор, его экспрессия позволяют отнести эту запись к разряду сатирического памфлета. И не только в этой записи улавливается широта научного и художественного кругозора двадцатилетнего юноши. Одно только перечисление имен и названий научных терминов и иностранных слов явственно свидетельствует об этом. Ч. Ч. Валиханов называет настоящую фамилию Жорж Санд — Дю Деван, в записи мы читаем — Кант, Диккенс, братья Шлегели, Гердер, Соломон, Ата (богиня счастья, несчастья. — Ш. С.), Юпитер, Ескулап, Марс, Ариман, множество географических названий, латинские, греческие, французские афоризмы и максимы. Все это говорит не только о широте познаний Валиханова, но и о том, что он увлекался изучением иностранных языков задолго до приезда в Петербург.

Таким образом, Ч. Ч. Валиханов одним из первых в

---

¹* т. III. с. 47.

далеком от столицы крае знал имя Гоголя и запрещенное в то время царизмом его знаменитое произведение «Ревизор». Постигая гоголевский «смех сквозь слезы», «неподдельный гоголевский юмор», молодой Валиханов, возможно, проецировал прочитанное на окружающую его действительность и, наверняка, встречался с людьми, схожими с персонажами гоголевской пьесы у себя в провинции. И как явствует запись из дневника под названием «Трактация о романах вообще, о романах, написанных е. п. самим», у него были какие-то планы, об этом говорят эскизы сатирических образов царских наместников. К сожалению, многие планы Ч. Ч. Валиханова остались неосуществленными. «А каким бы оригинальным блеском мог засветить гений этого народа в русской литературе», — с горечью писал Н. М. Ядринцев.

В письме Ч. Ч. Валиханова к К. К. Гутковскому от 4 июня 1858 года из Аксу, перед отъездом в знаменитое путешествие в Кашгар, есть такие слова: «...между тем как вы, поборник натуральной школы, не перенесли бы и половину подобных мучений...»¹ Употребление Ч. Ч. Валихановым термина «натуральная школа» свидетельствует о его разностороннем, глубоком интересе к петербургской литературной жизни.

Натуральная школа — литературное направление, возникшее в 40-е годы XIX века в России, связанное с развитием критического реализма, с творчеством Н. В. Гоголя и В. Г. Белинского. Формирование «натуральной школы» относится к 1842—1845 годам, когда группа писателей — А. И. Герцен, Д. В. Григорович, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, И. И. Панаев, В. И. Даль — объединились под идейным влиянием В. Г. Белинского в журнале «Отечественные записки». Несколько позднее там печатались Ф. М. Достоевский и М. Е. Салтыков-Щедрин. В то время выпускались сборники «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник», которые составлялись из так называемых «физиологических очерков», в которых были запечатлены непосредственные наблюдения, в них были вкраплены зарисовки, как бы снимки с природы, рассказывающие о жизни большого города. Обращалось пристальное внимание на быт низших слоев общества, трудового люда, мелких чиновников, в них просматривалось критическое отношение к действительности, к губительной власти денег и

---

¹* т. IV, с. 55.

чинов, крепостничества, раскрывались пороки общественного строя, уродующие человеческую личность. После смерти В. Г. Белинского термин «натуральная школа» был запрещен царской цензурой.

Ч. Ч. Валиханов неспроста употребляет этот термин — «натуральная школа». Из-за халатности К. К. Гутковского, ответственного за экспедицию, Ч. Ч. Валиханов попал в тяжелейшие условия, увидел мучительную жизнь людей и не мог молчать. Поначалу он употребил слово *dandyisme* — дендизм, характеризующее светского человека и аристократа, но далее нашел более точное выражение — «как вы, поборник натуральной школы», вкладывая в него смысл, — защитник низших слоев населения. И в этом статусе, имел в виду Валиханов, нельзя было спокойно перенести все лишения и все увиденное. И смолчать было нельзя — Ч. Ч. Валиханов обо всем написал в Петербург. Так в труды и записи Ч. Ч. Валиханова естественным образом вплетаются факты, явления литературного процесса России.

Интересные, глубоко верные мысли высказывал Ч. Ч. Валиханов по поводу такого крупного литературного и общественного явления, каким является борьба между славянофилами и западниками.

В письме к А. Н. Майкову Ч. Ч. Валиханов писал: «Будем говорить теперь о Вас, о Петербурге, о друзьях моих петербургских. Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем я, впрочем, сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется, хорошо, судя по объявлению на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удастся им это примирение? По-моему, что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо исповедовать. Китайская середина не идет теперь к делу. Ведь национальных качеств, как говорит Бокль, нет, а образование должно быть общечеловеческое. И оттенок народности оно получит само собою, под влиянием местности, влиянием языка и нравов наших»¹.

Как видно, Ч. Ч. Валиханов был в курсе событий и направлений русской культуры и литературы прошлого столетия, критически относился к идейному направлению

---

¹* т. IV, с. 67.

журналов «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865), издаваемых Ф. М. Достоевским, не разделявшим политическую и общественную направленность «Современника», возглавляемого Н. Г. Чернышевским, высказывал правильные суждения о сущности и содержании славянофильства, западничества и почвенничества.

Как известно, западники выступали за развитие России по западноевропейскому образцу, им противостояли славянофилы. Западники боролись с «официальной народностью», критиковали крепостничество и самодержавие, выдвигали свои проекты освобождения крестьян. Их печатной трибуной были журналы «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник». В 40—50-х годах XIX века от западников отмежевались революционные демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. В процессе подготовки крестьянской реформы 1861 года и после нее западники сблизилась со славянофилами и вошли в единый лагерь либерализма.

Славянофилы противостояли западникам. Они выступали за отличный от западноевропейского путь развития России — на основе самобытности. Патриархальность, православие, консерватизм славянофилы считали русскими, национальными чертами. Они идеализировали общественный строй древней Руси, крестьянскую общину, изучали народный быт, развивали религиозно-идеалистическую философию. Славянофилы высказывались на страницах журналов «Русская беседа», «Сельское благоустройство». «Мы не похожи на растения, обнажившие свои корни», — писали они. В годы крестьянских реформ славянофилы, как и западники, оказались в лагере либерализма. О сущности, содержании борьбы славянофилов и западников Ч. Валиханов мог знать и через журналы «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник», «Русская беседа», постоянным читателем и подписчиком которых он был.

Но в конце 50-х начале 60-х годов эти два общественно-литературных направления проявляли себя не в такой острой открытой форме, как раньше, пыл их ослаб. В то время шла борьба мнений, в основном вокруг проблем отношения интеллигенции к народу, о его развитии путем образования, просвещения. Появились так называемые «почвенники», которые считали необходимым сближение, органическое соединение образованного общества с народом — «почвой», соединение культуры и народности, создание всеобщего духовного примирения сосло-

вий. «Почвеннические» идеи проповедовались в журналах «Время», «Эпоха». Критическое отношение Ч. Ч. Валиханова к идейному направлению журналов Достоевских выражалось в его словах «я что-то плохо понимаю их почву, народность».

Для подтверждения своих мыслей Ч. Валиханов приводит одно из положений книги «История цивилизации в Англии» Бокля. Сразу же после выхода в Англии, в 1861 году, этот труд был переведен на русский язык. Ч. Валиханову была близка по духу эта книга, ибо и он, в основном, занимался проблемами, искал пути приближения своего народа к цивилизованным странам. Бокль жил и творил в одно время с Ч. Валихановым, и его основной труд Чокан читал, возможно, в оригинале или в переводе на русский язык, ибо книга вышла в Петербурге как раз в тот год, когда он там находился. И конечно же, Ч. Ч. Валиханов не мог не заметить этот труд, в котором подчеркивается общечеловеческий смысл и значение образования, культуры для умственного и нравственного развития. Именно эти мысли, в своем изложении, приводит он в записях.

Примечательно и то, что эта же книга Бокля впоследствии не избежала внимания и Абая Кунанбаева. «История цивилизации в Англии» после выхода ее в Санкт-Петербурге попала и в библиотеку Семипалатинска, где ее и читал Абай Кунанбаев. О том, что ею интересовался Абай Кунанбаев, ссыльный А. Леонтьев сообщал в беседе с американским писателем Джорджем Кеннаном, который в своей книге «Сибирь и ссылка» писал: «...старик киргиз Ибрагим Кунанбай не только посещает библиотеку, но читает даже таких авторов, как Милль, Бокль, Дрэпер, «он серьезно изучает английских философов»¹.

«Любопытное явление составляет биография киргиза Чокана Валиханова — оригинальное соединение азиатского и европейского», — так начинает свою статью «О Чокане Чингисовиче Валиханове» в своей многотомной книге «История русской этнографии» известный ученый А. Н. Пыпин. В этой же статье мы читаем: «Люди, близко знавшие Валиханова, прибавляют, что по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником: он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал го-

---

¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб, 1906, т. I, с. 170.

рячо ее обновления. Он увлекался движением шестидесятих годов»¹.

В уже упомянутом письме к Гутковскому от 4 июня 1858 г. из Аксу Ч. Ч. Валиханов употребляет слово «dendyste». «Вот вы нападали на dendyste: а я на все это решаюсь...» Из фрагмента этого письма можно понять, что его адресат прежде употреблял слово «денди» по отношению к Ч. Ч. Валиханову, имея в виду его аристократические привычки.

В первые годы XIX века Россия была связана с Англией. После победы Священного союза в передовых слоях дворянства усилился интерес к английским политическим учреждениям, утверждалась англоманья: мода на английскую манеру одеваться, поведение, мебель, посуду и так далее.

В русской литературе немало метких, интересных наблюдений над дендизмом как стилем жизни — мнения и одобрительные, и осуждающие. Достаточно вспомнить, например, князя Григория из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит.
И так же коротко обстрижен для порядка.

Или Евгения Онегина А. С. Пушкина:

Вот мой Онегин на свободе,
Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет
И наконец увидел свет.

В «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева один из главных героев — Иван Петрович Лаврецкий, вернувшийся из-за границы в 1820 году, выглядит русским денди, франтом, который усвоил «всю английскую складку». В описании Тургенева он выглядит так: «Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртук со множеством воротничков, кислое выражение лица, что-то резкое и вместе равнодушное в обращении, произношение сквозь зубы, деревянный внезапный хохот, отсутствие улыбки, исключительно политический и политико-экономический разговор, страсть к кровавым

---

¹* г. IV. с. 620.

ростбифам и портвейну — все в нем так и веяло Великобританией, весь он казался пропитан ее духом... Иван Петрович привез с собою несколько рукописных планов, касающихся доустройства и улучшения государства; он очень был недоволен всем, что видел,— отсутствие системы в особенности возбуждало его желчь».

Вероятно, в середине и в последующие годы XIX века понятие «дендизм» претерпело некоторое изменение. Оно имело распространение в дворянском кругу применительно к людям, которые отличались тонкой аристократической манерой общения, взглядами на жизнь и привычками, особо примечательными, изящными и изысканными.

Современники Валиханова оставили нам проникновенное описание не только его незаурядной личности, но и его привлекательной внешности, образа жизни и привычек. Например, Н. М. Ядринцев в «Воспоминаниях о Чокане Валиханове» отмечает: «...Он был такой же грациозный, остроумный, приобретенные привычки столичного сохранились в нем»; «...как я заметил, и рядом с интеллигентностью в нем был лоск и шик гвардейского офицера»; «джентльмен, денди»; «...стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, в них было что-то женственное, ленивые движения его придавали ему вид европейского сибарита и денди. Все это производило впечатление, узенькие глаза его сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала ироническая улыбка, это придавало ему нечто Лермонтовское и Чайльд-Гарольдовское. Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалась его племенная особенность (киргизы—большие насмешники), под влиянием образования эта способность у Валиханова получает расцвет. Она получила характер сатиры и гейновского юмора. Острил он зло, я редко встречал человека с таким острым, как бритва, языком»¹.

Таким образом, даже столь небольшой обзор материалов из русской литературы, которые мы находим в трудах Ч. Ч. Валиханова, убеждает нас в том, что он пристально и внимательно следил за литературным процессом, творчески преломлял все явления и события русской литературной жизни и как бы включал их в свое творчество, имея на все свой особый взгляд. Тем самым

---

¹* т. IV, с. 576.

Ч. Ч. Валиханов расширил горизонты казахской общественной и художественной мысли, обогатил ее новыми образами и художественными приемами. Он первый проложил дорогу к освоению казахами богатства русской литературы, к взаимообогащению культур двух народов.

ДРУЖБА Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Дружба Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского складывалась в условиях сильного тяготения передовой мыслящей части казахского общества к прогрессу, пробуждения национального самосознания, понимания того, что казахский народ может двигаться вперед в русле общероссийского развития. Эта дружба основывалась на гуманистических традициях русской литературы, которые противостояли официальной политике царизма, разжигающего рознь и вражду между народами и препятствующего их духовному общению. Ф. М. Достоевский первый из русских писателей по достоинству оценил казахского ученого и просветителя. Ч. Ч. Валиханов первый и единственный из представителей восточных народов подружился с выдающимся писателем Ф. М. Достоевским. Этот факт сам по себе говорит о многом. О дружбе Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского имеется большая литература¹. В этом очерке рассказывается об их переписке.

Письма Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского представляют интерес прежде всего в двух аспектах: они за-

---

¹ Врангель А. Воспоминания о Достоевском в Сибири. II. 1912; Достоевский Ф. М. Письма под ред. А. С. Долиннина. М., 1928, т. I; Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.-Л., 1935; Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.-Л., 1936; Маргулан А. Новые материалы Ч. Валиханова. Казахстанская правда, 1941, 23 мая; Ауэзов М. О. Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов. Дружба народов, 1956, № 3; Фетисов М. Н. Литературные связи России и Казахстана, М., 1956; Мануилов В. И. Друг Ф. М. Достоевского Чокан Валиханов Труды Ленинградского библиотечного института, 1959, т. 5; Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь. М., 1960; Косенко П. Иртыш и Нева. Алма-Ата, 1971; Мусрепов Г. Наедине с Достоевским. Казахстанская правда, 1971, 11 ноября; Селезнев Ю. Достоевский М., 1981; Стрелкова И. Валиханов. М., 1983.

метно обогащают наши знания о научном и творческом пути двух великих людей, в определенной степени раскрывают общественную, политическую и отчасти литературную обстановку 50—60-х годов XIX века. Анализ переписки Ч. Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским в определенной последовательности создает возможность развить существовавшую в одно время не совсем обоснованную трактовку их дружбы семипалатинского периода, якобы не выдержавшую испытаний перед лицом напряженных и бурных общественных событий шестидесятих годов XIX века. Переписка Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского доносит до нас живое дыхание этих лет и рисует картину их глубокой искренней дружбы, которая стала фактом не только их биографий, но и истории культуры народов нашей страны.

Вообще эпоха 1850—60-х годов в письмах Ч. Ч. Валиханова — объект специального изучения, так же, как и его эпистолярное наследие, представляющее самостоятельную историко-культурную ценность.

Знакомство Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского произошло в Омске в 1854 году в доме Ивановых, в первые же дни после освобождения писателя из каторжной тюрьмы, где он был четыре года по делу «петрашевцев». Примечательно, что именно в доме Ивановых, где дух освободительных идей, дух декабристов почитался особо. Иванов Константин Иванович, офицер, подпоручик, служивший адъютантом в Главном инженерном Управлении, был женат на дочери декабриста И. А. Анненкова. Дочь Анненкова — Ольга Ивановна — принимала деятельное участие в судьбе политических ссыльных¹.

Как известно, после освобождения из Омского острога Ф. М. Достоевский целый месяц, а поэт-петрашевец С. Ф. Дуров около двух недель жили в доме Ивановых. С этим добрым семейством был знаком и Ч. Ч. Валиханов. Тема — Валиханов и декабристы — чрезвычайно интересная и достойна пристального изучения. О декабристах он мог знать еще в Омске, в кадетском корпусе, от своих учителей, затем от своего друга юриста А. Н. Цурикова, который был в дружбе с декабристом Г. С. Батенковым.

---

¹ Подробно об этом см.: Селезнев Ю. Достоевский. М., 1981; Стрелкова И. Валиханов. М., 1983; Ахметов А. Дочь декабриста. Вечерняя Алма-Ата, 1984. 10, 11, 13 сентября.

Во время одного из посещений дома Ивановых Ч. Ч. Валиханов и познакомился с будущим великим русским писателем Федором Михайловичем Достоевским. Жаль, что обстоятельства знакомства и общения этих исторических личностей остались неописанными.

Ч. Валиханову было всего девятнадцать лет, когда он познакомился с Ф. М. Достоевским, и его мировоззрение находилось в стадии формирования. Он проповедовал гуманистические и демократические идеалы, был автором ряда художественных произведений с обличительными тенденциями, членом кружка петрашевцев, писателем, «муза которого любит людей на чердаках и подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь это тоже люди, ваши братья, — как писал В. Г. Белинский¹. Его повесть «Бедные люди» благожелательно была встречена Белинским и Некрасовым. Демократически настроенная интеллигенция Омска питала к нему уважение и сочувствие, которое разделял и Ч. Валиханов, к тому же он видел в его лице выдающегося представителя любимой им русской литературы.

Об омских встречах Ч. Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским не осталось сведений, но, судя по тому, что Ч. Ч. Валиханов специально заехал в Семипалатинск для встречи и беседы с Ф. М. Достоевским, между ними были самые дружеские отношения. Как известно, по окончании срока каторжных работ Ф. М. Достоевский 2 марта 1854 года был определен на бессрочную солдатскую службу и переведен в Сибирский линейный батальон, расквартированный в Семипалатинске. Здесь писатель прожил более пяти лет, до середины 1859 г.

А. Е. Врангель, в то время работавший областным прокурором в Семипалатинске, во внеслужебное время занимавшийся археологией, исследованием края, быстро сблизившийся с Ф. М. Достоевским, как мы говорили ранее, оставил письменные воспоминания об этой встрече. Сколько дней они были вместе — неизвестно, но за те немногие дни Валиханов и Достоевский успели по-настоящему сдружиться, понять и полюбить друг друга, поговорить о многом, обменяться мнениями по различным вопросам реальной жизни и литературы, затрагивая ряд проблем большого общественного значения.

В первом же после встречи письме от 5 декабря 1856 года Ч. Ч. Валиханов выразил теплое искреннее

---

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., 1955, т. IX, с. 554.

отношение к Достоевскому: «Многоуважаемый Федор Михайлович! Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для меня ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело.

Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю»¹. Далее в письме Ч. Ч. Валиханов рекомендовал Ф. М. Достоевскому своего лучшего друга Цурикова Александра Николаевича, который повез это письмо в Семипалатинск. Ч. Ч. Валиханов писал: «Здесь по приезде в Омск мне предстояла неприятность — проститься с лучшим другом Александром Николаевичем Цуриковым, который теперь едет к Вам в Семипалатинск. Рекомендую Вам, добрейший Федор Михайлович, этого доброго человека, Вы его должны полюбить и чем больше будете видеть, тем более».

Как установлено, Цуриков Александр Николаевич (1824—1899) был другом декабриста Г. С. Батенкова. По образованию он юрист, работал стряпчим (прокурором) в Омске и Семипалатинске, затем обосновался в Калуге — с Валихановым подружился в Омске и сохранил добрые чувства к нему до конца своей жизни. Судя по письму Ф. М. Достоевского, в котором читаем: «...Цуриков мне нравится, он прям, но я еще мало его знаю... Напротив меня сидит Цуриков и тоже вам пишет» — Александр Николаевич писал письмо Ч. Ч. Валиханову. Но письмо Цурикова не найдено. От Цурикова Чокан мог узнать подробнее о декабристах и о Батенкове.

Неудовлетворенный тогда личным служебным положением адъютанта при генерал-губернаторе Гасфорте и в душе стремившийся к расширению своей общественно-научной деятельности, Ч. Ч. Валиханов в своем письме к Достоевскому просит его посоветовать, что ему предпринять. «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как Вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор

---

¹* т. IV, с. 46.

Михайлович, как это устроить лучше», — писал Ч. Ч. Валиханов.

В письме Ч. Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому от 5 декабря 1856 года из Омска содержатся сведения о Сергее Федоровиче Дурове, поэте-петрашевце, отбывавшем каторгу вместе с Достоевским: «Дуров что-то нездоров. Здесь ему, кажется, не так хорошо с чиновническими... крючками — все это, впрочем, Вам может подробно рапортовать Цуриков».

Валиханов познакомился с С. Ф. Дуровым, по выходе того из тюрьмы, в доме Ивановых, общался, имел ряд бесед с ним, которые оказали большое влияние на молодого Ч. Ч. Валиханова.

Слова Ч. Ч. Валиханова, которые мы читаем в этом письме: «Как провели время в Барнауле с глубокомудренным в рассуждении... мистификации человеком?» — так и не расшифрованы до сих пор, неизвестно, кого он имел в виду, давая меткую характеристику.

«Поклонитесь от меня свету моему, тайному секретарю Василию Петровичу. Ковригин на него сердится, что он ничего не пишет. Впрочем, долго ли обидеть сироту», — так Ч. Ч. Валиханов засвидетельствовал свое уважение к другу В. П. Демчинскому, тогда служившему в Сибирском казачьем войске, бывшему офицеру гусарского полка. Познакомившись в Омске с Ф. М. Достоевским и Ч. Ч. Валихановым, он подружился с ними и сохранил теплую дружбу на всю жизнь. Из этого письма Ч. Ч. Валиханова выясняется также имя их общего друга Н. Ковригина, капитана горных инженеров, ревизора Алтайского округа и Семипалатинской области, сотрудника «Горного журнала» (1860—1870). В 50-х годах XIX века Ковригин работал в Барнауле на локтевском заводе. Когда Ф. М. Достоевский приезжал в Барнаул, к своей невесте Марии Дмитриевне Исаевой, Ковригин подружился с ним. В числе друзей, которые помогали Ф. М. Достоевскому, в одно время нуждавшемуся в деньгах, был и Н. Ковригин. По случаю венчания в феврале 1857 года Ф. М. Достоевского и Марии Дмитриевны Исаевой в Кузнецке для начала новой жизни друзья, в том числе и Н. Ковригин, ссудили их деньгами, а Чокан отправил в Кузнецк большую посылку.

В письме Ч. Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому есть слова: «В последний вечер я занят был любовью по вашему совету с С. Расспросите ее, кажется, мы провели вечер приятно». Но до сих пор не выяснено, о какой осо-

бе идет речь. «...Прощайте пока, Федор Михайлович. Скоро я буду писать более подробно и многословно. Жду я Вашего ответа. Анне Андреевне я отдал Ваше письмо; она, кажется, очень довольна,— Ваш покорный слуга Чокан Валиханов»,— так заканчивается это письмо.

Сразу же после получения письма Ч. Ч. Валиханова от 5 декабря 1856 года Ф. М. Достоевский написал ему ответное. Оно датировано 14 декабря 1856 года. Ф. М. Достоевский писал Ч. Ч. Валиханову: «Письмо Ваше, добрый друг мой, передал мне Александр Николаевич. Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А Вы верно и без доказательства верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать 10 книг,— ничего не напишешь, чувство и влечение — дело необъяснимое. Когда мы простились с Вами из возка, нам всем было грустно (на душе) целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас и взапуски хвалили. Чудо как хорошо было, если бы вам можно было с нами поехать. Вы бы произвели большой эффект в Барнауле»¹.

Далее Достоевский сообщает, что много говорил о Чокане «...одной даме, женщине умной, милой, с душой и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил о вас так много, что она полюбила вас никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил вас самыми яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе ее друзей, чего вам желаю. Поэтому и пишу вам об этом...». Достоевский много рассказывал о своем друге Марии Дмитриевне Исаевой. В то время он посвящал Валиханова в самые сокровенные события своей личной жизни. Марию Дмитриевну Ч. Ч. Валиханов не раз видел, был тоже в числе ее друзей, впоследствии в письмах постоянно упоминал ее: «Марии Дмитриевне свидетельствую мое глубокое уважение...»; «засвидетельствуй мое почтение Марии Дмитриевне...». Достоевский называет Чокана «дорогой мой друг», «милый Чокан», «добрый мой друг». Видимо, они условились встретиться еще в Семипалатинске: «Приезжайте сюда возможно скорее к нам,

---

¹* т. IV, с. 88—89.

а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось вас увидеть, да вы верно не соскучитесь». Но эта запланированная на весну встреча в Семипалатинске не состоялась, они увиделись позже.

В Семипалатинске Достоевский и Валиханов говорили о многом, о своих жизненных планах и целях, собранных путешественником материалах, затрагивали вопросы большого общественного значения. Часть из них получила отражение и в этом письме Ф. М. Достоевского: «Вы пишете, что вам в Омске скучно; еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить вам с вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов: напишите статью о степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Все лучше, если бы вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, о вашей жизни там и т. д. Это была бы повесть, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните).

На вас обратили бы внимание в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, вы бы заинтересовали Географическое общество. Одним словом, и в Омске на вас смотрели бы иначе. Тогда вы бы могли заинтересовать даже родных ваших возможностью новой дороги для вас. Если хотите будущее лето пробыть в степи, то ждать еще можно долго. Но с 1 сентября будущего года вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию. Год пробыв там, вы бы знали, что делать».

В книге «Валиханов» И. Стрелкова правильно и символично назвала одну из глав своей книги этими словами Ф. М. Достоевского «Год пробыв там...».

«На год у вас достало бы средств,— продолжал в письме Ф. М. Достоевский,— верьте, что их нужно не так много. Главное с неким расчетом жить и живой взгляд иметь на это дело. Все относительно и условно. В этот год вы бы могли решиться на дальнейший шаг в вашей жизни. Вы бы сами выяснили себе результат, т. е. решили бы, что делать далее. Воротясь в Сибирь, вы бы могли представить такие выводы или такие соображения (мало ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы вас и за границу, т. е. года на два в путешествие по Европе. Лет через 8 вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей Родине. Например, не

великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходо-татаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать, настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно, будьте уверены.

Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан!

Я так вас люблю, что мечтаю о вас и судьбе вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу вашу. Но среди мечтателей была одна действительность: это то, что вы первый из вашего племени, достигший образования европейского. Уже один этот случай поразителен и сознание о нем невольно налагает на вас и обязанности. Трудно решить: как сделать вам первый шаг, но вот еще один совет (вообще), менее забывайте и мечтайте, а больше делайте.

Хотя с чего-нибудь да начните, хотя что-нибудь да сделайте для разрешения природы своей. Что-нибудь все-таки лучше чем ничего.

Дай вам бог счастья. Прощайте, дорогой мой, и позовлю вас обнять и поцеловать 10 раз.

Помните меня и пишите чаще...»¹.

А вот еще примечательные строки из этого же письма: «Съедетесь ли вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске?.. Тогда нас будет большая компания. Тогда, может быть, много переменится и в моей судьбе! Дал бы бог!..»

Как известно, в письмах Ф. М. Достоевского к своему молодому другу много внимания уделено Семипалатинску: «Хотелось бы вам кое-что написать о Семипалатинске; есть вещи очень смешные. Да не упишешь и десятой доли, если писать как следует».

В письме Ф. М. Достоевский передает привет Ч. Ч. Валиханову от Демчинского: «Вам кланяется Демчинский. Пишу вам у него на квартире за тем столом, на котором мы обыкновенно завтракаем или вечером пьем чай в ожидании обещанных строк». Далее Ф. М. Достоевский передает привет Дурову: «Поклонитесь от меня

---

¹* т. IV, с. 90.

Д-ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренне предан ему».

Так всего за два года знакомства молодой Ч. Ч. Валиханов сумел завоевать расположение и любовь известного в то время писателя и общественного деятеля Ф. М. Достоевского, который на 12 лет был старше его. Между ними установились трогательные теплые взаимоотношения, перешедшие в искреннюю дружбу. Прочитанное письмо Ф. М. Достоевского было написано тогда, когда Ч. Ч. Валиханов служил адъютантом генерал-губернатора Гасфорта, когда только начиналась его общественно-научная деятельность, когда только замышлялись будущие большие дела и открытия. Но уже тогда великий русский писатель предрекал высокую миссию общественного призвания Валиханова, верно оценил его незаурядные способности, видел в нем будущего ученого и просветителя.

Письмо Достоевского к Валиханову является ценнейшим фактом и одновременно материалом для изучения истории общественно-литературных взаимоотношений казахского и русского народов. Значение этого замечательного литературного документа было отчетливо определено выдающимся писателем, классиком советской литературы М. О. Ауэзовым в статье «Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов»: «Достоевский советует Чокану Валиханову выступить с «просвещенным ходатайством» за свой народ... В этих заботливых думах Достоевского о степи, о долге первого просвещенного сына этой степи сказались светлая, благородная роль передовой русской интеллигенции в судьбе народов России...»¹. «Нам бесконечно дорого сознавать, что великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил о своих думах и чаяниях с лучшими представителями казахского народа, что он мыслил будущее этого народа связанным с русским народом, с его борьбой за светлое будущее»².

Это единственное дошедшее до нас письмо Достоевского к Валиханову сохранилось благодаря одному из братьев Чокана, отставному поручику, обучавшемуся в свое время в Сибирском кадетском корпусе — Махмуду Валиханову. Н. Г. Павлова, работавшая в Семипалатинске, писала: «Письмо Ф. М. Достоевского получено мною в августе 1908 г. от султана Махмуда Валиханова, про-

¹ Дружба народов. 1963, № 3, с. 154—155.

² Ауэзов М. О. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961, с. 272—273.

живающего в Акмолинской области. Адресовано письмо к брату Махмуда Валиханова — Чокану Валиханову, с которым Ф. М. Достоевский познакомился, будучи в Омске. До самой смерти Чокана Валиханова Ф. М. Достоевский оказывал ему самое дружеское расположение, живо интересуясь попытками Валиханова написать историю киргизского народа»¹. От Н. Г. Павловой оно поступило в Петербург, в рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Когда Ч. Ч. Валиханов специально заехал к Ф. М. Достоевскому в Семипалатинск, они условились о новой встрече весной 1857 года, но осуществить это им не удалось. Вновь встретились они уже после возвращения Ч. Ч. Валиханова из Кашгарской экспедиции. Ф. М. Достоевскому тогда разрешили выйти в отставку, но в Петербурге жить не позволяли, и он намеревался поселиться в Твери.

К этому периоду их жизни относится всем известная, редкая фотография Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского. «В один из майских дней Достоевский и Валиханов сфотографировались вдвоем. На карточке Достоевский в мундире, пока еще не отданном Гейбовичу, потому что не готово штатское платье. Валиханов в плаще, на верное, его знобило, он нездоров. Волосы, которые он брил наголо в бытность Алимбая, еще не успели отрасти. И виден на карточке — да что там: выставлен напоказ! — кинжалик из восточной коллекции Достоевского, подаренный на память, хотя есть примета, что острее дарить — к ссоре. У Чокана на фотографии погасшие глаза, набрякшие веки, — замкнутое лицо, заострившиеся скулы, свисшие вниз усы. Он еще не отошел от пережитого, не сбросил маску Алимбая, у него что-то залеклось внутри — навсегда. В свои 23 года недавний денди выглядит ровесником прошедшего каторгу и солдатчину Достоевского», — читаем в книге И. Стрелковой «Валиханов»².

В один из дней этой встречи Ч. Ч. Валиханов подарил своему другу дорожную палисандровую шкатулку для бумаг. По воспоминаниям второй жены Федора Михайловича А. Г. Достоевской, он очень дорожил этим подарком, держал в шкатулке дорогие ему рукописи, письма и вещи, с которыми связаны незабвенные воспоминания.

---

¹ *Достоевский Ф. М. Письма. М.-Л., 1928, т. I, с. 200—202.*

² *Стрелкова И. Валиханов М., 1983, с. 186.*

Неизвестно, сохранилась ли эта палисандровая шкатулка, подаренная Валихановым Достоевскому. Вероятно, затерялся и кинжал, который подарил Ф. М. Достоевский Ч. Валиханову.

Когда по пути из Семипалатинска в Тверь Ф. М. Достоевский три дня пробыл в Омске, друзья встретились вновь. Ч. Ч. Валиханов в то время работал над своим научным отчетом, готовился к поездке в Петербург и, наверняка, многое рассказал Достоевскому о виденном и пережитом. О кратковременном пребывании в Омске Ф. М. Достоевский так сообщал А. И. Гейбовичу: «В Омске я пробыл трое суток... был у старых знакомых... Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и через месяц он туда едет. Познакомился через него с хорошим семейством, с Капустиными (не знаете ли?), они теперь в Томске; люди простодушные и благородные, с хорошим сердцем»¹. Несмотря на краткость сообщения, можно представить радушие этой встречи, ту нежную заботу, которую проявил Чокан Валиханов к дорожному гостю. В письме чувствуется также искренняя радость Достоевского по поводу того, что имя Валиханова пользуется популярностью, что его знают в Петербурге, приглашают его туда и что «через месяц он туда едет». Достоевский не представляет своему адресату, ротному командиру А. И. Гейбовичу Валиханова, и это прямое доказательство того, что имя Чокана было популярно и в Омске, и в Семипалатинске.

По прибытии в Тверь Ф. М. Достоевский в одном из первых же своих писем сердечным словом поминал Валиханова. Зная, что он должен быть в Петербурге, Ф. М. Достоевский проявляет глубокую заинтересованность в его научно-общественных делах. Из Твери 31 декабря 1859 года Ф. М. Достоевский писал А. Е. Врангелю: «Ягдташ же ваш и маленький кинжал (как лежавший в чемодане), я почел своею собственностью, так как вы мне все подарили, и, уезжая, подарил, в свою очередь, между прочим, кинжалик Валиханову. Уж за это простите. Валиханов премилый и презамечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я вам об нем? Он член Географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь»². Ф. М. Достоевский тогда не знал, что

---

¹ *Достоевский Ф. М. Письма М.-Л.*, т. I, 1928, с. 269.

² *Достоевский Ф. М. Письма М.-Л.*, 1928, т. I, с. 279

Ч. Ч. Валиханов все оттягивал и оттягивал поездку в столицу. Ф. М. Достоевский раньше Ч. Ч. Валиханова приехал в Петербург — в декабре 1859 года. Ч. Ч. Валиханов пробыл в столице с февраля 1860 по май 1861 года.

Встречались они и в Петербурге. Однако о петербургских встречах и беседах не сохранилось никаких достоверных материалов. Лишь на основе писем Ч. Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому, написанных после возвращения в степь, а также воспоминаний и архивных материалов, исследователи в какой-то мере восстановили характер их взаимоотношений в этот период.

В этом смысле особый интерес представляет книга И. Стрелковой «Валиханов», а именно глава «Год пробы там...», в которой тщательно и бережно рассказано о петербургских встречах Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского. Автор книги не разделяет мнение некоторых исследователей о том, что дружба двух великих людей после их свидания в столице пошла на убыль. Во взаимоотношениях Валиханова и Достоевского в период предреформенного времени, отмеченного острой идейно-политической борьбой, противоборствующими течениями в общественной и литературной жизни, наметились кое-какие расхождения, но они ни в коей мере не остудили пыл их искренней дружбы и любви, основанной на глубоком и мудром взаимопонимании. Письма Валиханова к Достоевскому, написанные после посещения Петербурга, как и прежде, полны дружеских чувств.

Почти сразу же после выезда из Петербурга в свой аул, во время следования из столицы в Сырымбет, из Петропавловска, больной Ч. Ч. Валиханов пишет письмо Ф. М. Достоевскому.

«Любезный друг, Федор Михайлович!

Я обещал тебе писать из Казани, но вследствие разных причин, главнейшим образом вследствие лени, пишу из Сибири, из Петропавловска, куда приехал вчера вечером и где буду ожидать генерал-губернатора. Потом думаю уехать прямо к себе в Орду. Здоровье мое не хуже и не лучше, покашливаю, как и прежде, хотя пью кумыс,— впрочем, что скажет степь, вольный воздух, повозки»,— писал Ч. Ч. Валиханов.

В письме к другу Ч. Ч. Валиханов с предельной точностью и душевной открытостью передает свое тягостное положение, минорное настроение: «Я теперь — расстроен нравственно и телесно и много писать не могу, а расстро-

ен оттого, что взял себе в Казани попутчика, и этот господин надоел мне смертельно, а отвязаться от него никак не могу: куда я и он туда же. Одно его присутствие меня терзает и приводит в бешенство... Вот, любезный друг, сам себе сотворил муку и поделом — не бери впредь попутчиков с собой. Писать более не хочется, прощай, голубчик, кланяйся от меня Марии Дмитриевне, Михайлу Михайловичу, и дому его, Майкову, Полонскому и всем нашим знакомым. Извини за краткость, в другой раз постараюсь быть пространнее. Валиханов. Пиши, пожалуйста, адресуй в Кокчетав, через Петропавловск, в Тобольскую губернию»¹.

Исследователями установлено, что попутчиком, который Ч. Ч. Валиханову надоел «смертельно», был петербургский денщик Сейфулмулюков, рядовой, приставленный к Чокану Валиханову в Петербурге. Это недвусмысленный намек на то, что царское правительство, опасаясь просвещенного Ч. Ч. Валиханова, постоянно и строго за ним следило.

Третье письмо Ч. Ч. Валиханова Ф. М. Достоевскому датировано «Генваря 14, 1862 г., Киргизская степь». Из письма многое можно узнать о состоянии здоровья и занятиях больного Ч. Ч. Валиханова в эти годы, о его намерении поехать еще раз в Петербург, получить место консула в Кашгаре, а если это не удастся, выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам, о его глубоким интересе к общественной и литературной жизни Петербурга, к столичным друзьям.

«Любезный друг, Федор Михайлович!

Ты, верно, полагаешь, что я давно уже умер, а между тем я жив, и доказательством тому может послужить это письмо. Я до сих пор не писал тебе по разным уважительным причинам, которые будут теперь изложены. Во-первых, я сам думал в октябре быть в Петербурге, потом заболел и оставил это намерение до декабря. Так как здоровье мое и в декабре оказалось очень слабым, то я склонялся на совет сибирских докторов зиму провести в степи, а теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам. В Кашгаре я бы стал получать хорошее содержание, климат хороший, может быть, здоровье

---

¹* т. IV, с. 114.

мое поправилось бы. Если это не удастся, и в степи будет недурно. Буду заниматься хозяйством, торговлей, а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасаемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду, к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик Федя? Все это хорошо и вещь очень возможная, если бы здоровье мое несколько поправилось. Правда, и теперь я чувствую себя относительно лучше, но все-таки не так, как бы следовало»¹.

Из письма понятно, что здоровье Валиханова крайне ухудшилось. Но несмотря на это он был преисполнен разнообразных планов, мечтает об общественной и научно-просветительской деятельности, воодушевлен желанием служить своему народу, любимой им степи так, чтобы принести «своим родичам больше пользы, чем их безграмотные и дикие султаны». Мечта еще раз поехать в Петербург окрыляла его, видимо, он скучал по своим друзьям, общение с которыми много давало его душе и мыслям.

Продолжим чтение этого трогательного и в то же время мужественного письма: «Итак, я остаюсь на зиму в Орде, лето проведу также в Орде, чтобы взять полный курс лечения кумысом, и к осени, если останусь жив, явлюсь в Петербург и обниму тебя так здорово, что, наверное, закричишь. В степи, брат, только скучновато, зато ленюсь как хочу, и никто не мешает. Следуя совету одного доктора сибирского, но человека достойного уважения (ты его не знаешь), я зарок дал ничего не делать, ничего не пишу, ничего не читаю, одним словом, не изнуряю умственных способностей — в этом заключается мое лечение и от этого происходит моя скука. Здесь можно бы найти развлечения другого рода: охота с орлом, собакой, ружьем, и проч., но проклятое здоровье это никоим образом не позволяет. Лежи, да и только».

Однако труды, написанные в это время, и то, что он писал о своих научных планах Бекетову, говорят совсем об ином: и больной Ч. Ч. Валиханов продолжал упорно работать.

В письме к Федору Михайловичу он живо интересуется

---

¹* г. IV, с. 61.

ся делами своих петербургских друзей, успехами журналов, издаваемых братьями Достоевскими, просит выслать ему номера журнала «Время», подписаться на «Современник». В конце письма идут поклоны — Михайлу Михайловичу Достоевскому, Майкову, Полонскому, Страхову, Чокан Валиханов обращается с просьбой передать Николаю Курочкину, что собирается писать ему. К сожалению, до сих пор ничего неизвестно о письме к Курочкину. Дойди оно до нас, многое бы прояснилось, особенно отношение Ч. Ч. Валиханова к искровцам. В письме к Ф. М. Достоевскому от 14 января 1862 года содержится также просьба Ч. Ч. Валиханова к петербургским друзьям прислать ему их фотографические карточки. Он пишет: «Что делает Михайло Михайлович, как идет юное его детище и наш добрый приятель «Время». Я газет не получаю и потому решительно ничего не знаю. Кланяйся Михайле Михайловичу, Николаю и всем нашим. Майкову и его жене передай мой усердный поклон. Полонскому, Страхову тоже».

Письмо заканчивается словами: «Марии Дмитриевне свидетельствую мое глубокое уважение, надеюсь, что будете здоровы, не забывайте нас, грешных»¹. Видимо, на это письмо Ф. М. Достоевский ответил, ибо в следующем письме Ч. Ч. Валиханова к писателю читаем: «Любезный друг, Федор Михайлович. Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил...». К сожалению, упомянутое письмо Ф. М. Достоевского не дошло до нас. Ровно через десять месяцев рукою Ч. Ч. Валиханова было написано еще одно подробное письмо Ф. М. Достоевскому. Оно датировано так: «15 октября 1862 г., Кокчетав».

За срок между двумя последними письмами Ч. Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому с 14 января по 15 октября 1862 года произошло много событий в степи и в жизни самого Валиханова, что и получило отражение в этом письме. Его строки ярко рассказывают о состоянии Ч. Ч. Валиханова, о его отношении к несправедливости, об обострении классовых, социальных и политических отношений в степи, о ходе атбасарских выборов, о всех перипетиях его борьбы за должность старшего султана.

В 1862 году Ч. Ч. Валиханов баллотировался на должность старшего султана Атбасарского округа, чтобы иметь возможность вести борьбу с «чиновничьим произ-

---

¹* т. IV, с. 62.

волом» и «деспотизмом богатых». Выборы на административные должности проходили в условиях усиления борьбы различных партий. Хотя на выборах Чокан получил больше всех голосов, царская администрация, в том числе и генерал-губернатор, сговорившись с местными колониальными правителями, не утвердила его старшим султаном. Об этой атбасарской истории подробно рассказано в письме Ч. Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому, которое мы приводим, учитывая его значимость, полностью.

«Любезный друг, Федор Михайлович.

Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил и с того времени все собираюсь писать и, как видишь, наконец-таки пишу. Вероятно, ты думаешь бог знает что обо мне. Не умер ли? Не болен ли? Я между тем жив, хотя чувствую себя очень плохо как физически, так и нравственно. Во-первых, скука, во-вторых, беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей, которые видеть должен каждый час, каждую минуту. Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, что не видишь надежды, вернее, луча надежды когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты.

Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя работе на пользу соотечественников, защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный — не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук. Господа эти, какюбластные, так и приказные, поголовно восстали против этого. Ты понимаешь, почему. Областные лишились бы нескольких тысяч, которые они стягивали со старшего султана, а приказным, действительно если бы я был султаном, пришлось бы идти по миру. Видишь, что для чиновников своего рода «быть или не быть». Надо заметить, впрочем, что на моей стороне из всех властей русских был один только г. Гутковский, который в это время исправлял должность губернатора и производил выборы. Чиновничество начинает подстрекать самолюбие богатых и честолюбивых ордынцев и пугать их, что

если Валиханов будет султаном, то всем будет худо, он, мол, держится понятий о равенстве и отличать вас по роду, богатству как свой брат, натуральный киргиз, не будет; пустили в ход и то, что я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде. Понятно, что подобные вещи, действуя на народ полудикий и преданный своим обычаям, не могли не остаться без последствий, особенно когда исходили от русских майоров (так киргизы называют всех русских чиновников). Мои земляки, как ты сам знаешь, всегда держатся русских указаний, может быть, вследствие восточной вежливости.

Таким образом, составляются две партии: одна, состоящая из четырех волостей баганалинцев, поколения дикого и кочующего около кокандских границ. Эта дикая толпа не хочет иметь султаном человека, который имеет голову, не гладко выбритую, а притом не совершающего омовения пять раз в день; при этом баганалинцы выражают опасение, что если меня сделают султаном, то я всех киргизов отдам в солдаты, а детей их в школу. Так им внушено.

Другая партия, преданная мне, состоит из трех волостей староподданных и из всех султанов этого округа. Начинаются выборы, перед тем ночью противная партия посещает секретаря губернаторского, баварского немца, который оставил родной Мюнхен с сестрицей, оканчивающейся на шеп, чтобы обирать киргизов в независимой Татарии и на их деньги шить «померанцевые платья на цитроновых лентах». На выборах я торжествую. Меня выбирают большинством голосов. У меня 25, а у моего противника баганалинца 14. По закону старшего султана избирают; во-первых, султаны и киргизы, имеющие чины или служившие в должностях по округу 9 лет; во-вторых, султан утверждается по большинству голосов, и, в-третьих, старший султан избирается по преимуществу из султанов. Противник мой — простой киргиз, это бы решительно ничего, но он человек неграмотный и бывший не раз под судом. Дело, конечно, решенное: я имею все законные основания и притом, как человек образованный, должен быть бы предпочтен дикому ордынцу, если бы даже был бы избран меньшинством голосов. Губернатор говорит, что «надейтесь, господин Валиханов», я же думаю: еще бы не надеяться, когда закон на моей стороне. Но противник мой не унывает, он по опыту знает, что деньгами можно сделать все, в прошедшую зиму он возил в Омск 3 тысячи рублей и освободил двух арестан-

тов. В этом ему помогал секретарь, а секретарь говорит ему и теперь: собирай деньги и посылай людей в Омск — будешь ханом. Деньги идут в Омск. Я хотя много читал обличительных статей, но на этот раз думал — постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-нибудь. Гордость обуяла. Вдруг получаю известие от Гутковского, что поездка баганалинцев осталась не без успеха и что генерал-губернатор не хочет тебя ни за что утверждать. Оно и правда, что законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов, известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргизов потому, что в них, знаете, больше этой подобострастности. «Гирей сидел, потупя взор, в устах его...» и проч. Но при всем том, признаться, я такого пассажи не ожидал. Каково, мой друг? Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, воспитавшихся в России). Земляки наши считают отступниками и неверными, потому что, согласишься сам, трудно без убеждения из-за одной только политики пять раз в день хвалить бога, а генералы не любят потому, что у меня мало этой восточной подобострастности. Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся.

Пожалуйста, посоветуй, что делать. Просить удовлетворения, по-моему, то же самое, что просить конституции: посадят да потом к Макару на пастбище пошлют. Я уже написал к некоторым властям в Петербург, а ты дай этому побольше гласности, расскажи всем нашим друзьям, пусть разойдется по городу.

Михайло Михайловичу и всему его семейству передай мой искренний поклон, засвидетельствуй мое почтение Марии Дмитриевне, Николаю поклонись. Мой поклон вообще, кто спросит. Валиханов. Адрес мой, вероятно, ты помнишь, названия сибирские для тебя не так неуловимы, как истому петербуржцу. На всякий случай: Кокчетавская станица, через г. Петропавловск Западной Сибири»¹.

До сих пор неизвестно, был ли ответ Ф. М. Достоевского на это подробное письмо Ч. Ч. Валиханова. Если был, он, видимо, утерян после смерти Ч. Ч. Валиханова, как и многие другие письма и бумаги.

Почти два месяца спустя после этого послания Достоевскому Ч. Ч. Валиханов 6 декабря этого же года, также из Кокчетавы, пишет длинное обстоятельное письмо Аполлону Николаевичу Майкову, где есть строки и о

---

¹* т. IV, с. 63—65.

братьях Достоевских. «Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем я, впрочем, сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется, хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удастся им это примирение?»¹, — и высказывал свое отношение к этим литературным направлениям.

Когда К. К. Гутковский, получив отставку, по поводу которой Ч. Ч. Валиханов писал: «Я, как все, был глубоко поражен, многоуважаемый Карл Казимирович, известием о вашей отставке, хотя удивляться несправедливостям можно бы нам, сибирякам, перестать», — и собирался в Петербург, Чокан решил через него передать рекомендательное письмо-записку Достоевскому. Вот его текст: «Давно не имею от тебя никаких известий, любезный Федор Михайлович. Жив ли ты? Впрочем, если бы ты умер, то написали бы о том в газетах. Поэтому надо полагать, что ты жив, но забыл нас, живущих и вопиющих в пустыне киргизской. Что со мной и как я живу, узнаешь подробно от Карла Казимировича Гутковского, моего друга, который едет в Петербург по делу, касающемуся отчасти и меня. Надеюсь, что и ты, и Мария Дмитриевна примете его хорошо и познакомитесь с его семейством. У них в Петербурге нет никакого знакомства. Гутковские люди очень добрые и без всяких провинциальных предрассудков, которые так шокируют Вас, петербуржцев. Я буду в Петербурге с первой зимней дорогой. Кланяюсь Михайле Михайловичу с его семейством, Исаковым, Майковым и всем, которые меня помнят».

Это — последнее дошедшее до нас письмо Ч. Ч. Валиханова Ф. М. Достоевскому. Так и не сбылась мечта его еще раз поехать в Петербург, болезнь и травля омских чиновников и степных правителей-оборотней привели Ч. Ч. Валиханова к преждевременной и такой ранней смерти.

Несмотря на некоторое сомнение Ч. Ч. Валиханова по поводу идейной платформы почвенников, которыми были в одно время увлечены братья Достоевские, он до конца своей короткой жизни сохранил дружбу и уважение к Ф. М. Достоевскому, его семье и брату — Михаилу

---

¹* т. IV, с. 67.

Михайловичу. Утверждение об их идейном разрыве, вызванном почвенническими взглядами Достоевского, и прекращении по этой причине в 60-е годы дружественных отношений по праву можно считать необоснованным. Текстологический анализ писем Ч. Ч. Валиханова Ф. М. Достоевскому позволяет утверждать, что великий русский писатель адресовал своему молодому другу не одно, а несколько писем. Но они не дошли до нас, и все-таки поиск следует продолжить, и, кто знает, может быть, он увенчается успехом. А это даст исследователям творческого наследия Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского бесценный материал и восполнит пробелы в их биографиях и взаимоотношениях.

Ч. Ч. Валиханов знал и ценил близких Ф. М. Достоевскому людей, старшего брата писателя М. М. Достоевского, с которым познакомился в Петербурге. Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864) — русский писатель. О взаимоотношениях двух братьев подробно рассказано, к примеру, в книге Ю. Селезнева из серии ЖЗЛ «Достоевский». Двух братьев сближала общность их литературных интересов и глубокая взаимная привязанность. «Любить тебя это для меня вполне потребность», — писал Ф. М. Достоевский брату в 1840 году¹. В 1849 году М. М. Достоевский был арестован по делу петрашевцев, но вскоре освобожден. Выйдя в отставку, он занялся литературной деятельностью. В повестях «Дочка», «Господин Светелкин», «Брат и сестра» М. М. Достоевский продолжал традицию «натуральной школы», подражал манере письма Н. В. Гоголя. В повести «Пятьдесят лет» содержатся зарисовки из жизни дворянской усадьбы. У М. М. Достоевского есть и переводы из произведений Ф. Шиллера, о которых положительно отзывался Н. А. Добролюбов.

Вместе с братом М. М. Достоевский издавал журналы «Время» и «Эпоха», в которых развивались идеи «почвенничества». Ч. Ч. Валиханов, судя по его письмам, питал уважение к М. М. Достоевскому: «...кланяйся от меня... Михайлу Михайловичу»; «...что делает Михайло Михайлович, как идет юное его детище (журнал «Эпоха» — Ш. С.) и наш добрый приятель «Время»?»; «...кланяйся Михайле Михайловичу, Николаю и всем вашим...»; «Михайло Михайловичу и всему его семейству передай

---

¹ Достоевский Ф. М. Письма. М.-Л., 1928, т. I, с. 62.

мой искренний поклон, засвидетельствуй мое почтение Марии Дмитриевне (жена Ф. М. Достоевского — Ш. С.)...»; «кланяюсь Михайле Михайловичу с его семейством», — пишет он в письмах Ф. М. Достоевскому. Неизвестно, знал ли Ч. Ч. Валиханов о смерти М. М. Достоевского, как на это реагировал, выразил ли свое сочувствие по этому прискорбному поводу Ф. М. Достоевскому.

Ч. Ч. Валиханов хорошо знал жену Ф. М. Достоевского — Марию Дмитриевну, питал к ней глубокое уважение, был искренне к ней расположен. Об этом можно судить по его письмам: «...Марии Дмитриевне свидетельствую мое глубокое уважение, надеюсь, что будете здоровы, не забывайте нас, грешных»; «...засвидетельствуй мое почтение Марии Дмитриевне». Нет материалов, свидетельствующих о том, что Ч. Ч. Валиханов знал о ее кончине — 15 апреля 1864 года. В феврале 1867 года состоялось венчание Ф. М. Достоевского с А. Г. Сниткиной — Ч. Ч. Валиханова уже не было. Но об Анне Григорьевне Достоевской стоит подробнее сказать по одной важной причине: по рассказу Ф. М. Достоевского она оставила, хотя небольшое, но ценное воспоминание о Ч. Ч. Валиханове.

Достоевская Анна Григорьевна (1846—1918), жена и помощница Ф. М. Достоевского. Как стенографистка-переписчица она участвовала в подготовке к печати произведений писателя, вела его издательские дела. Ф. М. Достоевский посвятил ей роман «Братья Карамазовы». А. Г. Достоевскую с полным основанием можно назвать хранительницей архива писателя. Она организовала в 1906 году в Историческом музее в Москве комнату, посвященную Ф. М. Достоевскому. С 1929 года коллекция Достоевской перешла в Московский музей-квартиру Ф. М. Достоевского. Анна Григорьевна является составителем и издателем «Библиографического указания сочинений и произведений искусств, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского», которое вышло в 1906 году. Дневники и воспоминания А. Г. Достоевской раскрывают творческое кредо писателя, являются важнейшим биографическим материалом.

Воспоминание о Ч. Ч. Валиханове «Незабываемый день» было напечатано в книге «Воспоминания А. Г. Достоевской» (под ред. Л. П. Гроссмана, М.-Л., 1925 г., перепечатано оно в IV томе Собраний сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах). Так как это издание

стало библиографической редкостью, считаем нужным привести отрывок о Валиханове полностью.

«Восьмое ноября 1866 года — один из знаменательных дней моей жизни: в этот день Федор Михайлович сказал мне, что меня любит, и просил быть его женой. С того времени прошло полвека, а все подробности этого дня так ясны в моей памяти, как будто произошли месяц назад.

Был светлый морозный день. Я пошла к Федору Михайловичу пешком, а потому опоздала на полчаса против назначенного времени. Федор Михайлович, видимо, давно уже меня ждал, услышав мой голос, он тотчас вышел в переднюю.

— Наконец-то вы пришли! — радостно сказал он и стал помогать мне развязывать башлык и снимать пальто. Мы вместе вошли в кабинет. Там на этот раз было очень светло, и я с удивлением заметила, что Федор Михайлович чем-то взволнован. У него было возбужденное, почти восторженное выражение лица, что очень его молодило.

— Как я рад, что вы пришли, — начал Федор Михайлович, — я так боялся, что вы забудете свое обещание.

— И я рада, что вижу вас, Федор Михайлович, да еще в таком веселом настроении. Не случилось ли с вами чего-либо хорошего?

— Да, случилось! Сегодня ночью я видел чудесный сон!

— Только-то! — и я рассмеялась.

— Не смейтесь, пожалуйста. Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне моего покойного брата Мишу, а особенно, когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда.

— Расскажите же ваш сон!

— Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне по воспоминаниям. Так вот, вижу я во сне, что сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги. Вдруг между нами что-то блеснуло, какая-то светлая звездочка. Я перебираю бумаги, а звездочка то появляется, то исчезает. Это меня заинтересовало, я стал медленно перекидывать бумаги и между ними нашел крошечный бриллиантик, но очень яркий и сверкающий...»¹

---

¹ *Воспоминания А. Г. Достоевской.* М.-Л., 1925, с. 45—46.

А. Е. Врангель, не раз встречавшийся с Ч. Ч. Валихановым, в книге «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.» посвятил ему несколько слов: «...имя Валиханова упоминается в последних письмах Достоевского ко мне»¹. К сожалению, письма Достоевского к Врангелю неизвестны, но слова А. Е. Врангеля примечательны тем, что они явственно свидетельствуют о том, что великий русский писатель дорожил дружбой Ч. Ч. Валиханова, любил его преданной любовью.

О пребывании Достоевского в Казахстане написано немало книг, статей и воспоминаний. В них Ф. М. Достоевский предстает врагом великодержавного шовинизма, человеком, который сочувствует казахскому народу, находящемуся под двойным игом: местных баев и царизма. В Семипалатинске Ф. М. Достоевский написал роман «Село Степанчиково и его обитатели», повесть «Дядюшкин сон», создал ряд глав «Записок из Мертвого дома» и другое. Тема — Казахстан в произведениях Ф. М. Достоевского — может быть предметом специального изучения.

В ряде работ затрагивался вопрос: запечатлен ли образ Валиханова в произведениях писателя и не придал ли он какому-нибудь литературному герою его внешние черты и внутренний строй души. В одной из черновых записей к роману «Подросток», опубликованному в «Отечественных записках» за 1875—1876 гг., есть беглое упоминание имени Валиханова: «Потом, в конце, когда жена умерла, Лиза повесилась, а мальчик сбежал, он (Версиров — Ш. С.) исповедывается сыну и говорит, что перенести не может образов; все рассказывает, как загалывался (страшное простодушие, Валиханов, обаяние)»². Некоторые исследователи, основываясь на этой записи, утверждают, что один из главных персонажей романа, Версиров, несет в себе черты характера Валиханова.

Это натяжка. Наиболее убедительную трактовку строчек из рукописи «Подросток» с упоминанием имени Валиханова дал писатель П. Косенко в книге «Иртыш и Нева»³.

Дружба Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского, их переписка — одна из значительных страниц в биографи-

¹* т. IV, с. 594.

² Полинин А. С. История создания романа «Подросток». — В кн.: В творческой лаборатории Достоевского. М., 1974, с. 130.

³ Косенко П. Иртыш и Нева. Алма-Ата, Жазушы, 1971, с. 172—178.

ях великих людей, представителей двух народов. В их взаимоотношениях отразились не только богатство их душ, их родство, их творческая жизнедеятельность. Это великое знамение — два народа явили миру двух своих сыновей, воплотивших в своей жизни, творчестве, деятельности дух созидательной дружбы, они были своего рода предтечами братства русского и казахского народа, которое утвердила и укрепила Великая Октябрьская социалистическая революция. В их дружбе проявилась вековая мечта народов к единению — вечному, времени не подвластному.

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ В ПЕТЕРБУРГЕ, В КРУГУ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Как известно, Ч. Ч. Валиханов после своей легендарной Кашгарской экспедиции по вызову Министерства иностранных дел в марте 1860 года приехал в Петербург и находился там более года, работал в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и в Генеральном штабе военного министерства. Жизнь Ч. Ч. Валиханова и круг его интересов и общения с представителями русской интеллигенции — учеными, общественными деятелями, литераторами, — дружеская связь со многими из них освещены в трудах А. Маргулана, М. Ауэзова, С. Зиманова, С. Муканова, П. Косенко, И. Стрелковой и других¹.

Так как в этих трудах в широкой панораме исследуется его кипучая жизнь и многосторонняя деятельность, то, естественно, вопрос о его литературной и писательской среде в Петербурге имел, в определенной степени, частный характер и ряд подробностей филологического плана остался в стороне. В очерке предпринимается попытка исследовать Ч. Ч. Валиханова в его тесных связях именно с русской литературной средой, в которой он находился в бытность свою в Петербурге в 1860—1861 годах, и для нас, безусловно, представляет интерес каждый

---

¹ *Маргулан А. Х.* Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. — В кн.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5-ти томах. Алма-Ата, 1961—1972, т. I; *Ауэзов М. Ф. М.* Достоевский и Чокан Валиханов. — В кн.: *Мысли разных лет.* Алма-Ата, 1961; *Зиманов С., Атишев А.* Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1965; *Косенко П.* Иртыш и Нева. Алма-Ата, 1971; *Стрелкова И.* Валиханов. М., 1983.

русский писатель и поэт, который имел возможность видеться, общаться, подружиться с Валихановым. Можно назвать десятки имен — Ковалевский, братья Майковы, Курочкины, братья Достоевские, Полонский, Крестовский, Страхов, с которыми Ч. Ч. Валиханов общался, дружил, вел литературные и научные дискуссии. Среди образованных людей, писателей, издателей, ученых Ч. Ч. Валиханов блистал своей эрудицией.

За каждым этим именем стоят десятки событий и явлений русской общественной и литературной жизни, которые пропускал через свое сердце и ум Ч. Ч. Валиханов. Поэтому нам так дорог этот петербургский год жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова — раскрытие его во всей полноте и многообразии может многое дать для понимания полной драматизма и блистательных взлетов судьбы Ч. Ч. Валиханова, человека ренессансного типа.

О братьях Майковых Ч. Ч. Валиханов мог знать еще до приезда в Петербург от А. Е. Врангеля и Ф. М. Достоевского. А. Е. Врангель передавал Достоевскому письма от его брата Михаила и Аполлона Майкова, посылки и поклоны, вообще он был одним из тех, с кем русский писатель был в тесных дружеских отношениях в период пребывания в Семипалатинске, и вполне возможно, что Ф. М. Достоевский рассказывал своему молодому другу о братьях Майковых. В Петербурге Ч. Ч. Валиханов сблизился с Майковыми, с одним из них, Аполлоном Николаевичем, был в дружбе, переписывался, а Леонид Николаевич Майков принимал деятельное участие в сборе работ Ч. Ч. Валиханова для издания.

В письме к Аполлону Николаевичу Майкову Ч. Ч. Валиханов писал: «...Давно собираюсь писать к Вам, многоуважаемый Аполлон Николаевич, чтобы поблагодарить Вас и Ваше доброе семейство за то участие и благорасположение, которое Вы оказали мне во время нашего знакомства. Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, когда я живу в степи, хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но разъединенный с ними чем-то неодолимым. ...Свидетельствую мое глубочайшее почтение всем вашим родным и целую ваших детей, особенно мою маленькую приятельницу»¹.

В истории русской культуры и литературы сыновья академика живописи Н. А. Майкова, братья Майковы,

---

¹* т. IV, с. 65.

оставили глубокий след и богатое художественное наследие. Старший, Аполлон Николаевич, был известным русским поэтом. Его брат, Валериан Николаевич (1823—1847), несмотря на то, что прожил всего двадцать четыре года — жизнь его оборвал несчастный случай, он утонул во время купания, — был известным и уважаемым критиком и публицистом. И. А. Гончаров в некрологе на смерть В. Н. Майкова, опубликованном в журнале «Современник», отметил, что он был из числа «критических талантов высшего разряда», Н. Г. Чернышевский в своей рецензии на «Стихотворения Кольцова» (1856) оценил В. Н. Майкова как продолжателя Белинского. Его Ч. Ч. Валиханов не мог видеть, но мог знать о нем от Ф. М. Достоевского и А. Е. Врангеля.

Младший — Майков, Леонид Николаевич (1839—1900), был известным историком литературы, библиографом, этнографом, вице-президентом Академии наук, членом Русского географического общества. Если принять во внимание строки из письма Ч. Ч. Валиханова А. Н. Майкову: «Свидетельствую мое глубочайшее почтение всем вашим родным», — можно предположить, что, будучи в Петербурге, Валиханов мог встречаться с Л. Н. Майковым, по возрасту его ровесником. Имя Леонида Николаевича Майкова дорого нам и тем, что он один из тех, кто принимал деятельное участие в сохранении и издании после смерти Ч. Ч. Валиханова некоторых его трудов.

Это выясняется из переписки русских ученых. В отрывке из письма Г. Н. Потанина к Г. Е. Катанаеву читаем: «...Одновременно с этим письмом я посылаю Вам рукопись, которую прошу напечатать в «Записках» Вашего отдела. Рукопись, которую я Вам посылаю, есть копия с рукописи, случайно найденной Леонидом Николаевичем Майковым; с согласия последнего я приготовил ее для «Записок» отдела, а самую рукопись передал вновь г. Майкову... Статья о шаманстве очень интересна. Леонид Николаевич Майков хотел сначала поместить ее в здешних «Известиях», но потом разрешил ее отослать в отдел ввиду того обстоятельства, что в рукописи встречаются пропуски, которые могут быть в Омске при помощи сведущих переводчиков восстановлены»¹.

В письме Г. Н. Потанина к Н. И. Веселовскому, датированном 3 декабря 1893 года, Г. Н. Потанин пишет:

---

¹* т. IV, с. 513.

«Многоуважаемый Николай Иванович! Я оставил материал для издания статей Валиханова у Ник. Мих. Ядринцева, так как опоздал свести его к Леон. Ник. Майкову до отъезда последнего в Ярославль»¹.

В другом письме Н. И. Веселовскому от 13 апреля 1901 года Г. Н. Потанин сообщает о своем беспокойстве по поводу неизвестности судьбы статьи Ч. Ч. Валиханова «О шаманстве у киргизов»: «Если же статьи о шаманстве у Петра Петровича (П. П. Семенов.— Ш. С.) не окажется, остается только одно — искать ее у вдовы Леонида Николаевича Майкова»².

Как видно из этой переписки, Л. Н. Майков не только знал Ч. Ч. Валиханова, но и читал его труды, держал их у себя, заботился о том, чтобы они увидели свет.

Об Аполлоне Николаевиче Майкове (1821—1897) следует сказать особо. Он учился на юридическом факультете Петербургского университета, рано увлекся поэзией. Его поэтические произведения посвящены темам европейской и русской истории, искусству, он создал замечательные стихи об итальянской и русской природе, отличающиеся задушевностью, напевностью, живописностью. Многие стихи А. Н. Майкова вдохновили композиторов П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова и других на создание романсов, которые были очень популярны. А. Н. Майков переводил Г. Гейне, А. Мицкевича, Г. Лонгфелло. А. Н. Майков много путешествовал. В последние годы своей жизни работал председателем иностранной цензуры.

В письме к А. Н. Майкову Ч. Ч. Валиханов подробно излагает обстоятельства своей жизни в степи, расспрашивает о Петербурге, столичных событиях, друзьях. «Интересно было бы узнать от Вас о некоторых крупных литературных скандалах и ученых критиках. Что с «Современником» и что будем делать мы, его подписчики?»³,— пишет Ч. Ч. Валиханов. Он делится своими планами сотрудничать с литературными журналами «Санкт-Петербургские ведомости» и «Отечественные записки».

Письмо Валиханова, адресованное Майкову 6 декабря 1862 года из Кокчетова, напечатано во всех изданиях произведений ученого и является ценным эпистолярным материалом, характеризующим обстановку в ауле и душевное состояние его автора.

¹* т. II, с. 519.

²* т. IV, с. 521.

³* т. IV, с. 65.

«Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, когда я живу в степи, хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но разъединенный с ними чем-то неодолимым. Как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров, мы начинаем расходиться...

Чтобы видеть всю невидность моего положения в Орде, я приведу вам некоторые стычки, бывшие у меня с отцом, матушкой,— писал он Аполлону Николаевичу.— А (из)-за чего? Отец был дружен с одним султаном из Оренбургской степи и дал ему слово породниться. Приехал я, грешный. Отец с матушкой решили меня женить: будет ему таскаться. Надо сказать, что предназначенная мне невеста была влюблена в брата моего и писала к нему в это самое время часто нежные послания. Я, разумеется, отказался от женитьбы, особенно при таких обстоятельствах, и выразил мой взгляд на супружество. Это совершенно озадачило моих родителей и привело в ужас. Сын против отцовской воли. «Вот на что я воспитал его,— роптал отец,— не уважил меня и мать на старости». Мать заговорила о своем молоке, даром потраченном. Действительно, с казахской точки зрения это была ужасная неблагодарность и дурно ставила меня в глазах народа. А как бы я поступил иначе? Отец был так огорчен этим обстоятельством, что где-то торжественно объявил, что не намерен более воспитывать детей своих по-европейски. «Они портятся»,— так говорил он в заключение. С местными султанами и богачами из черной кости я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с людьми, в противном случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся».

Попытка стать старшим султаном Атбасарского округа и быть практически полезным, доказать народу силу просвещения, европейской культуры не удалась. Хотя на выборах он победил, омская администрация не утвердила Чокана—это им было невыгодно. Поэтому Ч. Ч. Валиханов в письме к Аполлону Николаевичу с возмущением пишет об обострении степных противоречий, об интригах местной царской власти против Валиханова: «Вы, вероятно, слышали от Федора Михайловича (Достоев-

ского — Ш. С.), которому я писал об одном случае, где со мной поступили как с инородцем. А с инородцами в Сибири делают что хотят, только разве собаками не травят. Вот мои обстоятельства, любезный Аполлон Николаевич. Скверны они, но я несу крест мой, как Иисус, но только с ропотом. Протестовать следует, хотя и толку от того никакого не выйдет. Вероятно, письмо мое навеяло на Вас грусть: Вы были всегда так симпатичны ко мне».

Ч. Ч. Валиханов в своем письме к А. Н. Майкову живо интересовался литературными новостями в Петербурге: «Будем говорить теперь о Вас, о Петербурге? О друзьях моих петербургских. Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем я, впрочем, сам виноват, потому что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется, хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность...»

Ч. Ч. Валиханов был хорошо знаком с тенденциями политических и литературных журналов «Время» и «Эпоха», издававшихся в Петербурге братьями Достоевскими. Он критически относился к их идейной направленности, граничащей с реакционностью, не разделял взглядов издателей и авторов журналов, стоящих на путях «почвенничества», и, таким образом, солидаризировался с лагерем революционных демократов.

Далее в письме к А. Н. Майкову Ч. Ч. Валиханов пишет: «Интересно было бы узнать от Вас о некоторых крупных литературных скандалах и ученых критиках. Что с «Современником» и что будем делать мы, его подписчики? Я говорю о деньгах за эти 8 месяцев вавилонского пленения».

Речь шла об острой политической и литературной борьбе в Петербурге начала 1860-х годов между реакционной официальной частью общества и революционными демократами, о периоде подготовки и принятия крестьянской реформы 1861 года, о судьбе журнала «Современник», выпуск которого был приостановлен царским правительством на восемь месяцев (с июня 1862 по февраль 1863 года) за его ярко выраженное революционное направление.

В этом письме Ч. Ч. Валиханов обращается к другу с просьбой: «Я бы хотел быть корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей» о делах среднеазиатских и киргизских степей. Нельзя ли поговорить с редактором?

Впрочем, Вы можете избрать другую газету, более близкую Вам. Нельзя ли также узнать у «Отечественных записок» можно ли у них будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у киргизов и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях, бросающие новый взгляд на историю этой Орды и объясняющие причины падения Орды»¹. До сих пор нет данных, подтверждающих, что Ч. Ч. Валиханов был корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей» о делах среднеазиатских и киргизских степей. «Правда, несколько статей о торговле в Казахстане и Средней Азии было напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1862—1863 годы, но без подписи, так сказать, анонимные публикации. Оснований фактических для утверждения, что автор их Ч. Ч. Валиханов, нет, хотя по времени их публикация совпадает с просьбой, обращенной к А. Н. Майкову.

Казахский ученый помимо известных всем исследований о шаманстве располагал большим фольклорным материалом — записанными им народными сказками и песнями, подготовленными к изданию. В письме к А. Н. Бекетову от 2 января 1862 года он писал: «Я собрал очень много сказок, эпических сказаний и песен»². Но судьба собранных и обработанных Ч. Ч. Валихановым народных произведений до сих пор остается неизвестной.

10 февраля, вскоре после получения письма Ч. Ч. Валиханова, датированного 6 декабря 1862 года, А. Н. Майков тепло и обстоятельно ответил ему.

Долгое время это письмо А. Н. Майкова не было известно, поэтому его нет и в пятитомном Собрании сочинений Ч. Ч. Валиханова, а также в других изданиях. Оно было обнаружено сравнительно недавно в Рукописном отделе Пушкинского Дома в Ленинграде, среди бумаг, адресованных неизвестным лицам, и опубликовано в «Ежегоднике» этого же отдела на 1975 год³.

Отрывки из письма А. Н. Майкова с комментариями вошли в статью А. Ахметова «Неизвестное письмо А. Н. Майкова к Чокану Валиханову»⁴.

В своем письме А. Н. Майков старается облегчить ду-

---

¹* т. IV, с. 60.

²* т. I, с. 59.

³ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1976.

⁴ Простор, 1979, № 4.

шевную боль своего друга, прозябающего в далеком Сырымбете, подробно отвечает на его вопросы, «старается, чтобы его труды, статьи увидели свет в петербургских журналах и газетах».

«Если б Вы, любезнейший друг, знали, какую радость доставили Вы мне, когда, вынув из конверта иероглифическую рукопись, я узнал, что это от Вас письмо,— Вы бы, верно, писали мне и больше и чаще. Мы немного времени провели вместе, но я так полюбил Вас, как будто всего насквозь знаю, и нахожу только один недостаток у Вас, которым я сам страдаю,— это лень писать. У меня в семействе вспоминают Вас часто, не только жена, но и дети»,— читаем мы в письме А. Н. Майкова.— Из всего этого Вы видите, конечно,— что об Вас у нас только одна фраза: что он там у себя делает? и отчего ему не основаться в Петербурге, с частыми, конечно, выездами туда и сюда. Я к этому присоединяю еще вот какое рассуждение: ведь Вы, собственно говоря, ученый; не знаю, что Вы можете сделать у себя, но для себя и для Европы несказанно много! а уж об России и говорить нечего! Чтобы Вам быть полезным для своего народа — извините, у Вас к тому вряд ли есть возможность, а именно Вы слишком образованны и учены для своей среды, а кроме того, совсем не практичны. Последнее — главное. Ведь среда зовет, а Вы едва ли будете на когнибудь влиять. Лучшее, что можете сделать,— это хлопотать об учреждении гимназии в степи — если хоть дворянство к этому приготовлено и желает, а хлопотать надо в Петербурге. Вообще, по всем моим соображениям, Вы должны быть здесь. Хоть скверное место — да нечего делать — устройте так дела, чтобы получать здесь из дому деньги на прожиток, да и приезжайте сюда. Другое дело, если б Вы там в Азии состояли на службе, если б с Вашими идеями совпали наши дальнейшие действия в Средней Азии и клонились бы к обоюдной выгоде народов, но ведь Вы, кажется, совсем в стороне и ничем таким не занимаетесь»¹.

Петербургские друзья-литераторы видели в Ч. Ч. Валиханове первого разностороннего ученого-казаха, прекрасного литератора и усиленно звали в столицу. О возвращении в Петербург на некоторое время, провести, как он писал к Ф. М. Достоевскому, «с добрыми друзьями

---

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1976.

несколько приятных месяцев», запастись «новыми книгами, новыми идеями» и вернуться «опять в орду к казахам» он мечтал постоянно. Но болезнь легких, злая чахотка, не позволяла осуществить эту мечту. Больше ему не суждено было увидеть своих друзей, с которыми он поддерживал письменную связь до конца своей короткой жизни.

А. Н. Майков удовлетворяет живой интерес Ч. Ч. Валиханова, который он проявил к литературной жизни Петербурга. В ответном письме он сообщает: «Вы спрашиваете, что у нас в литературе, в обществе? Вопрос, на который отвечать трудно: подробности осаждают и заставляют терять взгляд на целое, я же всегда люблю смотреть на события с высоты птичьего полета, знать все карты у всех партнеров и рассматривать каждый факт как историческое явление. Вследствие этого я не мог и не могу встать сам ни в каком лагере. Да, поэту, ей богу, и не следует, ибо поэт есть вместе и философ, а уж никак не уличный боец. Но у нас есть и философы-уличные бойцы, философ — и последователь какой-нибудь крайней теории? да совместимо ли это? Философ — это результат всего прожитого человечеством; все явления дня — он должен знать их смысл и смотреть на них как на явления, повторяющиеся всегда и везде в истории в известный период общественной жизни. Ведь Вы отчасти тоже философ — вот почему сомневаюсь, чтобы могли быть полезным деятелем дома: Вы еще не нужны там, то есть там нужны двигатели закона попроще, а Вы уж, как ни вертитесь, принадлежите Европе. Совмещая в себе цвет европейской образованности и науки с ученостью Востока, Вы должны Европу знакомить с Азией, а для Азии ничего не сделаете, разумеется, покамест. А звено между Азией и Европой — Россия. Вы и должны на нее смотреть как на разумное поприще Вашей умственной деятельности. Еще время не пришло для Ваших родных степей, чтобы им нужны были деятели такие, как Вы. Вы очень воздержаны в описании того, что Вы делаете, но я вижу Вашу жизнь, друг мой! вижу и глубоко за Вас страдаю! Не смейтесь надо мною: я горячо любил Вас! да и не я один!»

Здесь высказывается ценная мысль о научно-политической роли Ч. Ч. Валиханова в звене «Европа — Россия — Азия». Так высоко ценил своего казахского друга А. Н. Майков, осознавал его миссию просветителя и ученого, выказывал свою боль и сострадание по поводу

душевных переживаний человека, которого полюбил искренне и провидчески. Удивляет в этом письме то, что его чувства к Ч. Ч. Валиханову почти идентичны с теми, которые питал к своему молодому другу Ф. М. Достоевский. Это говорит о том, что Ч. Ч. Валиханов обладал редким даром завоевать расположение и любовь высокообразованных и талантливых людей, как правило, требовательных по отношению к окружающим, одаривающих дружбой отнюдь не каждого, строго и избирательно. Умение Ч. Ч. Валиханова общаться в интеллектуальном, аристократическом, передовом обществе, заслужить любовь и дружбу выдающихся людей своего времени — такое дается человеку высокого интеллекта, истинной внутренней культуры, отзывчивому на горести и радости тех, с кем он общается.

В письме А. Н. Майков сообщает об оживлении общественно-политической жизни после принятия манифеста 1861 года, о борьбе мнений, бескомпромиссной и шумной, соответствующей «историческому периоду»: «...Говоря вообще, хоть и трудно жить в наше время, но все-таки мы с гордостью можем говорить об историческом периоде, который переживаем. Освобождение крестьян повлекло ряд преобразований, которые дадут нам физиономию образованного народа: наши революционеры смысла не имеют и просто противны, ибо стоят на воздухе, декламируют вздор, а главное, невежды и в науке и в жизни. С другой стороны, бесят вас люди в правительстве, которые им придают значение и смотрят на них, как на опасных людей. Да пустите их на все четыре стороны! Боятся, что эти мальчуганы народ взбунтуют: взбунтовать народ против царя, который его освободил и несказанно улучшил в быте, да и народ их свяжет и представит, если не изобьет как недобрых людей. Вот эти, с одной стороны,— мальчишки, с другой стороны — отравляют вам дни! И несмотря на это, руководящая временем и общим ходом события мысль идет и не останавливается, и за это воздаст хвалу история виновнику. Вот ваш общий очерк положения, от подробностей увольте».

Здесь не трудно увидеть отголоски борьбы мнений в петербургском обществе относительно Манифеста 1861 года. Одни, не вникая в суть и содержание его, одобряли проведение царским правительством реформы, думали, что она повлечет ряд преобразований в сторону улучшения жизни народа, создаст условия для просвещения

его, другие — осуждали ее половинчатость. К первым относился и А. Н. Майков. Это нетрудно понять из его письма к Ч. Ч. Валиханову. В нем четко и определенно прослеживается негативное отношение к опровергателям «царской милости», понявшим реакционную суть реформы, рассматривающим ее как своеобразный маневр, принятый властью имущими для того, чтобы предостеречь себя от гнева народного, который накапливался столетиями. О таких либералах, как А. Н. Майков и ему подобные, писал В. И. Ленин: «...Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»¹.

«Пресловутое освобождение — по словам В. И. Ленина — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними... Были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю уозость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»².

Конечно, не каждому было суждено подняться до понимания крепостнического характера реформы 1861 года, как смогли это сделать революционные демократы. В письме А. Н. Майкова Ч. Ч. Валиханову важно и ценно стремление русского поэта донести до далекого друга отклик на важнейшие события русской общественной жизни в ее переломный и знаменательный момент.

Мы не можем определенно и точно сказать, как отнесся Ч. Ч. Валиханов к новостям, которые ему сообщил в своем письме А. Н. Майков. Но учитывая то обстоятельство, что Ч. Ч. Валиханов не разделял приверженности поэта к теории «чистого искусства» и то, что он по своим социально-политическим и эстетическим взглядам ближе стоял к лагерю революционных демократов, можно предположить, притом с уверенностью, что его отношение к царской реформе не совпадало с майковским. Ч. Ч. Валиханов ждал и надеялся на обновление социально-общественной жизни в России. «В 60-х годах Валиханов следил за движением русской жизни, за об-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. XV, с. 143.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. XX, с. 173—174.

новлением ее, он читал лучшие журналы», — пишет Н. М. Ядринцев, один из многочисленных друзей казахского ученого-демократа. «Он увлекался движением шестидесятых годов»,¹ — читаем мы в воспоминаниях А. Н. Пыпина.

Заслуживает быть отмеченным и то, что в письме к А. Н. Майкову Ч. Ч. Валиханов интересовался не состоянием дел журнала «Русский вестник», где постоянно сотрудничал А. Н. Майков, а дальнейшей судьбой «Современника», на который царской цензурой был наложен запрет. И не случайно в конце упомянутого письма просил узнать, можно ли будет и не в каком-нибудь ином журнале, а именно в прогрессивном издании того времени в «Отечественных записках», напечатать казахские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у казахов и казахские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях.

Русский поэт с чуткостью и исключительным вниманием отнесся и к этой просьбе казахского ученого, старался помочь осуществлению его заветных желаний. Об этом А. Н. Майков так писал Ч. Ч. Валиханову: «Вы поручаете мне хлопотать о Ваших трудах! Корш просит сказать, что с распростертыми объятиями встретит все, что Вы доставите; 2. О сказках редакторы предлагают вопрос — в каком у Вас они виде? в виде обработанных статей или сказки *in scudo*?² Во всяком случае, присылайте мне все, что у Вас есть, и уж будьте уверены, я буду хлопотать как о своих собственных вещах, даже более, ибо хлопотать о своих вещах не мастер.

Ну, до свидания, любезнейший, когда же увидимся? Пора!

Ваш А. Майков»³.

Сколько здесь душевной теплоты, близкого участия, искренней доброжелательности, высокого уважения к личности Ч. Ч. Валиханова, чуткого внимания ко всем его просьбам и трогательного стремления выполнить их. Из письма видно, что А. Н. Майков не раз вел разговоры о Ч. Ч. Валиханове и его трудах в редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости», с которой Ч. Ч. Валиханов желал сотрудничать; не раз беседовал с только

---

¹* т. IV, с. 620.

² *in scudo* — в первоначальном виде (лат.)

³ Простор, 1979, № 4.

что назначенным редактором этой газеты В. Ф. Коршем. По письму А. Н. Майкова чувствуется, что и В. Ф. Корш знал Ч. Ч. Валиханова и с большим уважением относился к нему.

В истории русской общественной мысли, культуры и литературы известны три Корша, два брата и сын одного из них. Валентин Федорович Корш (1828—1883), который знал и уважал Ч. Ч. Валиханова, был известным журналистом и историком литературы. После окончания в 1850 году юридического факультета Петербургского университета работал в газете «Московские ведомости», в 1852—1862 годах был ее редактором. В 1863—1874 годах В. Ф. Корш редактировал «Санкт-Петербургские ведомости». Это издание при нем стало умеренно-либеральным, вело полемику с реакционной прессой в защиту реформ 60-х годов.

Как известно, «Санкт-Петербургские ведомости» — старейшая русская газета, которая издавалась при Петербургской Академии наук с 1728 года. С 1800 года она выходила ежедневно и была одной из популярных газет, при В. Ф. Корше занимала ведущие либеральные позиции. За выступление против гимназической реформы Д. А. Толстого, В. Ф. Корш в 1874 году был снят с редакторства. С передачей в 1875 г. газеты Министерству народного просвещения она утратила оппозиционность. С 1914 года выходила под названием «Петроградские ведомости», закрыта в 1917 году.

После 1874 года В. Ф. Корш издает и редактирует журнал «Заграничный вестник». Под редакцией его и А. И. Кирпичникова вышли 15 выпусков «Всеобщей истории литературы», где ему принадлежат «Введение», разделы истории древнегреческой литературы, многие примечания. В. Ф. Корш написал ряд статей по вопросам европейской истории, политики, литературы. Он совместно с братом-журналистом и переводчиком Евгением Федоровичем Коршем (1810—1897) — перевел на русский язык популярное в то время исследование «Курс всеобщей истории» Г. Вебера, т. 1—4.

Имя В. Ф. Корша с почтением могло быть упомянуто в кругу петербургских писателей и журналистов, с которыми Ч. Ч. Валиханов имел прямую и косвенную связь. Видел или не видел Ч. Ч. Валиханов В. Ф. Корша — об этом точных сведений нет, но по письму А. Н. Майкова можно судить, что тот не только просто слышал о Ч. Ч. Валиханове, но и питал к нему уважение, которое

доказал своей готовностью принять его статьи в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Письмо А. Н. Майкова почему-то даже не упомянуто в книге И. Стрелковой «Валиханов», о чем справедливо писал Б. Канапьянов в рецензии: «Как мне кажется, это письмо могло бы стать одним из связующих звеньев в описании не только биографии Чокана Чингисовича Валиханова и жизни Петербурга 60-х годов, но и творчества самого А. Н. Майкова, написавшего под влиянием Ч. Ч. Валиханова известное стихотворение «Емшан»¹.

Предположение о том, что «Емшан», «В степях», «Альпийские ледники» А. Н. Майкова написаны под влиянием его бесед с Ч. Ч. Валихановым, было высказано А. Х. Маргуланом².

«Емшан — название душистой травы, растущей в наших степях, вероятно, полынок» — таков комментарий в Полном собрании сочинений А. Н. Майкова, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1901 году.

Так как это стихотворение написано А. Н. Майковым спустя несколько лет после смерти Ч. Ч. Валиханова, можно предположить, что некоторые забытые восточные слова ему пришлось восстанавливать по памяти. Гипотетически этимология слова «Емшан» такова: ем — по-казахски лечение, исцеление; шан — от искаженного слова шөп — трава. Емшан — исцеляющая трава, кстати, содержание стихотворения способствует такому толкованию.

«Емшан» — сам автор назвал романтической поэмой, в ней есть свой сюжет, свои герои, драматические коллизии.

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает.

Когда в степях, за станом стан,
Бродили Орды кочевые,
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, батыры лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!

¹ Простор, 1984, № 4.

² Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. — В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в 5-ти томах. Алма-Ата, 1961—1972, т. I, с. 84.

Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.¹

Так начинается поэма. Далее рассказывается о том, что во время пира на мирных жителей нападают враги:

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады!
Все врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

Два брата — Отрок и Сырчан — вынуждены бежать: один в донские земли, другой — в Кавказские горы. Шли годы, Сырчан вернулся на родину — наступило спокойствие в степях, где «буйный ветер на просторе». Брат далеко, на чужбине. Он посылает ему певца, чтоб тот напомнил о красоте степной шири, о родине, которая ждет своего сына:

Ему ты песен наших спой,—
Когда ж на песнь не отзовется,
— Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется.

К Отроку, который пирует в своем златом шатре, вводят певца:

И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану.

За грудь схватился... Все глядят —
Он, грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат,—
Пучок травы, целуя, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне!—
Воскликнул,— смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Таково чудодейственное свойство степной травы, которую взрастила родная земля,— решил Отрок вернуться на родину:

Наутро, чуть осел туман,
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван
Отрок с немногую дружиной.

---

¹ Майков А. Н. Полн. собр. соч. в 4-х томах. СПб, 1901, т. II, с. 345. Выдержки из поэмы взяты из этого издания.

Миная гору за горой,
Все ждет он — скоро ль степь родная —
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

Главная мысль поэта: родина превыше всего — несметных богатств, власти, серебра и золота. Прекрасен образ Отрока в момент, когда он берет в руки пучок степной травы и плачет, целуя ее. Его решение отказаться от ханской власти возникает вдруг, но оно непоколебимо: «Смерть в краю родном милей, чем слава на чужбине!» Эти слова своего рода парафраз казахской народной мудрости: «Басқа елде сұлтан болғанша, өз елінде ұлтан бол» — буквально: «Чем быть на чужбине султаном-правителем, лучше быть в родном краю рабом».

Казахские слова и выражения «улус», «конак», «кымыз», «емшоп», «басқа елде сұлтан болғанша, өз елінде ұлтан бол», — их, вероятно, употреблял в своем рассказе Ч. Ч. Валиханов, и А. Н. Майков спустя несколько лет вспомнил беседы со своим другом, создал на их основе романтическую поэму, которую включил в цикл произведений «Отзывы истории». Вполне возможно, что в образе Отрока поэт воплотил черты своего казахского друга. Безусловно, в произведении «Емшан» живет образ мыслей Ч. Ч. Валиханова, которые замечательный поэт, пропустив через свое сердце, сделал фактом русской поэзии — романтическая поэма до сих пор читается с волнением. Она и факт личной дружбы, искренней и чистой, которая связывала Ч. Ч. Валиханова и А. Н. Майкова, и в этом не меньшая ее значимость.

В петербургский период Ч. Ч. Валиханов познакомился и подружился с русским поэтом Всеволодом Крестовским и в письмах из казахской степи к друзьям не раз просил передать ему теплый привет¹. О тесной дружбе Чокана с ним писали Потанин и Ядринцев.

В материалах, связанных с Ч. Ч. Валихановым, есть немного сведений о В. В. Крестовском. Из них мы в основном узнаем о том, что он был автором известного в то время романа «Петербургские трущобы», что посещал литературный кружок Ф. М. Достоевского, где и познакомился с Ч. Ч. Валихановым. Он ценил блестящее остроумие Ч. Ч. Валиханова, которое обвораживало буквально каждого, с интересом слушал его великолепные шутки, захватывающие истории, которые по существу

¹* т. IV, с. 56.

были устными рассказами. И не только слушал — использовал их в своих рассказах, повестях и романах. Но ведь и эта деталь для нас важна, поскольку и она раскрывает одну из граней блестящей личности Ч. Ч. Валиханова. Именно исходя из этого мы полагаем: на имени В. В. Крестовского следует остановиться подробнее.

Русский писатель Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895) родился в дворянской семье, учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где и подружился с Д. И. Писаревым. Затем он сотрудничал в журнале «Русское слово». Литературной деятельностью начал заниматься с 50-х годов. В ранних стихах и поэме Крестовского есть мотивы народного горя, социальной несправедливости. В 1860-е годы Крестовский создает роман «Петербургские трущобы», в котором дает живописные картины роскоши аристократии и нищеты петербургского «дна»; авантюрно-бульварную дилогию «Кровавый пух». Революционное движение 60-х годов Крестовский не понял и во многом ошибался. В 80—90-е годы вышли в свет ряд «антинигилистических» романов, антисемитская трилогия «Тьма Египетская», «Тамара Бендлвид», «Торжество Ваала». Перу Крестовского также принадлежат многочисленные повести, рассказы, очерки, среди которых — путевые очерки о поездке в Среднюю Азию. После его смерти в Санкт-Петербурге в 1899—1900 годах вышло собрание его сочинений в восьми томах.

В. Крестовский был младше Ч. Ч. Валиханова на пять лет. Когда в 1860—1861 годах Ч. Ч. Валиханов встретился с ним в Петербурге, ему было двадцать лет и он только начал заниматься литературной работой. К сожалению, сведений об их взаимоотношениях сохранилось очень мало — краткие свидетельства современников, просьбы Ч. Ч. Валиханова передать привет В. В. Крестовскому, которые мы находим в письмах, и найденная недавно известным исследователем-краеведом Н. П. Ивлевым записка Всеволода Крестовского такого содержания: «Я заходил и взял портрет Маки (брата Ч. Ч. Валиханова, обучавшегося в Петербурге.— Ш. С.) для снятия с него фотографий. Доставлю, может, сегодня, а может, через два или три. Весь твой Всеволод. Будь завтра вечером у М. Достоевского, наши будут...»

В Петербурге Ч. Ч. Валиханов близко сошелся и с поэтом, впоследствии членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (1888) Я. П. Полонским. В письмах

Ч. Ч. Валиханова к петербургским друзьям он неоднократно обращается с просьбой передать Полонскому привет. Знакомство Ч. Ч. Валиханова с Я. П. Полонским упоминается в исследованиях А. Х. Маргулана¹, И. Стрелковой² и других. Его имя только перечисляется в ряду петербургских знакомых. На наш взгляд, о Я. П. Полонском нужно говорить подробнее. Все так: в пору знакомства Ч. Ч. Валиханова с Я. П. Полонским ему еще было далеко до известности, его плодотворная литературная деятельность относится к более позднему периоду. Но ведь позволительно предположить, что зерна поэзии уже зрели в его душе и о своих замыслах он вполне мог вести беседы с Ч. Ч. Валихановым, одаренным блестящим парадоксальным умом поэта и аналитическим, глубоким — ученого. Яков Петрович Полонский (1815—1898) родился в небогатой дворянской семье, после окончания Рязанской гимназии учился на юридическом факультете Московского университета, сотрудничал в «Москвитянине» и в альманахе «Подземные ключи». Первый сборник стихов «Гаммы» (1844) был отмечен В. Г. Белинским как «чистый элемент поэзии» в его обзоре «Русская литература в 1844 году», но критик высказал опасения в связи с недостатком в них «направлений и идей». Когда Я. П. Полонский в 1846—1851 годах находился на службе в Тифлисе, он сблизился с М. Ф. Ахундовым и по грузинским впечатлениям написал ряд стихотворных книг, статей, очерков, драматических произведений. С 1851 года Я. П. Полонский жил в Петербурге, выезжая иногда за границу.

Работа в редакции журнала «Русское слово», сотрудничество в «Современнике» и «Отечественных записках», выход в свет сборников стихов (1855 и 1859 гг.), шуточной поэмы-сказки «Кузнечик-музыкант», высоко оцененный И. С. Тургеневым, — все это привлекло к Я. П. Полонскому внимание общественности. В литературно-общественной борьбе 60-х годов Я. П. Полонский не примыкал ни к какому лагерю. Но жить в обществе и быть вне его, как известно, невозможно. О симпатиях Я. П. Полонского к революционно-демократическому направлению само за себя говорит его сотрудничество в «Совре-

---

¹ Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. — В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в 5-ти томах. Алма-Ата, 1961—1972, т. I, с. 83.

² Стрелкова И. Валиханов. М., 1983, с. 218.

меннике» и «Отечественных записках». Но в то же время он сотрудничал и в почвеннических журналах «Время» и «Эпоха». Я. П. Полонский организовал литературное собрание — «пятницы», — которые играли определенную роль в сплочении культурных сил России. Вероятно, на одной из своих «пятниц» он и познакомился с Ч. Ч. Валихановым.

Плодотворно работал Я. П. Полонский во второй половине 60-х годов, а также в последующие. В его стихах все чаще появляется гражданская тема, расширяется жанровый диапазон его творчества. В это время им написаны поэмы и пьесы, в стихах и в прозе, рассказы и повести, очерки, публицистические статьи, мемуары, романы — «Дешевый город», «Крутые горки», либретто для оперы «Кузнец Вакула» (по повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством»), по которому на музыку П. И. Чайковского была поставлена опера. Стихи Я. П. Полонского вдохновили композиторов П. И. Чайковского, А. С. Даргомыжского, С. И. Танеева, С. В. Рахманинова на создание романсов. Стихотворения «Песня цыганки», «Затворница» стали народными песнями.

Яков Петрович Полонский был современником и Абая Кунанбаева, который читал его стихи и перевел на казахский язык одно из лучших лирических стихотворений — «Сердце». Хочется процитировать три строфы из этого стихотворения.

У сердца сокровищ так много!
Как в море — в открытую грудь
Они так обильно от бога
Живыми струями текут.

И жаждет душа поделиться
В избытке с другой душой,
И сердцу влюбленному биться
Привольно в груди молодой.

Но что? Говорят: неизбежно
Придет, злое время придет,
И все, что люблю я так нежно,
Как призрак, вдали пропадет.

Примечательный факт: стихотворение русского поэта находит отклик в душе казахского поэта. И надо думать, что это отнюдь не случайность: общечеловеческое объединяет народы. И еще одна деталь: Ч. Ч. Валиханов дает А. Н. Майкову сюжет для стихотворения «Емшан», одного из лучших в творческом

наследии поэта, Абай переводит на казахский язык стихотворение Я. П. Полонского — нет языковых барьеров, когда сердца настроены на одну волну.

Ч. Ч. Валиханову не посчастливилось общаться с Я. П. Полонским в зените его литературной славы. Но, вероятно, своим провидческим умом он разглядел в своем старшем друге его славное будущее, ему было с ним интересно, он увез его образ в далекую степь, откуда в письмах к петербургским друзьям писал о том, что скучает без общения с ними. К этому кругу Ч. Ч. Валиханов причислял и Я. П. Полонского. И жаль, что ослабли поиски архивов В. В. Крестовского и Я. П. Полонского, ведь отнюдь не дерзким выглядит предположение, что в них могут быть новые свидетельства о жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова.

Е. П. Ковалевский — один из известных русских писателей, которого знал Ч. Ч. Валиханов еще до приезда в Петербург по его очеркам, напечатанным в «Библиотеке для чтения». Егор Петрович Ковалевский (1809—1868) происходил из дворянской семьи, учился в Харьковском университете, в 1830-м году уехал работать в Сибирь на золотые прииски. Сначала он выступил в печати как поэт, опубликовал сборник стихов «Сибирь», «Думы», трагедию в стихах «Марфа-Посадница, или Славянские жены». У него есть также роман «Петербург днем и ночью», повести «Майорша». В 40-е годы был дружен с поэтами-петрашевцами, в 50-е — сблизился с И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским, Л. Н. Толстым.

В 1839—1840 годах он предпринял путешествие по Западному Казахстану и Северному Прикаспию, провел геологические исследования Мугоджарского хребта, Приаралья и бассейна р. Эмбы. Результатом этого был научный труд в соавторстве «Описание западной части Киргиз-кайсацкой степи», опубликованный в «Горном журнале» за 1840 год. С геологическими экспедициями, которыми он руководил, Е. П. Ковалевский побывал в Семиречье и Кульдже.

Е. П. Ковалевский много путешествовал по странам Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, был в Египте, Судане, Эфиопии, Сирии, Греции, Средней Азии, Афганистане, Китае и Монголии, издал книгу «Странствователь по суше и морям», «Путешествие во внутреннюю Африку», «Путешествие в Китай». После участия в обороне Севастополя Е. П. Ковалевский с

1856 года поселился в Петербурге. В 1857—1864 годах он был помощником председателя Русского географического общества, затем его почетным членом. Е. П. Ковалевский, как один из организаторов и первый председатель Литературного фонда, часто устраивал литературные чтения, ставшие трибуной передовых идей и местом постоянных встреч видных деятелей культуры.

Труды Е. П. Ковалевского о казахских степях имели большое культурно-историческое значение, не меньшее — его встреча и беседа с поэтом-борцом Махамбетом Утемисовым, состоявшаяся в 1839 году в Прикаспийских степях. Е. П. Ковалевский дал ему такую характеристику: «Я понял его как человека чрезвычайно замечательного в кругу своего народа, самоотверженно ему преданного, весьма образованного, хорошо владеющего русским языком, как натуру героического склада, подлинного патриота, страстно ищущей души и большого обаяния, как на редкость увлекательного собеседника»¹. Это была первая в русской печати характеристика и оценка деятельности замечательного сына казахского народа, поэта, пламенного борца, защитника угнетенных — Махамбета Утемисова (1804—1846).

Е. П. Ковалевский активно содействовал Ч. Ч. Валиханову в его научной и общественной деятельности, был одним из инициаторов организации экспедиции казахского ученого в Кашгар, искренним ценителем его трудов, он лично хорошо знал Ч. Ч. Валиханова, часто встречался с ним в Петербурге во время совместной работы в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

Академик АН КазССР А. Х. Маргулан писал: «Семенов-Тянь-Шанский поставил этот вопрос (об экспедиции в Кашгар — *Ш. С.*) по приезде в Петербург. Его поддержали ученые-ориенталисты, а также путешественник Е. П. Ковалевский, незадолго перед этим ставший директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел...

Семенов-Тянь-Шанский охарактеризовал Ковалевскому Ч. Валиханова как большого знатока жизни народов Средней Азии, как человека, способного выполнить любое научное задание. Ковалевский до этого слышал также лестный отзыв о Валиханове на общем собрании

¹ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, 1845, т. VII, с. 227.

членов Географического общества, когда последний избирался в действительные члены. Имя Валиханова к этому времени стало достаточно известным в правительственных сферах, его хорошо знали по результатам миссии в Кульдже и у Тянь-шаньских киргизов. Впоследствии Е. П. Ковалевский познакомился с Чоканом ближе, читал его отчет о поездке в Кашгар, горячо отстаивал его интересы как в Петербурге, так и в Омске, называя «гениальным молодым человеком», «замечательным ученым», «лучшим другом киргизского народа и хранителем русских государственных интересов»¹.

История не была к нам благосклонна — не оставила ни воспоминаний, ни статей Е. П. Ковалевского о Ч. Ч. Валиханове и наоборот. Но хочется думать, что они вели переписку, писали друг о друге и эти бесценные материалы просто утеряны. Ч. Ч. Валиханов упоминает имя Е. П. Ковалевского в труде «Очерки Джунгарии», написанном в Петербурге. Говоря о джунгарской фауне, Ч. Ч. Валиханов пишет: «Доктор Татаринов составил список растений, определенных им во время путешествия Е. П. Ковалевского в Кульджу, и напечатал его при сочинении г. Влангали»².

Сохранилось письмо председателя Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым, в том числе и Ч. Ч. Валиханову от 2 ноября 1860 г., № 589, Санкт-Петербург за подписью Е. Ковалевского: «В собрании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, бывшем 30 числа октября, по предложению Комитета Общества, избраны Вы, милостивый государь, членом оною. Имея честь Вас о том уведомить, покорнейше прошу определить количество жертвуемых денег, а также по вопросу оных получать от казначея Общества надлежащую квитанцию.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Е. Ковалевский».

Имя Е. П. Ковалевского дорого казахстанцам, он внес значительный вклад в развитие русско-казахских

---

¹ Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. — В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в 5-ти томах. Алма-Ата, 1961—1972, т. I, с. 61. Слова Е. П. Ковалевского о Ч. Ч. Валиханове приведены по кн.: А. К. Гейнс. Собр. литературных трудов. СПб, 1895, т. I, с. 237, 207.

²* т. I, с. 396.

литературных связей, написал немало очерков и рассказов о казахах и их поэзии.

Ч. Ч. Валиханов знал и упоминал труды и другого Ковалевского, Осипа Михайловича (1801—1878), филолога, одного из основоположников русского монголоведения. В 1818—1832 годах он жил в Забайкалье, Монголии и Китае, изучал языки, литературу, историю и этнографию монгольских народов, написал труды: «Краткая грамматика монгольского книжного языка», «Монгольская хрестоматия», «Монгольско-русско-французский словарь» в 3-х томах, удостоенный Академией наук Демидовской премии и до сих пор не превзойденный по полноте, «История монголов», «История монгольской литературы», «История буддизма». С 1833 по 1860 год О. М. Ковалевский был профессором Казанского университета, с 1862 года — Варшавского.

Имя О. М. Ковалевского Ч. Ч. Валиханов дважды приводит в рукописи «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки» Ярлык Тохтамышхана к Ягойлу, Казань, 1850»¹.

В бытность свою в Петербурге Ч. Ч. Валиханов тесно общался и с такими крупными представителями художественной интеллигенции, как братья В. С. и Н. С. Курочкины. Об их общении писали почти все исследователи его жизни и деятельности. Но широкому кругу читателей не лишне будет знать их место в истории русской культуры и литературы, то, как к ним относился Ч. Ч. Валиханов. Судя по письмам, он высоко ценил общение с братьями Курочкиными. В письме к Ф. М. Достоевскому от 14 января 1862 года Ч. Ч. Валиханов писал: «...Если увидишь Николая Курочкина, скажи ему, что собираюсь ему писать», а в письме к К. К. Гутковскому от 1 января 1863 года сообщал: «...Романовский сделался редактором «Русского инвалида» и в первых номерах этой газеты напечатает мое приключение. Курочкину тоже сообщено мной»². Н. С. Курочкин писал Ч. Ч. Валиханову, но, к сожалению, до сих пор не найдено ни это письмо, ни ответное Ч. Ч. Валиханова. Тем не менее о Курочкиных нужно говорить подробнее хотя бы потому, что они были в кругу тех людей, с которыми Ч. Ч. Валиханов общался в Петербурге.

---

¹* т. I, с. 131.

²* т. IV, с. 62, 70.

Братья Курочкины были почти сверстниками Ч. Ч. Валиханова. Когда двадцатипятилетний Ч. Ч. Валиханов познакомился с ними в Петербурге, им было: одному — тридцать, другому — тридцать один год. Они сотрудничали в сатирическом журнале «Искра».

Василий Степанович Курочкин (1831—1875) родился в семье крепостного, отпущенного «на волю», окончил в 1849 году петербургское военно-учебное заведение — Дворянский полк. После военной службы, в 1853 году, вышел в отставку; редактировал еженедельный сатирический журнал «Искра», издаваемый в 1859—1873 годах (до 1851 г. вместе с Н. А. Степановым). Журнал выступал в основном с революционно-демократических позиций, боролся против крепостничества. Стихотворения В. С. Курочкина «Двухглавый орел», «Долго нас помещики душили», «Я не поэт...», «Завещание», «Морозные стихотворения» и другие — ярко выраженная революционно-демократическая лирика некрасовской школы. В его сатирических стихотворениях в иносказательной форме осмеяны тунеядство власть имущих, бездейная обывательщина, реакционная печать и система воспитания. В. С. Курочкин был одним из руководителей общества «Земля и воля» (1861—1863). Важная часть творческого наследия В. С. Курочкина — переводы Н. Ж. Беранже, В. Гюго, Ф. Шиллера, Р. Бернса и других.

Николай Степанович Курочкин (1830—1884) после окончания в 1854 году Медико-хирургической академии был врачом в действующей армии в Крыму, побывал в странах Западной Европы и Ближнего Востока. Свои стихи, переводы, фельетоны печатал в журнале «Сын Отечества». В 1849 году он посещал кружок С. Ф. Дурова, привлекался к следствию по делу петрашевцев.

С 1860 года был ближайшим помощником брата в редакции журнала «Искра», где печатал злободневные сатирические фельетоны и пародии, сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Слово», «Устои», в газетах «Очерки», «Биржевые ведомости». Н. С. Курочкин с 1861 года состоял членом общества «Земля и воля», находился под секретным надзором полиции по подозрению в отношениях с «лондонскими пропагандистами», то есть за связь с Герценом и Огаревым. В связи с покушением на жизнь Александра II четыре месяца провел в Петропавловской крепости. Н. С. Курочкин был другом А. И. Герцена, М. А. Бакунина,

Д. И Писарева, Н. К. Михайловского Поэтические, публицистические и критические труды Н. С. Курочкина были злободневны и остры.

Н. С. Курочкин опубликовал также ряд злободневных статей о Казахстане. У него были псевдонимы: Скорпионов, Преображенский, Тураусев-Каспийский, Хаким-Шарерэ, доктор Волхонец. Примечательный факт: в 1861—1862 гг. Н. С. Курочкин редактировал журнал «Иллюстрация», в котором были помещены рисунки, рассказывающие о быте казахов. Рисунки эти Курочкину были переданы Валихановым. Все рассказывающее о жизни казахов, что, благодаря стараниям Н. С. Курочкина, помещено в журналах и газетах того времени, необходимо собрать, систематизировать и изучить: это связано с именем Ч. Ч. Валиханова, а значит — бесценно.

Одним из важных событий петербургского периода жизни Ч. Ч. Валиханова было знакомство его с семьей известнейшего в отечественной истории русского ученого, ботаника, географа, основателя отечественной научной школы ботанико-географов, ректора и профессора Петербургского университета, почетного члена Петербургской академии, деда Александра Блока Андрея Николаевича Бекетова (1825—1902). Общеизвестен вклад Бекетовых в русскую науку и культуру. Младший брат А. Н. Бекетова, Николай Николаевич, был основателем отечественной физико-химической школы, академиком Петербургской академии наук.

Сохранилось в архиве писательницы и переводчицы М. А. Бекетовой письмо Ч. Ч. Валиханова к А. Н. Бекетову, которое впервые было опубликовано М. И. Фетисовым¹.

Письмо Ч. Ч. Валиханова к Андрею Николаевичу Бекетову датировано: «2 января 1862 г., Орда при Сырымбете». Начинается оно так: «Многоуважаемому профессору свидетельствует свое почтение киргиз-кайсак Валиханов из Средней орды и просит прощение за неаккуратность в переписке, причем он, Валиханов, возлагает свое упование на аллаха и надеется, что неаккуратность, как его национальное качество, принесит ему более чести, чем осуждения...»² В письме

¹ Письмо Чокана Валиханова к Андрею Николаевичу Бекетову. Альманах «Казахстан», 1950, № 21, с. 89—93; Валиханов Чокан. Избранные произведения Алма-Ата, 1958, с. 553—555; * т. IV, с. 58—59

²* т. IV, с. 58.

этом немало юмора, которым щедро был одарен Ч. Ч. Валиханов. По его тону чувствуется, что, несмотря на то, что А. Н. Бекетов был старше Ч. Ч. Валиханова на десять лет, между ними сложились близкие, дружеские отношения, и петербургскому профессору и молодому казахскому ученому было о чем беседовать с глазу на глаз. Не только — они условились переписываться. Судя по тому, что Ч. Ч. Валиханов просит у профессора прощения «за неаккуратность в переписке», возможно, это письмо — не единственное.

В своем письме Ч. Ч. Валиханов обращается к А. Н. Бекетову с просьбой: «...Ваш покорный слуга, находясь в обстоятельствах, требующих удовлетворения деньгами, и сам не имея ни раба, ни вола, ни даже осла, желал бы продать некоторое свое произведение о Кашгаре, не имеющее никакого применения в бродячем быту, в Императорское Русское географическое общество, и потому просит г-на профессора как редактора известить его, на каких условиях может общество приобрести его «Кашгар». Шутки в сторону, я в самом деле желал бы, если это только будет возможно, продать в Общество целиком свои заметки о «Кашгаре». Пока неизвестно, приобрело ли Русское географическое общество рукопись Ч. Ч. Валиханова о Кашгаре.

В письме также интересно сообщение Ч. Ч. Валиханова об одном из научных направлений своей работы в степи: «...Занятия мои в степи идут успешно. Я собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен и занимаюсь теперь изучением киргизских законов, которые имеют связь с уложением Чингисхана. Я начал одну статью для Общества «О картах географических Средней Азии», но по неимению некоторых справочных книг она остается неоконченной».

К сожалению, судьба этих материалов, представляющих огромный историко-литературный интерес, до сих пор неизвестна.

Есть в письме Ч. Ч. Валиханова такие строки: «Ради бога, Андрей Николаевич, похлопочите в Обществе, чтобы выслали мне в степь барометр, психрометр и несколько термометров — та часть степи, в которой я живу, очень слабо исследована, а в климатическом отношении известно кое-что только о Верном». Опираясь на них, можно сделать вывод, что у Ч. Ч. Валиханова было желание с помощью точных приборов исследовать

климатические явления и особенности Северного Казахстана. Но эти планы остались не выполненными.

В письме Ч. Ч. Валиханов сообщает об ухудшении здоровья, но без нытья и тени мрачного настроения. Заканчивает он письмо, как всегда, воспоминаниями о своих друзьях, о которых грустит: «Извините, я хочу просить Вас еще кое о чем. Во-первых, нельзя ли будет узнать, где живет г-н Потанин, а у него — где г-н Усов, казачий офицер, и г-н Ядринцев, купец из Тюмени... Дмитрию Ивановичу передайте мой поклон, когда увидите. Достоевскому тоже, я сам скоро буду ему писать. Жду Вашу карточку.

Мое нижайшее почтение Вашей супруге и целую Ваших детей.

Ч. Валиханов, из Средней орды».

«Дмитрию Ивановичу передайте мой поклон...» Имеется в виду великий русский ученый-химик Дмитрий Иванович Менделеев. Ч. Ч. Валиханов общался с Д. И. Менделеевым еще в Омске, в семье его родственников Капустиных. В Петербурге он мог видеть Д. И. Менделеева в семье А. Н. Бекетова.

Письмо Ч. Ч. Валиханова к А. Н. Бекетову раскрывает еще одну страницу короткой, но знаменательной летописи общения великого казахского ученого с выдающимися представителями русской интеллигенции. Мы ничего не знаем о том, ответил ли А. Н. Бекетов на это послание из степи, но, принимая во внимание кодекс чести, принятый в том кругу, думается, что не ответить на него профессор не мог.

Имеется предположение о возможной встрече Ч. Ч. Валиханова с поэтами М. Л. Михайловым, Т. Г. Шевченко, которые в те годы были в Петербурге. Хотя документов, засвидетельствовавших эти встречи, нет, гипотеза о том, что они были, не лишена веских доводов. В трудах Ч. Ч. Валиханова немало фактов, говорящих о его интересе к истории Украины.

Русская литература 50—60-х годов XIX века с ее достижениями, борьбой идей и направлений очень интересовала Ч. Ч. Валиханова — это явствует из его писем, свидетельств его современников. Он живо откликался на события в литературно-общественной жизни России, на новинки прозы, поэзии, публицистики, был знаком и поддерживал дружеские отношения со многими писателями, поэтами, переводчиками, критиками, не только уже известными в ту пору, но и начинающими

свою творческую деятельность. Ч. Ч. Валиханов, выходит, был одним из первых ценителей и зреющего таланта, который получил признание позже. В петербургский период жизни, и это доказывают неопровержимые факты, Ч. Ч. Валиханов был в самом центре литературно-общественной жизни России.

ОБРАЗЫ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КАЧЕСТВЕ СРАВНЕНИИ

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» — этот пушкинский афоризм как бы напутствует: чтобы постичь суть трудов настоящих ученых и писателей, необходимо глубоко вчитываясь в них, нащупывать и разбираться в ассоциативных связях, пытаться объять ход их мыслей, правомерность тех или иных художественных приемов.

Труды ученых и писателей интересны и поучительны не только потому, что в них анализируется, объясняется то или иное явление, содержатся оригинальные мысли и суждения по различным проблемам и вопросам, но и тем, как авторы их перерабатывают научное и художественное наследие прошлого, образы, взятые из литературы, теоретические положения научных трактатов.

Сложно это — раскрыть творческую лабораторию писателя или ученого, параметры ее неоднозначны и трудно постижимы. И все-таки — крайне притягательно и интересно, потому что яснее становится авторская концепция, его мировоззрение, идейная направленность и даже больше — чисто человеческий облик, жизненные установки и пристрастия, которые в немалой степени влияют на нравственный строй личности, а значит, и творческий процесс.

Труды Ч. Ч. Валиханова представляют большой интерес во всех аспектах, и в частности, в таком, как использование богатого наследия античной культуры и литературы. Именно Ч. Ч. Валиханов первым ввел в художественную и научную мысль казахского народа мифы и образы греко-римской культуры. И не только в художественную и научную, но и в духовную жизнь тоже. Один из важнейших элементов античной греко-римской культуры — древнегреческая мифология. Мифы отражают фантастические представления людей в доклассовом и раннеклассовом обществе об окружающем мире, природе и человеческом бытии. Мифы повествуют

о богах, богинях, о подвигах и приключениях одаренных сверхъестественной мощью, смелостью и ловкостью людях — героях, чудовищах, демонах, якобы обитавших в незапамятные времена в Греции и прилегающих к ней странах. Эти легенды были впоследствии заимствованы у греков римлянами. Древнегреческая мифология, как отметил К. Маркс, «составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву»¹, оказала сильнейшее влияние на культурное развитие всех современных европейских народов. Ф. Энгельс, отмечая это явление, указывал: «...без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»².

Начиная с эпохи Возрождения, после ряда столетий забвения, произведения античной культуры, а вместе с ними и образы древнегреческой мифологии постоянно привлекали к себе внимание и интерес. Писатели, художники и музыканты различных европейских стран черпали из древнегреческой мифологии сюжеты для своих произведений. Изображению мифических божеств и сюжетов посвящены многие произведения выдающихся итальянских художников эпохи Возрождения.

В XVII—XVIII вв. заимствование сюжетов из древнегреческой мифологии в европейском искусстве получило особенно широкое распространение. На сюжеты, взятые из древнегреческой мифологии, писали свои картины многие выдающиеся голландские, фламандские и французские художники.

На заимствованные из греческой мифологии сюжеты писали свои произведения и выдающиеся французские писатели второй половины XVII в. Корнель и Расин. Образы древнегреческой мифологии использовали во многих своих произведениях Гете и Шиллер.

На мифологические сюжеты были написаны оперы.

В поисках сюжетов для своих произведений к образам и эпизодам древнегреческой мифологии обращались и русские писатели, драматурги, музыканты, художники, скульпторы XVIII—XIX веков.

Античную литературу Ч. Ч. Валиханов знал еще в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе. Эти знания из года в год углублялись и постепенно прочно вошли в его творческую и духовную жизнь.

---

¹ Маркс К и Энгельс Ф. Полн. собр. соч., т. XII, ч. I, с. 203.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1953, с. 169.

Исследуя труды Ч. Ч. Валиханова, мы как бы становимся свидетелями творческого использования и метафорического переосмысления им мифов и образов античной греко-римской культуры. Мы читаем в его произведениях имена Гомера и Геродота, Горация и Лигурина, Платона и Птолемея, находим упоминание «Илиады», «Одиссеи», мифов о похищении Зевсом Европы, о Юпитере, Марсе, Сатурне, циклопе Полифеме, амазонке и так далее. И это не простое перечисление, не демонстрация знаний; под пером Ч. Ч. Валиханова заимствования из далеких времен несут определенную и весьма значимую функциональную нагрузку — социальную, стилистическую, психологическую, эмоциональную.

В одном из ранних трудов — «Заметки по истории южносибирских племен», — написанном приблизительно в 1856—1857 годах, когда Ч. Ч. Валиханов занимался изучением истории и этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, он писал: «Если поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое. Как... произведения чисто народного ума, обуславливающие чувствования, жизнь и прогресс всей массы общества, наконец, как... произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса»¹.

Для проникновенного и страстного доказательства русскому обществу наличия в культуре казахского народа произведений, представляющих как «исторический, филологический, так и психологический интерес», Ч. Ч. Валиханов упоминает поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом.

В работе «О формах казахской народной поэзии», написанной предположительно в 1855—1856 годах, Ч. Ч. Валиханов вновь упоминает имя Гомера, его песни и рапсоды: «...песни импровизаторов имеют рифму и размер и передаются изустно из рода в род, из поколения в

---

¹* т. I, с. 388.

поколение особым сословием певцов ахунов, как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами...»¹ Рапсоды — древнегреческие декламаторы. Они речитативом, без музыкального сопровождения исполняли на праздниках, пирах, сборищах эпические поэмы и являлись хранителями традиций народного эпоса. Слово «рапсоды» употреблено для того, чтобы русской публике было понятно, что у казахов есть «особое сословие певцов», схожих с рапсодами. Слово «рапсодия» (музыкальное произведение) Ч. Ч. Валиханов употребляет несколько раз, когда пишет об особенностях народных произведений, сопровождаемых мелодией. «Илиаду» и «Одиссею» Ч. Ч. Валиханов упоминает в одной из важнейших своих работ — «Очерки Джунгарии», написанной в 1860 году в Петербурге. Он один из первых проводит аналогию между киргизским эпосом «Манас» и бессмертными произведениями Гомера.

Оставляя пока в стороне вопрос о научности и правомерности использования имени Гомера и эпических поэм для характеристики особенностей бытования и значения народных произведений, можно сказать, что Ч. Ч. Валиханов глубоко и основательно знал не только творения древнегреческого певца в русском поэтическом переводе, но и уровень их научного изучения русской критикой и филологией. Ч. Ч. Валиханов писал о Гомере и его эпических произведениях спустя лишь 10—20 лет со времени перевода их на русский язык.

Судя по тому, как Ч. Ч. Валиханов пишет об историческом значении именно поэтических сказаний Гомера, он был знаком с «Илиадой» и «Одиссеей» в переводах Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского. Ч. Ч. Валиханов, видимо, знал и о давно возникшем, так называемом, «гомеровском вопросе». Это была совокупность мнений и споров: под сомнение ставилось авторство Гомера. «Илиада» рассматривалась некоторыми исследователями не как единое произведение, а как свод самостоятельных песен, принадлежащих многочисленным «гомерам» — странствующим певцам-рапсодам.

В то время, когда Ч. Ч. Валиханов писал о Гомере (вторая половина 50-х годов), эта часть «гомеровского вопроса» как бы была снята, и утвердилось мнение о том, что поэмы представляют собой не механическое объединение самостоятельных песен, а творческую пере-

---

¹* т. I, с. 202.

работку более древних эпических сказаний. На творческое единство поэм указывали Гоголь, Белинский. «Илиада», — писал В. Г. Белинский, — была столько же непосредственным созданием целого народа, сколько и преднамеренным сознательным произведением Гомера. Мы считаем за решительно несправедливое мнение, будто бы «Илиада» есть не что иное, как свод народных рапсодов. Этому слишком резко противоречит ее строгое единство и художественная выдержанность. Но в то же время нельзя сомневаться, чтобы Гомер не воспользовался более или менее готовыми материалами...»¹

Упомянув имя греческого певца в своих трудах: «Поэтические сказания Гомера»; «...Как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами», — Ч. Ч. Валиханов как бы утверждает его нераздельное право на авторство, снимает «гомеровский вопрос».

В науке известна заслуга Ч. Ч. Валиханова как первооткрывателя и исследователя сокровищницы устного творчества киргизского народа — героического эпоса «Манас»². Он первым записал «Манас», провел историко-литературное исследование, перевел на русский язык отрывок «Смерть Кукотай-хана и его героиня». Ч. Валиханов высоко оценил киргизский героический эпос: «Нет сомнения, что главное и едва ли не единственное произведение народного гения дикокаменных киргиз в стихотворной форме есть сага «О Манасе». «Манас» — это энциклопедия, собрание сказок, повестей, преданий, географических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, приуроченное к одному времени, и все это сгруппировано вокруг одного лица, богатыря Манаса. «Манас» — произведение целого народа, вырастившего плод, созревший в продолжение многих лет, — народный эпос, почти вроде степной «Илиады». Другой эпос «Самятей» служит продолжением «Манаса», и это «бурутская Одиссея»³.

Проведение некоторых аналогий между греческим эпосом и эпическими произведениями других народов, как известно, основано на том, что «гомеровский эпос... не стоит одиноко в сокровищнице мировой литературы. Он близко соприкасается с эпическими произведениями других народов... Вследствие несомненного сходства

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 404.

² Подробно об этом см.: Маргулан Э. Шокан жэне «Манас». Алматы, 1971.

³* т. I, с. 367, 420.

процесса создания больших эпических поэм у всех народов в настоящее время становится очевидной связью этих поэм с устным народным творчеством. Поэтому недопустимо изучать вопрос о происхождении и характере героического эпоса того или иного народа изолированно от эпоса других народов»¹.

Эпический характер «Манаса», собрание многих киргизских народных сказок, повестей, преданий в одно целое, описание нравов и обычаев древних народов — все это имеет сходство с некоторыми особенностями «Илиады». Ч. Ч. Валиханов проводил эту аналогию и с целью того, чтобы обратить внимание русских ориенталистов на значение «Манаса».

Впоследствии, как известно, учеными проводились параллели между «Илиадой», «Одиссеей» и эпическими произведениями разных народов — русскими былинами, «Песней о Роланде», «Песнями о Нибелунгах», «Калевалой», а также монгольской «Гэсэриадой».

В «Очерках Джунгарии», говоря о преданиях, легендах и затрагивая вопросы о некотором сходстве их у многих народов, Валиханов еще раз обращается к «Одиссее» и приводит сообщение финского этнографа и языковеда академика М. А. Кастрена (1813—1852), занимавшегося изучением народов Средней Европы и Сибири. Ч. Валиханов пишет, что финский ученый «слышал в Лапландии и у карелов миф о циклопе Полифеме из Одиссеи, конечно, измененный сообразно их национальности. В киргизской степи также знают этот миф. Циклоп назван Алпом, великаном-людоедом, а роль Одиссея играет киргизский богатырь Батурхан»². Исследуя эпос, Ч. Ч. Валиханов собирал материал для того, чтобы установить какие-то общие черты процесса создания больших эпических произведений разных народов.

Ч. Валиханов неоднократно упоминает миф о циклопе Полифеме из «Одиссеи». В греческой мифологии Полифем — сын владыки моря Посейдона и нимфы Тоосы, дочери морского божества. Он, страшный и кровожадный великан с одним глазом, живет в пещере, питается козьим молоком и сырым мясом.

Как известно, десятилетнее странствование Одиссея

¹ Гомеровский эпос и народно-поэтическое творчество других народов. — В кн. История греческой литературы. М.-Л., 1946, т. I, с. 103—104.

²* т. I, с. 420.

и его спутников начинается после падения Трои. Странствиям Одиссея посвящены 5—12 книги гомеровской «Одиссеи». В IX песне рассказывается о приключениях Одиссея в пещере Полифема¹. После многих приключений Одиссей вместе со спутниками попадает в страну циклопов, в греческой мифологии мощных и диких великанов с одним глазом посреди лба, и становится пленником одноглазого людоеда-великана Полифема. Потеряв здесь шестерых из своих спутников, Одиссей спаивает Полифема фракийским вином, и он засыпает. Одиссей заостренным колом выкалывает Полифему единственный глаз. Пленники выбираются из пещеры, вцепившись руками в густую шерсть на брюхе баранов, которых Полифем выпускает утром на пастбище. Слепленный великан кричит, зовет соседних циклопов, приводит их в замешательство тем, что сообщает им, что ослепил его «никто», так назвал себя Одиссей. Только оказавшись на своем корабле, Одиссей называет ослепленному великану подлинное имя, и Полифем призывает на него проклятия своего отца Посейдона, чей гнев в дальнейшем преследует Одиссея — обрушивает на его корабль бурю.

Много мифов и легенд сложено о Полифеме, например, в эллинистической литературе у писателя Феокрита он изображается мирным одноглазым пастухом, над которым смеются девицы, узнавшие, что он тщетно ухаживает за нимфой Галатеей. Полифем горюет о недостижимой любви. Галатея отвергает Полифема, она влюблена в Алкида — сына лесного бога. У Полифема рождается чувство страшной мести — он раздавил Алкида скалой. Скорбная Галатея превратила своего несчастного возлюбленного в прекрасную прозрачную речку². Но не этот миф о Полифеме, а именно из эпической поэмы «Одиссея», упоминал Ч. Валиханов, когда писал о сходстве мифов в фольклоре разных народов.

Ряд казахских легенд о циклопах относится к глубокой древности, они зафиксированы еще до революции³. Эти оригинальные произведения устного твор-

¹ Илиада, Одиссея, М., 1967, с. 514—524.

² Мифы народов мира в двух томах М., 1980, т. I, с. 262

³ Остроумов Н. О. Новые варианты сюжета о Полифеме (одноглазе) Киргизские рассказы. Этнографические обозрения. 1891, № 9, с. 202—207; Одиссея Полифем в киргизских сказках. Средняя Азия (альманах), 1910, с. 51—64; Берг Л. С. Киргизское сказание о циклопе. Этнографическое обозрение. 1915 № 3—4, с. 62—67.

чества казахов некоторыми своими подробностями напоминают повествование Гомера о встрече Одиссея с циклопом Полифемом. В свое время Ч. Ч. Валиханов не мог знать об этом, но удивителен дар его научного предвидения, которое в настоящее время нашло свое подтверждение.

Имя древнегреческого историка, «отца истории» Геродота (484—425 гг. до н. э.), Ч. Ч. Валиханов приводит рядом с именем Гомера и обращает внимание на «предания, собранные по слухам Геродотом...», имеющие «достоинство историческое». Сам Геродот назвал свое сочинение «История». Позднее ученые разделили сочинение Геродота на 9 книг, названных именами греческих муз. Четыре книги посвящены обзору государств, остальные — событиям греко-персидских войн. Труд Геродота «История греко-персидских войн» ценен тем, что наряду с описанием греков и персов автор дает широкую панораму быта многих народов, с которыми соприкасались греки. Например, в главах о походе Дария на скифов (древние племена в Северном Причерноморье) содержатся важные сведения о народах южнорусских степей, Средней Азии и Казахстана. Несмотря на то, что далеко не все в «Истории» подлинно, труд Геродота до сих пор является ценным источником для изучения древней истории.

«История» Геродота не только исторический труд, но и литературно-художественный памятник. Рассказывая об исторических событиях, автор использует местные сказания, легенды, анекдоты, сказки. «История» как бы тем самым восходит к произведениям устного народного творчества. Неспроста Аристотель называл Геродота не только историком, но и «сказочником». В римскую эпоху Геродот был известен главным образом как художник слова. Плутарх назвал его стиль «простым, легким и живым».

Выражение Ч. Валиханова «предания, собранные по слухам Геродотом» явно указывает именно на эту сторону трудов историка — на связь с устным народным творчеством. И этот факт свидетельствует о том, что Ч. Валиханов основательно знал труд «отца истории».

Представляет интерес обращение Валиханова к одам древнеримского поэта Горация. Говоря в «Записке о судебной реформе» о негативных последствиях распространения в степи ислама, Ч. Валиханов отмечает увлечение казахского юношества джагатайской литера-

турой, в которой, по мнению ученого, эпические и беллетристические произведения «или пахнут учением Шамиля — или напоминают оды Горация к Лигурину... или же вовсе не имеют смысла»¹.

Ч. Ч. Валиханов имеет в виду оды Горация, безмерно прославляющие Октавиана Августа и его путь к неограниченной власти. Обращение Валиханова именно к этой странице многогранного поэтического творчества Горация было неслучайным — теократия была ненавистна его сути, о всесии местных баев он не раз писал своим друзьям — с истинной страстью обличителя.

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.), чьи произведения были изданы еще при его жизни и полностью сохранились (250 рукописей), широко известен в России со времен возникновения и развития классицизма, когда в почете было обращение к истории и литературе древней Греции и Рима. Послания Горация переводили А. Д. Кантемир и В. К. Тредиаковский. Кантемир написал пять «горацианских» од. Высоко ценил Горация, делал переводы его произведений М. В. Ломоносов. С интересом относился к его творчеству Г. Р. Державин, сделавший переложение его знаменитой оды «Памятник». Горацием увлекался А. С. Пушкин, особенно в юности. Великий русский поэт писал: «Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая...»², «Есть люди, которые находят Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным, так ли?). Пусть так, но жаль было, если бы не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин»³. Известное стихотворение А. С. Пушкина «Кто из богов мне возвратил...» (1835) — вольный перевод из 2-й книги од Горация. В то же время Пушкин высказывал и критические замечания, называя Горация «Августовым певцом». Поэт определял его положение при дворе Октавиана Августа как положение «умного льстеца»⁴.

Известно, что Ф. Энгельс в своем письме к К. Марксу писал о Горации: «Представьте себе этого честного человека, бросающего вызов в *Vultus instantis turanni* и ползающего на брюхе перед Августом»⁵.

Отношение к Горацию в России было двойственное.

---

¹* т. I, с. 521.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 41.

³ Там же, т. 7, с. 435.

⁴ Там же, т. 2, с. 175.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. т. 31, с. 228.

Одни считали его замечательным мастером стиха, создателем блистательной и гармоничной поэзии ума, других привлекала та часть его жизни и философии, которая была обусловлена верноподданническим отношением к Октавиану Августу и возвеличиванием религии. А в середине XIX в., когда увлечение Горацием как «Августовым певцом» начало превалировать, в революционно-демократической среде возникает резко критическое отношение к нему.

Отдавая должное художественному мастерству Горация, Н. Г. Чернышевский, например, писал: «Этот изящный поэт — чисто поэт формы, тонкой и тщательной отделки, точного слова, грациозного выражения»¹. В то же время В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, пропагандируя гражданскую поэзию, дали резкую оценку его общественно-политической позиции. Русские революционеры-демократы видели в переходе Горация на позиции Августа прежде всего ренегатство, измену прежним республиканским убеждениям, политическую беспринципность. Добролюбов писал: «В его произведениях место глубокой мысли и истинного чувства так часто занимают придуманные, сочиненные чувства и положения, риторические описания, гнилые сентенции. Что господствует в одах Горация? Риторика и лесть»².

Ч. Валиханов, надо полагать, разделял взгляды революционных демократов на творчество римского поэта. Этим и объясняется то, что имя Горация и его оду к Лигурину он упоминает в связи с характеристикой религиозных и тиранопочитающих мотивов в некоторых произведениях джагатайской литературы.

Есть в греческой мифологии выражение «Яблоко раздора». Оно употреблено Ч. Ч. Валихановым в своем первоначальном значении — причина раздора: «Яблоком раздора по обыкновению — опять «красавица...»³

Нам думается, будет не лишним напомнить истоки этого выражения. Верховное божество, отец богов и людей, глава олимпийской семьи богов Зевс, в награду за целомудрие, решил Пелею дать в жены морскую нимфу Фетиду. На их свадьбу были приглашены все боги, кроме богини раздора Эриды. Она подбросила на

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. IV, с. 508—509.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч., 1934, т. I с. 452.

^{3*} т. I, с. 368.

свадьбу яблоко с надписью «прекраснейшей». За обладание яблоком возник спор между тремя богинями — Гэрой, Афиной и Афродитой. Чтобы рассудить заспоривших богинь, Зевс поручил Гермесу отвести их на гору по названию Ида, где пас стада юный Парис. Состоялся знаменитый суд Париса над тремя богинями, заспорившими о своей красоте. Гера, желая склонить на свою сторону Париса, обещала сделать его самым могущественным из земных царей, Афина — самым храбрым, бесстрашным героем-борцом, Афродита — любовь к нему самой красивой женщины. Парис признал прекраснейшей из богинь Афродиту, которая и помогла ему, когда он был троянским царевичем, увлечь спартанскую царицу красавицу Елену, которая влюбляется в него. Похищение Елены и явилось поводом к Троянской войне, которая — одно из центральных событий в греческой мифологии и эпических поэмах «Илиада» и «Одиссея».

В письме к К. К. Гутковскому от 1 января 1863 года Ч. Ч. Валиханов пишет: «...Дай бог, чтобы старый год пожрал, как Сатурн своих чад, Дюгамеля и проч. и дал нам новых, не спящих, а трезвых администраторов»¹.

«Пожрал как Сатурн своих чад» — это сравнение связано с древнеримским мифом о Сатурне (Saturnus), боге посева, семян, покровителе земледелия. Примерно в начале III века до н. э. Сатурн стал отождествляться с Кроносом (в греческой мифологии — титан, оскопивший отца из-за опасения, что его сыновья могут претендовать на верховную власть). Древнегреческий Кронос и древнеримский Сатурн впоследствии стали отождествляться с неумолимым временем, поглощающим то, что само породило. Ч. Валиханов употреблял имя древнеримского бога Сатурна именно в этом значении — ради власти пожирающего близких людей. Лаконичность фразы несет в себе глубокий смысл. Ч. Ч. Валиханов саркастически выражает ненависть к царским наместникам, к администраторам, которые ради корысти и карьеры не останавливаются ни перед чем — «пожирают» друг друга, «как Сатурн своих чад». Ч. Ч. Валиханов называет имя Дюгамеля, генерал-губернатора Западной Сибири, и добавляет «и проч.». И это очень существенно: его гнев, ненависть, пренебрежение обра-

---

¹* т. IV, с. 70.

щено не только к конкретному лицу, но ко всему институту царской власти.

В работе «Народное богатство — скотоводство», говоря о значении разведения скота в жизни кочевников, Ч. Валиханов пишет о воле, украшенном колокольцами, о его богатом седле и употребляет при этом такое выражение: «...редкий случай видеть дикокаменную амазонку, гарцевавшую на рысистом быке, как Европа, похищенная Юпитером»¹.

В этом фрагменте работы нам интересно не только обращение Ч. Ч. Валиханова к древнегреческой мифологии — известному мифу о похищении Зевсом Европы, дочери финикийского царя Агенора. Ч. Ч. Валиханов вводит читателя в быт кочевого народа, знакомит с его обычаями. А именно: нередко девушки становились воинами, владели оружием, были прекрасными наездницами, своего рода степными амазонками. Сквозь сдержанность повествования Ч. Ч. Валиханова прорывается восхищение их бесстрашием и красотой, та эмоциональность, которая присуща его стилю — чаще всего не открытая, а словно огонь под пеплом.

В одной из записей Ч. Ч. Валиханова мы встречаем слово «химера», корни которого уходят в древнегреческую мифологию. Генерал Гасфорт говорит: «...читал эмансипированные химеры госпожи Дю Дефан...»² Химера — в греческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом змеи — дракона, рожденное Тифоном и Ехидной. Химера обитает в пещере, изрыгает пламя, от которого все вокруг гибнет Беллерофонт, поднявшись на небо на белоснежном, дивном крылатом коне Пегасе, нападает на Химеру и меткими смертоносными стрелами убивает ее. В средневековом европейском искусстве немало скульптурных изображений Химеры. В переносном смысле Химера — это сочетание несочетаемого, зловещая эклектика, праздная мечта. Употребление Ч. Ч. Валихановым этого слова в вышеприведенной фразе говорит не только о том, что он был знаком с творчеством «госпожи Дю Дефан» (Жорж Санд), но и имел четко определенное мнение о ее произведениях.

Нельзя не упомянуть и обращение Ч. Ч. Валиханова к Марсу и Эскулапу, пришедшим на страницы его тру-

---

¹* т. I, с. 326.

²* Там же, с. 43.

дов тоже из греческой мифологии: «Рекомендованный батыр быстро помчался в аул с поднятой нагайкой, приняв марсовский вид»¹; «Все лекари, или, так сказать, жрецы Ескулапа — хранители и друзья здоровья общечеловеческого, если посмотреть на них с точки зрения философской — сущие и первые эгоисты»². Во второй фразе Ч. Ч. Валиханов вновь берет себе в союзники иронию и сарказм, что, безусловно, влияет на читательское восприятие.

Находят свое место в трудах Ч. Ч. Валиханова и Нептун (в римской мифологии — бог источников, рек и морей), Медуза (в греческой мифологии — одна из трех крылатых женщин-чудовищ со змеями вместо волос) и Ата (греческая богиня бедствия): «Грозные утесы пролива как-то страшно и грозно чернеют, море спокойно и луна отражается в багряных водах Нептуна»³:

«...В объятиях свирепой стихии чернеют челны отважных мигрантов и как щепки скользят по его поверхности. Волны набегают, как бы желая проглотить утлые судна, вдруг покрывают их. На берегу раздается оглушительный вопль и крик отчаяния. Это их жены с распущенными власами, как голова медузы — Аты, верные супруги ломают свои руки и испускают вопли. Ветер заглушает их крики и развеивает их волосы и легкую одежду. На черном утесе они кажутся ведьмами, собравшимися на шабаш»⁴.

О том, что Ч. Ч. Валиханов прекрасно знал мифологию многих народов, свидетельствует также обращение его к библейским сюжетам и образам.

В использовании Ч. Ч. Валихановым библейских образов нет ни тени религиозных мотивов, приведенные им в качестве метафор эпизоды и имена из библейских сказаний выполняют определенную функцию в раскрытии смысла описываемых явлений. Например, в Библии рассказывается о двух городах — Содоме и Гоморре, стоящих у устья реки Иордан, на земле древней Палестины, жители которых погрязли в распутстве. За этот грех людской «на Содом и Гоморру обрушился ливень серы и огня. Вся земля сотрясалась, а города обратились в груды дымящихся развалин. Никто из несчастных горожан не спасся. Над Содомом и Гомор-

¹* т. I, с. 260.

²* т. III, с. 48.

³* т. III, с. 44.

⁴* там же, с. 45.

рой воцарилось молчание смерти» Только семья благо-разумного и гостеприимного Лота осталась невредимой, ибо ангелы раньше увели их из города в горы. Выражение Содом и Гоморра стало символом крайнего беспорядка, хаоса, греховной жизни.

Однако не в этом значении упоминает Ч. Ч. Валиханов Содом и Гоморру. Одна из легенд о возникновении озера Иссык-Куль вызывает у него ассоциации с библейским сюжетом: «Вода в озере горько-соленая и имеет небольшой гнилой запах. Глубина его, как говорят киргизы, недосыгаема. Но едва ли кто пробовал его глубину. Киргизы с мистическим ужасом говорят о негостеприимных водах его и сохраняют предание о возникновении озера, напоминающее библейское сказание о Содоме и Гоморре. При малейшем ветре воды его вздымаются ужасными волнами и с шумом набегают на берег.

...Долго скитался визирь в горах и только ночами посещал город. В один из своих ночных визитов в город он пришел к царскому колодцу с золотой крышкой, который стоял среди города. Визирь вспомнил былые времена, когда он пил воду из этого колодца, вспомнил свое визирство и стал громко молить бога, чтобы он взял их к себе, как нечестивцев, не достойных его милостей. Аллах был гневан на этот город за его разврат и безбожие. Аллах изрек: куп оряй куп! (да будет так!), и вода начала бить огромным столбом из колодца и в одну ночь на месте города стало озеро — озеро Иссык-Куль.

Легенда эта, напоминающая Содом и Гоморру, имеет, как можно полагать, по вулканическим признакам озера, основанием своим землетрясение, разрушившее прибрежные города...»¹ В приведенном отрывке для нас важно то, что Ч. Ч. Валиханов употребляет Содом и Гоморру в точном значении библейской легенды и делает вполне светские выводы, объясняющие причины природных явлений и разрушений, в данном случае — возникновения озера в результате вулканических извержений.

Интересно также упоминание Ч. Ч. Валихановым библейского сказания о Соломоне, о посещении царицей Савской его царства. В отрывке из дневника Ч. Ч. Валиханов приводит слова генерал-губернатора

---

¹* т. I, с. 322.

Гасфорта: «Сюжет для одного романа был взят мною из библейского сказания о посольстве аравийской или абиссинской царицы к Соломону...»¹ Как известно, Соломон, сын Давида, первым получил престол по наследству и стал царем объединенного царства Израиля и Иудеи (около 965—928 гг. до н. э.). Он провел административные реформы, добивался централизации религиозного культа. Предание превратило его в необычайного мудреца и приписало ему авторство многих произведений библейской литературы, к примеру, знаменитой «Песни песней».

Библейское сказание, о котором упоминается в записи Ч. Ч. Валиханова, повествует о том, что слава о мудрости Соломона, его богатстве и великолепии его двора разошлась по всему свету. Слухи дошли и до далекой Аравии, до царицы Савской, и она решила отправиться в Иерусалим, лично убедиться, насколько они правдивы, и щедрыми дарами склонить царя к заключению договора о дружбе. Ее въезд в Иерусалим был поистине великолепен. Длинный караван верблюдов в богатых, ярких чепраках, украшенных золотом, вез придворных вельмож, женщин и бесчисленные дары — золото, драгоценности, благовония.

«Царица ехала в паланкине, который качался на верблюде, как корабль на морских волнах. Соломон ждал царицу в тронном зале, одетый в пурпур и золото...»²

Также известно, что народная фантазия обошла молчанием цели и характер этого посольства и придала всему романтическую окраску. Соломон, якобы пораженный яркой красотой царицы, вспылал к ней страстью. В рассказе Гасфорта эта часть предания передана так: «Только в уединенной палатке царицы не видно огня. Она сидит задумчиво, облокотившись на одну руку, а другой перебирает коралловое ожерелье (ибо кораллы добывались в Черном море, следовательно, у нее должно быть ожерелье). Она думает о Соломоне, о его мудрости, она любит его самой чистой, платонической любовью. Вдруг она с лихорадочной живостью поднимает глаза в глубь небесной тверди, на звездное небо и тихие слезы льются ручьем — она молится, ибо аравитяне были сабеисты (звездопочитате-

---

¹* т. III, с. 44.

² Касидовский З. Библейские сказания. М., 1969, с. 312.

ли)». Если в библейских сказаниях Соломон воспламеняется страстью к царице, то в записи Ч. Ч. Валиханова, наоборот, она любит его чистой любовью. Образу царицы Савской в записях Ч. Ч. Валиханова придан ореол романтизма, таинственности и вечной женственности. Такая трансформация, на наш взгляд, неслучайна: может быть, таков валихановский идеал женщины — любящей, покорной, жертвенной. Ч. Ч. Валиханов отмечает: «она молится, ибо аравитяне были сабеисты (звездопочитатели)». Эта запись появилась тогда, когда Ч. Ч. Валиханову едва минуло двадцать лет и нельзя не удивляться его познаниям истории народов Востока. Сабеизм — религиозное течение, существовавшее во многих восточных странах до XI века. Для него характерно поклонение звездам, обожествление небесных светил. Ч. Ч. Валиханов первым среди казахов употребляет слово сабеисты.

В работе «Предания и легенды Большой Киргиз-Кайсацкой Орды», написанной в годы первых его путешествий по Казахстану в 1855—57 годах, Ч. Ч. Валиханов с юмором и иронией употребляет в качестве метафоры имя Гавриила, одного из ангелов, вестников и посредников между богом и людьми: «Вот другое предание, очевидно, произошедшее под религиозным влиянием среднеазиатских мусульман. Родоначальником Средней Орды был товарищ сахаба Мухаммеда, «избранного». Пророк, по откровению архангела Гавриила, узнав о скором своем оставлении правления сего тленного мира, чтобы там, в эдеме, на лоне гурии, отдыхать вечно и вечно, призвал своих друзей и товарищей и сказал им об этом, прося прощения, если он сделал кому-нибудь из них обиду»¹.

Мухаммед (в европейской литературе часто Магомет, Магомед) жил приблизительно в 570—632 годах, был основателем Ислама, главой первого мусульманского теократического государства в Аравии, почитается как пророк, посланник аллаха. Ч. Ч. Валиханов, употребив слово «сахаба», означающее «сподвижник Мухаммеда» для того, чтобы русской публике было понятно, развертывает метафору «пророк, по откровению архангела Гавриила».

В качестве метафоры употребляет Ч. Ч. Валиханов и распространенное выражение «Вавилонское пленение». В письме к А. Н. Майкову в декабре 1862 года из Кокче-

---

¹* т. I, с. 107.

тава Ч. Ч. Валиханов пишет: «Интересно было бы узнать от Вас о некоторых крупных литературных скандалах и ученых критиках. Что с «Современником» и что будем делать мы, его подписчики? Я говорю о деньгах за эти 8 месяцев вавилонского пленения?»

Говоря о сроке, на который был запрещен журнал «Современник» (с июня 1862 г. по февраль 1863 г.) Ч. Ч. Валиханов удачно прибегает к устоявшемуся словосочетанию, корни которого в глубокой древности. После взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II часть евреев насильно была переселена в Вавилонию. Вавилонское пленение длилось с 586 по 539 гг. до н. э. После этого экскурса в историю, думается, нет смысла объяснять, почему Ч. Ч. Валиханов в письме А. Н. Майкову прибег к такой метафоре.

В работе «Очерки Джунгарии», с горечью говоря о том, что многие памятники культуры безвозвратно погибли от беспощадной руки религиозного мракобесия, Ч. Ч. Валиханов приводит такое сравнение: «Даже монументальные памятники прошедшей культуры подверглись гонению мулл, как подражание немвродовскому столпотворению, как греховная борьба человека с творчеством аллаха»¹.

Это сравнение имеет интересную историю и глубокий смысл. В мифологии ряда народов после всемирного потопа — «божьей кары», ниспосланной на человечество и на все живое на земле, Немврод — легендарный основатель вавилонского царства — предпринял грандиозное строительство столпа-башни до небес. Но эта попытка потерпела крах, ибо разгневанный дерзостью, силой и организованностью людей бог решил наказать их, смешал их языки, и они перестали понимать друг друга, рассеял их по всей земле. Немвродовское или вавилонское столпотворение употребляется в переносном смысле: означает суматоху, полный беспорядок, работу, ведущуюся без толку, суету.

Со временем в выражение «немвродовское столпотворение» было привнесено несколько значений, одно из них — определение реакционных действий представителей духовенства. В наши дни ученый З. Касидовский также отмечает, что люди видели в «Вавилоне и его пирамиде олицетворение дерзости и греховности по отношению к богу»². Ч. Ч. Валиханов еще в то время употреблял вы-

¹* т. I, с. 393.

² Касидовский З. Библиейские сказания. М., 1969, с. 36.

ражение «немвродовское столпотворение» не только в смысле суматохи, беспорядка, суеты, но значительно шире — «как греховная борьба человека с творчеством аллаха».

Все эти примеры свидетельствуют о широком диапазоне казахского ученого, о его приверженности к одной из традиций научного и художественного творчества — обращению к образам древней культуры.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ИМЕНА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ТРУДАХ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Знания по зарубежной литературе, полученные Ч. Ч. Валихановым в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе, пополнялись его постоянным усердным самообразованием, особенно в годы пребывания в Петербурге. Ч. Ч. Валиханов владел немецким, французским, английским языками, что позволяло ему читать некоторые произведения западных писателей в оригинале.

В одной из важных работ Ч. Ч. Валиханова — «Записка о судебной реформе» — читаем: «...Вопросы же о реформах требуют гораздо большей осторожности и более глубоких соображений, ибо от них зависит народное «быть или не быть»... Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданское развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формируются в шекспировское — «быть или не быть». Бии никем формально не избираются и формально не утверждаются. Значение их основано на частном авторитете, которые приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа. Для выбора в мировые судьи существует определенный порядок и ценз»¹.

Выражение «быть или не быть» из «Гамлета» Шекспира повторяется и в письме Ч. Ч. Валиханова к Ф. М. Достоевскому от 15 октября 1862 г.².

Ч. Валиханов был одним из тех, кто в далеком от

¹* т. I, с. 497, 510.

² Там же, т. IV, с. 63.

родины Шекспира Казахстане положил начало восприятию его творчества. Обращение Валиханова к творчеству великого английского драматурга, и особенно к трагедии «Гамлет», тесно связано с историей изучения Шекспира в России и вполне может рассматриваться как один из важнейших моментов истории русского шекспироведения.

Известно, что в самом начале приобщения русских читателей к Шекспиру — Н. М. Карамзин перевел «Юлия Цезаря», и русский читатель познакомился с героем-републиканцем Брутом — определилось отношение к Шекспиру как к создателю ярких, психологически точных образов борцов за высокие общественно-политические идеалы. Но подлинным «открывателем» Шекспира в России был А. С. Пушкин, который обратил внимание на реализм его художественного метода. «В отличие от Запада, где Шекспир больше повлиял на развитие романтизма, в России Шекспир стал знаменем реалистического направления в литературе, — писал известный шекспировед А. Аникст. — Шекспировские корни хорошо принялись на русской почве»¹.

В 1864 г., когда праздновалось трехсотлетие со дня рождения Шекспира, И. С. Тургенев торжественно провозгласил: «Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу кровь и плоть»². Такое отношение к Шекспиру в России, высокая оценка его произведений не могли не оказать благотворного влияния на умы и чувства мыслящих людей национальных окраин, которые впитывали в себя все, что ценилось в русском передовом обществе. Чокан Валиханов знал творения Шекспира и высказал уважительное отношение к ним.

Примечательно то, что Валиханов обращался именно к знаменитому монологу Гамлета, который отличается не только концентрацией идей, мыслей, законченностью формы, но и тем, что в нем дается характеристика определенного этапа в духовном развитии героя, который после мучительных раздумий, рассуждений, сомнений и колебаний пришел к решению «быть», т. е. противостоять злу, бороться с жестокостью, насилием, несправедливо-

¹ Аникст А. Творчество Шекспира. М., 1963, с. 7.

² Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева. М. Л., 1965, с. 4.

стью. Этот монолог, как известно, произнесен Гамлетом после того, как он пережил мучительное состояние, вызванное тем, что перед ним раскрылась бездна зла. Покориться злу или восстать против него — вот что должен решить Гамлет.

Глубокие раздумья Гамлета о добре и зле, о жизни и смерти, о силе и слабости человека, о борьбе разума и справедливости против зла — это то, что волнует людей разных национальностей и разных поколений. Говоря о гуманизме Шекспира, об интернациональности его произведений, Белинский писал: «Гамлет!.. понимаете ли вы значение этого слова? Оно велико и глубоко, это жизнь человеческая, это человек, это вы, это я, это каждый из нас, более или менее, в высоком или смешном, но всегда в жалком и грустном смысле...»¹

Не случайным было обращение Валиханова к монологу Гамлета: думы шекспировского героя были близки казахскому ученому-просветителю.

Как известно, прогресс казахского общества Валиханов считал возможным лишь в русле общероссийского развития. Не будучи революционным демократом, он переоценивал роль просвещения, образования, значение частичных реформ. Резко критикуя политику царского правительства и деятельность отдельных русских чиновников, он в то же время пытался принимать участие в реформах этого правительства в надежде на то, что они облегчат жизнь казахского народа.

«В наше время,— пишет Валиханов,— нет вопроса общественного, который был бы так важен, как вопрос о народных реформах. От удачных и неудачных реформ зависит вся будущность народа, в них заключается его «быть или не быть». Затем он поясняет: «Реформы бывают только тогда удачны, когда они правильны, т. е. тогда, когда они основаны на тех неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие общественного организма»².

Внимательное прочтение текста позволяет утверждать, что Ч. Ч. Валиханов как бы раздвигал и так необъятные границы шекспировского «быть или не быть», вкладывая в него понимание значимости просвещения и образования для развития своего народа — экономического, социального, политического и культурного.

---

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. II, с. 254.

²* т. I, с. 496.

Значителен и факт присутствия в трудах Ч. Ч. Валиханова, рядом с именем Шекспира, и имени выдающегося немецкого поэта и мыслителя Гете (1749—1832). Напомним: «Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств, и не на формальных выборах народа», — пишет Ч. Ч. Валиханов. Великая мысль заключена в этих словах: гениальные поэты и писатели выше всех правительств, ни один из них не в силах заслонить их значимость в духовном развитии человечества, имена их бессмертны, потому как в их творчестве сконцентрированы все трагедии, взлеты, падения, поиски, надежды, добро и зло рода человеческого.

В кругу научных и литературных интересов молодого Ч. Ч. Валиханова стояли и труды его современника, впоследствии вошедшего в историю мировой науки и литературы, английского писателя, публициста, историка и философа Томаса Карлейля. Карлейль (1795—1881) учился в университетах Глазго и Эдинбурга. Мировоззрение Карлейля сформировалось под влиянием Гете, Шеллинга и немецких романтиков. А в 20—30-х годах переводами произведений немецких поэтов на английский язык и исследованиями он пропагандировал немецкую литературу и философию. В философском романе «Сартор Резартуз», написанном в 1833—1834 годах (в русском переводе вышел в 1902 году), Карлейль в традиционном для романтизма мифологическом духе создал картину мира, разделение общества на антагонистические классы. В книге «История Французской революции» он показал историческую неизбежность крушения феодального гнета. В 1844 году Ф. Энгельс отмечал, что Карлейль «глубже всех английских буржуа понял социальное неустойство»¹.

В памфлетах «Чартизм» (1839) и «Прошедшее и настоящее» (1843) Карлейль негодует против погони за чистоганом, несправедливости в распределении жизненных благ. Причину народных бедствий Карлейль видит «в господстве чистогана». Ф. Энгельс высоко оценил памфлет «Прошедшее и настоящее» и посвятил его анализу статью в своей серии очерков «Положение Англии». Оценивая деятельность Карлейля до 1848 года, Ф. Энгельс писал, что ему принадлежит заслуга в том, что

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. III, с. 570.

он выступил в литературе против буржуазии в ту эпоху, когда ее взгляды, вкусы и идеи заполняли всю официальную английскую литературу; причем выступления его носили иногда даже революционный характер. Интересно, что в предисловии «Несколько слов о Т. Карлейле», которое открывает его основной труд «Герои и героическое в истории», вышедшем на русском языке в 1891 году, переводчик В. И. Яковенко писал: «Томас Карлейль один из наиболее читаемых и почитаемых авторов в Англии. Тэн говорит: спросите любого англичанина, кого у них больше всего читают, и всякий ответит вам — Карлейля. Хотя это было написано Тэном лет двадцать тому назад, однако, ввиду выходящих постоянно новых и притом крайне дешевых изданий сочинений Карлейля, нужно думать, что они интересуют и молодое поколение англичан не менее, чем их отцов. Но русская литература, чуткая вообще к выдающимся явлениям умственной жизни Запада, как-то проглядела в высшей степени своеобразную и колоссальную фигуру этого мыслителя-поэта. У нас существуют лишь какие-то отрывки из его сочинений: один том «Французской революции», несколько биографических очерков, собранных в книге «Исторические и критические опыты», две беседы из «Героев» (в «Современнике») да несколько компилятивных журнальных статей — вот и все»¹.

Говоря о своеобразной манере его письма, переводчик писал: «Всякому, кто в первый раз читает его, приходится делать над собой некоторое насилие, пока он не освоится с этим языком и не научится ценить его особенности»².

Вот высокая оценка творчества Томаса Карлейля. Молодой Ч. Ч. Валиханов читает и цитирует Карлейля уже в то время, когда его труды еще не переводились на русский язык. Один из первых русских переводов сочинения Карлейля «История Французской революции» относится к 1866 году, его труды под названием «Исторические и критические опыты» изданы в России в 1878 году, «Прошедшее и настоящее», в русском переводе «Теперь и прежде», вышла в 1906 году, «Этика жизни» — в 1906 году и так далее.

Ч. Ч. Валиханов в своей работе «Следы шаманства у

---

¹ Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля. Перевод с английского В. И. Яковенко. С приложением статьи переводчика о Карлейле. СПб, 1891, с. 1.

² Там же, с. 26.

киргизов» приводит ряд высказываний из книг Карлейля для подтверждения своих наблюдений и мыслей о природе, человеке, шаманстве. Он пишет: «Шаманство, с одной стороны, есть почитание природы вообще и в частности. Человек действует и живет под влиянием природы. В этом смысле шаманство представляет крайний материализм. С другой стороны, умирая, человек сам становится божеством — это крайний спиритуализм. Идея недурна и замечательна особенно потому, что не имеет мифологических заблуждений и дает полный простор общественным условиям, общественным законам. «Поклонение есть высочайшее удивление», — говорит Карлейль, которого понятия о происхождении язычества, по нашему мнению, вполне объясняют шаманство».

Разделяя взгляды Карлейля относительно происхождения язычества и используя их для объяснения природы шаманства, связанного с язычеством, Ч. Ч. Валиханов восторженно пишет: «Природа и человек, жизнь и смерть были предметами высочайшего удивления и были всегда преисполнены неисследуемой тайны. Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека? Необходимая потребность познать Вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и отношениях человека к природе породили шаманство — обожание Вселенной или природы и духа умерших людей. Так младенчеству человек был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и всего того бесконечного, вечного и разнообразного, что мы называем природой и Вселенной»¹. И далее:

«Вот ответ Карлейля, который так хорошо объясняет шаманское небопочитание: «Вы, верно, помните приводимый Платоном пример человека, который выросши и возмужавши в темной пещере вдруг был выведен на свет, чтобы... Эта зеленая с цветами трава, деревья, горы, ручьи, шумящее море, эта глубокая бездонная лазурь неба, летучие ветры, клубящееся черное облако, извергающее то огонь, то дождь, то град — что это такое? А это другое таинство — время; вот высочайшее таинство... это Вселенная... ах, боже мой! Это какая-то сила неисследимая! Корень всех сил — сила, которая не мы». Когда Ч. Ч. Валиханов пользовался цитатами из лекций Карлейля, которые легли в основу его труда «Герои, почитание героев и героическое в истории», переводов их на рус-

---

¹* т. I, с. 471.

ский язык еще не было — молодой казахский ученый читал Карлейля на одном из европейских языков и при этом сделал точный перевод.

Цитированные Ч. Ч. Валихановым высказывания Т. Карлейля в русском издании 1891 года выглядят так: «Вы помните одну из фантазий Платона о человеке, который дожил до зрелого возраста в темной пещере и которого затем внезапно вывели на открытый воздух, посмотреть восход солнца. Каково, надо полагать, было его удивление, его восторженное изумление при виде зрелища, ежедневно созерцаемого нами с полным равнодушием!.. Эта скалистая земля, зеленая и цветущая, эти деревья, горы, реки, моря со своим вечным говором; это необозримое, глубокое море лазури, реющее над головой человека; ветер, проносящийся вверху; черные тучи, громящиеся одна на другую, постоянно изменяющие свои формы и раздражающиеся то огнем, то градом и дождем, — что такое все это?.. А великая тайна времени, не представляет ли она другого чуда... Эта вселенная, увы, — что мог знать о ней дикий человек? Что могли знать даже мы? Что она — сила, совокупность сил, сложенных на тысячу ладов; сила, которая не есть мы, — вот и все; она не мы, она нечто, совершенно отличное от нас. Сила, сила, повсюду сила; мы сами — таинственная сила в центре всего этого»¹.

«Поклонение есть высочайшее удивление», — говорит Карлейль. Эти слова Карлейля в переводе 1891 года выглядят так: «Поклонение есть высшая степень удивления»². У Валиханова фраза короче, но, на наш взгляд, выразительнее.

Ч. Ч. Валиханов был своего рода «пионером» в общении к творчеству Т. Карлейля — и не только среди своих степняков, что безусловно, но даже в России. Он внимательно изучал его труды и считал английского писателя, публициста, ученого и философа одним из столпов западноевропейской научной и художественной мысли.

В двух вариантах записи Ч. Ч. Валиханова «Отрывок из дневника», имеющей подзаголовок «Трактация о романах вообще, о романах, написанных е. п. самим» и «Трактация о романтизме вообще и о романах е. выс. п. в

---

¹ Герои и героическое в истории. Публичные беседы Карлейля. Перевод с англ. В. И. Яковенко. СПб, 1891, с. 10, 11, 12.

² Там же, с. 13.

частности» несколько раз повторяется имя французской писательницы Жорж Санд.

В то время, когда Ч. Ч. Валиханов делал свою запись «Отрывок из дневника», писательница Жорж Санд (псевдоним, настоящее имя Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван — 1804—1876) была популярна в России. Ее романами «Индиана», «Жак», «Орас», «Консуэло», «Графиня Рудольштадт» и другими зачитывались, о них говорили, спорили. Слава Жорж Санд в русском обществе достигла апогея в 40—50-е годы XIX века. В. Г. Белинский называл ее «...Иоанной д'Арк нашего времени»¹; И. С. Тургенев именовал Жорж Санд «...одной из наших святых»². Ф. М. Достоевский отметил, что Жорж Санд «...заняла у нас сряду чуть не самое первое место»³.

Такая популярность Жорж Санд не могла остаться незамеченной Ч. Ч. Валихановым. И для характеристики тупости царских чиновников по отношению к ее социальным романам, как называл их В. Г. Белинский, казахский ученый пишет о том, что в среде власть имущих Жорж Санд отнюдь не в кругу почета, до них не дошла суть ее творчества. Один из царских наместников говорит о ней: «Я ни в каком случае не апробую писателей нынешнего времени. Пресловутая Жорж Санд идеями в высшей степени утопическими, с желанием какого-то изолированного счастья, бесплотного совершенства и с желанием еще чего-то неопределенного кажется, на мой взгляд, не более, не менее как вздорной бабой, которую нужно высечь (его высокопревосходительство изволили смеяться). Все, что она ни писала — это пустая отвлеченность, риторические фигуры, грубая утилитарность. Только женщины с испорченным вкусом, не имеющие никакой женственности, могут кричать в восторге, читая эмансипированные химеры госпожи Дю Дева и, закатив свои белки, восклицать *gue s'entcharmant!* Совсем это не *charmant*, а просто фантазмагория и неприличная *exzalte*»⁴. «...Какая-нибудь Жорж Санд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которым вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего...»⁵

В этой записи также следует отметить употребление

---

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., 1956, т. 12, с. 115.

² Тургенев И. С. Собр. соч., 1956, т. II, с. 268.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произ., 1929, т. II, с. 311.

^{4*} т. III, с. 42.

^{5*} т. III, с. 48.

слов и выражений греческого и латинского происхождения: «фатум» у древних римлян — олицетворение судьбы, или сила, управляющая миром. В этом же значении употребляет его и Ч. Ч. Валиханов: «Другой роман имел чисто нравственно-психологическое значение. Я назвал его «Альфа и Вита» (выражение глубокого глубокомыслия). В нем олицетворив царь-разум, свободную силу воли и судьбу, фатум, я доказал, что гетерономия (зависимость человеческой воли от внешних сил природы) не реальна и не существует. Изобразив сначала, так сказать, субстанцию (substantia) этих душевных двигателей, составляющих в некотором смысле интеллектуальность индивидуума, я определил вообще их аналогию, в другом смысле — реляцию воли и разума, взаимное соотношение, атрибут — свойство».

Ч. Ч. Валиханов описывает витиеватую, наукообразную, философскую речь своего «героя» — генерала Гасфорта. Здесь «гетерономия» — греческое слово, означающее «чужеродную закономерность, определяемость какого-либо явления внешними законами». Такое научное определение дается, например, в Советском энциклопедическом словаре. Слово «гетерономия» в Толковом словаре В. И. Даля вообще отсутствует. Но Ч. Ч. Валиханов дает ему почти адекватное современному объяснение: зависимость человеческой воли от внешних сил природы.

Представляет интерес также употребление слов «субстанция», «реляция», «фата-моргана» и множество других латинских и французских — в их транскрипции. Они используются Ч. Ч. Валихановым в качестве метафор. Например, «фата-моргана» (итальянское слово, означающее сложную и редко встречающуюся форму миража) употреблено Ч. Ч. Валихановым в смысле злой силы: «Ариман древних персов выражал неумолимую и карательную силу фата-морганы». Кстати, Ариман — греческое имя древнеперсидского бога Анхра — Майнью, олицетворяющего злое начало.

В записи дневника от 27 февраля 1856 года «Трактация о романах вообще, о романах, написанных е. п. самим» генерал Гасфорт, который рассказывает о якобы написанных им романах, произносит такие слова: «Это в сущности была книга совершенно абстрактно-философская и написана в виде романа именно с целью явно назидательного — многие философские и богословские проблемы, не ясно рассмотренные германскими философами: превьспренним Кантом, братьями Шлегелями,

Гердером и проч., были мною до замечательной ясности определены в этом романе и в других диссертациях».

Весьма важно, что имена братьев Шлегелей с почтением упомянуты Ч. Ч. Валихановым в его записи еще в 50-е годы прошлого столетия, тогда, когда их философские концепции и литературоведческие взгляды только стали утверждаться и находить последователей. Шлегель Август Вильгельм (1767—1845) — немецкий историк литературы, критик, переводчик и поэт, теоретик романтизма, основоположник сравнительного языкознания. В 1824 г. был избран иностранным почетным членом Петербургской Академии наук.

Очень благотворно и продуктивно работал его младший брат Шлегель Фридрих (1772—1829). «В своей многосторонней деятельности критика, философа, эстетика, историка культуры, теоретика литературы и изобразительного искусства, языковеда, филолога Ф. Шлегель был прежде всего инициатором, пролагателем новых путей,— писал Ю. Попов в статье «Философско-эстетические воззрения Фридриха Шлегеля»¹. Фридрих Шлегель — признанный теоретик романтизма («О ценности изучения греков и римлян», «Разговор о поэзии»), а в своем романе «Люцинда» он воплотил методологическую основу этого литературного направления.

Романтизм, основное литературное направление в Германии первой трети XIX века, зародился в середине 90-х годов XVIII века. Появление этого сложного и своеобразного направления, нашедшего свое выражение в различных областях искусства — литературе, живописи, музыке, связано с теми глубокими социально-историческими и политическими сдвигами, которые происходили в результате крушения феодальной системы и становления буржуазного общества.

Наиболее полным и завершенным выражением этого исторического процесса была Великая Французская буржуазная революция 1789—1794 годов, низвергшая феодальный мир и утвердившая господство буржуазии. Эта революция явилась важнейшим событием, поворотным моментом в исторической жизни не только Франции, но и других европейских стран, в том числе и России.

На I съезде по внешкольному образованию в 1919 году В. И. Ленин так определил значение Великой

---

¹ Шлегель Фридрих. Эстетика. Философия. Критика М., Искусство, т. I, 1983, с. 7.

Французской буржуазной революции: «Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии»¹.

Крушение феодально-дворянского мира и его культуры, торжество новых социальных отношений, которые установила революция конца XVIII века, не могли не вызвать важных сдвигов в сознании людей всех стран. Установившийся буржуазный правопорядок был неприемлем для сторонников старого, разрушенного революцией феодального общества. Он был неприемлем также и для тех, кто воспринимал революцию и ее результаты с точки зрения интересов и чаяний народа.

Знакомство Ч. Ч. Валиханова с историей французских революций конца XVIII века, с трактатом «О свободе» английского философа Милля Джона Стюарта, с трудами братьев Шлегелей наводит на мысль: первый казахский ученый проявлял интерес к истории становления романтизма, его роли в культуре и литературе Запада. Есть косвенное доказательство этому предположению: в трудах Ч. Ч. Валиханова упомянуто имя другого немецкого мыслителя и писателя-просветителя, теоретика литературы, оказавшего влияние на немецкий романтизм — Гердера Иоганна Готфрида (1744—1803). Гердер был главным теоретиком литературного движения в Германии 70—80-х годов XVIII века, которое известно под названием «Буря и натиск». Это движение восприняло антифеодальные идеи и гуманистический пафос эпохи просвещения, преувеличивало культ разума, боролось за самобытное национальное искусство, демократичность.

«...У Тынеке все тело густо покрыто волосами, как у первобытного человека по Бюффону», — пишет Ч. Ч. Валиханов². В то время в образованном русском обществе имя выдающегося французского естествоиспытателя Бюффона было почитаемо. Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) в своем тридцатишеститомном труде «Естественная история», созданном им в 1749—1788 годах,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 367.

²* т. I, с. 284.

высказывал свои взгляды на развитие земного шара и его поверхности, на единство растительного и животного мира, доказывал теорию изменяемости видов под влиянием условий среды, климата, питания и так далее. С 1776 года Бюффон был иностранным почетным членом Петербургской Академии наук. С этим основным трудом Бюффона Ч. Ч. Валиханов был знаком задолго до путешествия в 1855—1856 годах на Иссык-Куль: его имя он упоминает в «Дневнике поездки на Иссык-Куль». И это упоминание, безусловно, не случайно: Ч. Ч. Валиханова не могла не заинтересовать смелая по тем временам научно-революционная теория выдающегося естествоиспытателя Бюффона.

В письме к А. Н. Майкову от 6 декабря 1862 года Ч. Ч. Валиханов, подробно описывая состояние житья-бытья казахской степи, пишет: «К тому же у киргизов много песен (я разумею это слово в том смысле, в каком разумели его в средние века, например, песня о Роланде), бездна поговорок и афоризмов, сочиненных когда-то их умными отцами. На все свои убеждения и обычаи они находят готовый аргумент старины и думают, что правы»¹. Упоминание песни о Роланде вполне вписывается в круг постоянного исследовательского интереса Ч. Валиханова к казахской народной литературе. Ремарка Ч. Ч. Валиханова — «...я разумею это слово в том смысле, в каком разумели его в средние века, например, песня о Роланде» — весьма примечательна. Смысл слов «песня», «песнь» на разных этапах истории человечества претерпевал изменения. Им обозначается эпическое, лиро-эпическое произведение: в западной литературе, к примеру, «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Песнь о Гайавате», в русском фольклоре — «Песня об Авдотье-Рязановке», «Песня о смерти Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», в русской литературе — «Песня о вещем Олеге» А. С. Пушкина, «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова и другие.

Сообщая своему другу А. Н. Майкову о том, что у киргизов есть много песен, которые сравнимы с «Песнью о Роланде», Ч. Ч. Валиханов тем самым подчеркивает эпический и лиро-эпический характер их, их историческую и героическую тематику. Может быть, он имел в виду «Батырлар жыры», казахский эпос, в основу кото-

---

¹* т. IV, с. 66.

рого положены конкретные исторические события. Ведь «Песня о Роланде» — средневековая эпическая поэма приблизительно XII века, историческую основу которой составляют легенды о походах Карла Великого, герой поэмы — воплощение рыцарства и патриотизма французского народа.

Ч. Ч. Валиханов также отмечает: «...во всех среднеазиатских легендах Тамерлан играет первую роль, как в средние века в рыцарских поэмах Карл Великий и в русских сказках Владимир Красное Солнышко»¹.

Изучая труды Ч. Ч. Валиханова, можно предположить, что он основательно знал историю и литературу Англии. Вспоминая годы учебы с Ч. Ч. Валихановым в Сибирском кадетском корпусе и круг чтения друга, Г. Н. Потанин писал: «...Из иностранной беллетристики к нам проникали уже Диккенс и Теккерей. Английскую литературу у нас пропагандировал, конечно по переводам, Чокан; он любил читать об Англии и английской жизни, а манере английских путешественников хотел подражать; Диккенса, кажется, любили в семействе Капустиных; Диккенс был тогда у всех на языке»². Об этом же пишет в своих «Воспоминаниях о Чокане Валиханове» Николай Михайлович Ядринцев: «...В корпусе Чокан Валиханов обнаруживал любознательность и недюжинные способности, он много читал и в корпусе еще его любимыми авторами были Диккенс и Теккерей. Эти авторы в особенности были по вкусу Валиханову, так как он сам обладал замечательным юмором, о чем скажу ниже»³.

В статье «Омский кружок (и новые веяния)» Г. Н. Потанин, подробно описывая цвет омской интеллигенции, дом Капустиных, «который имел большое значение для внутренней жизни города», писал: «Здесь читали и поклонялись Чарльзу Диккенсу; с жадностью читали переводы из Гейне и декламировали его стихотворения; у журнала «Современник» было обыкновение в январской книжке на обложке печатать сведения о литературных новинках, которые будут помещены в грядущем году, и сердца в доме Капустиных замирали от ожидания и вопроса, что-то расскажет в своей повести Тургенев. Этот дом имел большое влияние на образование общественно-го мнения в Омске. Я не был приглашен к Капустиным,

¹* т. I, с. 243.

²* т. I, с. 314.

³* т. IV, с. 573.

но все-таки дыхание их дома чувствовал на себе, тем более что между ним и мной связующим звеном являлся Чокан, который поочередно обедал то у Капустинных, то у Гутковского»¹. В статье академика В. А. Обручева «Дружба юных мечтателей» читаем: «...через ротных кадетов в корпус проникли сочинения Сю, Александра Дюма и Диккенса»².

Судя по этим воспоминаниям и публикациям, с творчеством Диккенса Ч. Валиханов знакомился в годы пребывания в Омске.

В России сочинения Диккенса имели большой резонанс с начала 40-х годов XIX века. Юмористический роман Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» вышел в русском переводе еще в 1838 году, «Приключения Оливера Твиста» — в 1841, «Лавка древностей» — в 1843, «Домби и сын» — в 1847, «Дэвид Копперфильд» — в 1849, «Холодный дом» — в 1854, «Большие ожидания» — 1861, «Наш общий друг» — в 1864—65 годах. На страницах журналов — «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Русский вестник» — систематически печатались произведения Диккенса, выходили также отдельными изданиями. Ф. М. Достоевский писал: «...Мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же как и англичане, даже может быть, со всеми оттенками»³.

В суждениях В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского о романах Диккенса подчеркивались сила его реализма, демократизм и гуманизм. Н. Г. Чернышевский, ссылаясь на роман «Тяжелые времена», писал: «Тяжелый переворот совершается на Западе; во Франции он уже прошел несколько медленных, мучительных кризисов, до основания потрясавших благосостояние всего народа; кто хочет убедиться, что то же совершается в Англии, может прочесть хотя бы «Тяжелые времена» Диккенса (роман этот переведен на русский язык), если не хочет читать монографий о хартизме»⁴.

В числе имен английских писателей, часто упоминаемых друзьями Ч. Валиханова, есть и Теккереи. Выше приводились слова Г. Н. Потанина. В его же воспомина-

---

¹* т. IV, с. 651.

²* там же, с. 629.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. худож. произ., 1929, т. II, с. 71.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах, т. IV, с. 738.

ниях читаем: «Мы с ним не виделись около трех лет, и в течение этого времени, вращаясь между «полированными лицами» Омска, Чокан с успехом усвоил их внешность. Хотя он отлично понимал их внутреннее ничтожество, рассказывал много ядовитых анекдотов, обличающих их невежество и бессодержательность (например, он рассказывал, как один молодой человек, протеже петербургских аристократических старух, приехал с визитом к полковнику Гутковскому, наткнулся на разговор об английском юмористе Теккерее и стал допытываться, какую должность занимает Теккерей в Омске? Не занимает ли он важное место и не нужно ли сделать ему визит, чтобы не показаться невежливым?), но он подражал им в манерах, одевался по-ихнему, носил модную прическу, щеголяя мелкими вещичками...»¹

Н. М. Ядринцев вспоминает: «Острил он зло, я редко встречал человека с таким острым, как бритва, языком», — и приводит случай, когда Ч. Валиханов язвительно высмеивал невежество одного из столичных аристократов, который совершенно был далек от культурного, литературного мира: «Знаю, что раз на обеде в Омске, у Капустиных кажется, появился изящный франт, который слыша за обедом разговор о Теккерее, просил Валиханова представить его этому господину. После обеда Валиханов подвел его торжественно к портрету Теккерей, объяснил серьезно окружающим, что франт просит представить его Теккерею. В том же Омске был старый генерал штатский, довольно ограниченный человек, но до смешного тщеславный. Он был неистощимым источником для юмора Валиханова»².

В то время, когда Ч. Валиханов и его друзья учились в Сибирском кадетском корпусе, и в последующие годы, имя Теккерей гремело не только в Европе, но и в России, на русский язык переводились его произведения: «Ярмарка тщеславия», «Роман без героя», «Ньюкомы», «Записки Барри Линдона, эсквайра», «Виргинцы», «Книга снобов», в русском переводе «Книга мишуры». В русской критике 50-х годов произведения Теккерей стали объектом полемики. К примеру, литератор А. В. Дружинин представлял Теккерей русскому читателю безобидным юмористом. Революционно-демократическая критика указывала на разоблачительные, социальные тенденции

---

¹* т. IV, с. 339.

²* т. IV, с. 574.

его романов. Много внимания Теккерю было уделено в журнале «Современник». С большим интересом к Теккерю относился Н. Г. Чернышевский, он написал статью — «Ньюкомы, история одной весьма достопочтенной фамилии». Вполне естественно, что такое внимание к творчеству английского писателя вызвало интерес мыслящей молодежи.

В воспоминаниях современников сохранился ценный штрих: Ч. Ч. Валиханов как бы усваивал обличительный пафос произведений Теккеря, его сарказм и пользовался узнанным и усвоенным, чтобы высмеивать ограниченность, ничтожество, внутреннюю пустоту, внешне культурных высокомерных аристократов.

Н. М. Ядринцев оставил нам описание облика Ч. Ч. Валиханова: «...стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, в них было что-то женственное, ленивые движения его придавали ему вид европейского сибарита и денди. Все это производило впечатление, узенькие глаза его сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала критическая улыбка, это придавало ему нечто лермонтовское и Чайльд-Гарольдовское...»¹ Можно предполагать, что образ Чайльд Гарольда, героя романтической поэмы Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда», разочарованного, протестующего против враждебной ему действительности, был властителем дум дружеского окружения Ч. Ч. Валиханова: ведь не зря Н. М. Ядринцев метафорически использует его имя, ставшее к тому времени нарицательным.

В воспоминаниях современников Ч. Ч. Валиханова неоднократно подчеркивается его склонность к острой сатире, хлесткому юмору, разящей насмешке: «...Усвоив себе (речь идет о Ч. Ч. Валиханове — Ш. С.) европейское образование и воззрения, он любил злой гейневский насмешкой клеймить всегда пошлость». (Н. М. Ядринцев); «Если бы у Валиханова была казахская читающая публика, может быть, в его лице киргизский народ имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне» (Н. Г. Потанин).

В 50—60-е годы XIX века к Гейне было приковано внимание читающей публики и критики, в это время наряду с лирическими стихами все чаще переводятся и его сатирико-политические стихотворения, о нем много пишут в русских журналах.

¹* т. IV, с. 574.

Ч. Ч. Валиханов постиг одну из существеннейших черт поэзии Гейне, а именно ее политический, революционный пафос: «Чокан познакомил меня с поэзией Гейне, с барабанным боем революции»¹, — писал Г. Н. Потанин. «Стремясь расширить политический кругозор Потанина, Чокан познакомил его с сочинениями Гейне — «барабанщика революции 1848 года» — пишет В. А. Обручев². Кстати, барабанщиком революции называл себя сам Генрих Гейне.

Знакомство с творчеством Генриха Гейне, — а применительно к Ч. Ч. Валиханову оно не могло быть мимо-летным и поверхностным, мысль его, деятельная, исследовательская, всегда была нацелена на глубинные знания, — не могло не повлиять на идейно-политический потенциал его личности.

В числе книг, которые читали кадеты в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе, по свидетельству современников, упоминается роман «Вечный жид» Эжена Сю. В то время, когда Ч. Валиханов и Г. Потанин учились в Омске, французский писатель был еще жив и широко популярен не только в Европе, но и в России. И, конечно же, этот социальный роман не мог остаться вне поля зрения Чокана Валиханова, а если так, то нашел в его лице благородного читателя, так же как роман его соотечественника Александра Дюма (1802—1870) «Три мушкетера».

Увлекательное, стремительно развивающееся действие, жизнерадостность, активное отношение к жизни, герои, полные энергии, смелости, изобретательности, победоносно торжествующие над всевозможными препятствиями и интригами, удачная мотивировка исторических событий личными конфликтами — все это создало исключительную популярность произведениям Александра Дюма. Ценителями произведений Александра Дюма были К. Маркс, Л. Н. Толстой, Д. И. Менделеев, М. Горький, А. В. Луначарский и другие.

В воспоминаниях Г. Н. Потанина «Омский кружок (и новые влияния)» имеются такие слова: «...Когда бывало, подъезжаешь от Моста к Мокрому, в ряду передних его домов бросался прежде всего в глаза неуклюжий верзила — дом купчихи Коробейниковой, которому Чокан

---

¹* т IV, с. 341.

²* Там же, с. 632.

дал прозвище «Вестминстерское аббатство»¹. В труде «Биографические сведения о Чокане Валиханове» Г. Н. Потанин пишет: «Мы виделись с Чоканом часто. Или я ходил к нему на Мокрое, или он заезжал ко мне. «Вестминстерское аббатство Мокрого» я как будто сейчас вижу; осталось оно у меня в памяти потому, что всякий раз я должен был проходить мимо него, когда шел к Чокану».

Аббатство — католический монастырь (церковь), управляемый аббатом, настоятелем католического монастыря с его владениями. Вестминстерское аббатство — усыпальница великих людей в Англии, уголок поэтов Вестминстерского аббатства. Любопытный факт: сердце Байрона было похоронено в Греции, а прах перевезен в Англию и погребен в его родовом поместье — английские власти отказались поместить гроб поэта в уголке поэтов Вестминстерского аббатства. Эти строки потанинского воспоминания неоднозначны по своему смыслу. Во-первых, они говорят об ассоциативном мышлении Ч. Валиханова: самый большой дом Мокринского форштадта Омска он метко назвал Вестминстерским аббатством, во-вторых, эта метафора дает право предполагать, что в кругу друзей и знакомых Ч. Ч. Валиханова, которые знали о статусе Вестминстерского аббатства, велись беседы о выдающихся писателях и поэтах Англии и, наверное, о мятежном поэте — Байроне.

Изложенное выше — а оно не претендует на абсолютную завершенность исследования — свидетельствует о широчайшем интересе и мастерстве письма первого казахского ученого — Ч. Ч. Валиханова. Глубочайшие познания и свободная ориентация Ч. Ч. Валиханова в области западноевропейской литературы способствовали расширению диапазона его художественного и научного мышления, оттачивали его мастерство писателя и публициста, придавали его научной концептуальности ту меру предвидения, которая свойственна настоящему ученому.

Научное, творческое отношение Ч. Ч. Валиханова к западноевропейской литературе было своеобразным и перспективным мостом для связей казахской, русской и западноевропейской культур. Ч. Ч. Валиханов был первым и в становлении, формировании, развитии взаимосвязей казахской литературы с художественными ценностями других народов.

---

¹* т. IV, с. 652.

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ В ОЦЕНКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Часть трудов Ч. Ч. Валиханова увидела свет в Петербурге при его жизни, некоторые его сочинения изданы там же до революции. Труды Ч. Ч. Валиханова вызвали большой интерес у русских и западноевропейских ученых и читателей и получили восторженные отзывы. Отдельные высказывания и оценки ученых не раз приводились в работах и статьях исследователей жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова.

В дореволюционных газетах, журналах, сборниках и книгах было напечатано много материала о Ч. Ч. Валиханове. Однако разрозненные и опубликованные в разных изданиях отклики, отзывы, оценки и анализ трудов Ч. Ч. Валиханова до сих пор не систематизированы и не исследованы. Приятное исключение составляет статья академика АН КазССР А. Х. Маргулана «Ч. Ч. Валиханов по отзывам русских и западноевропейских ученых»¹. Необходимость проведения систематизации материалов, опубликованных в изданиях дореволюционной русской и зарубежной печати, очевидна.

Исследование такого материала по хронологии имело бы несколько аспектов и направлений. Оно отчасти ответило бы на такие вопросы: какие труды Ч. Ч. Валиханова увидели свет при его жизни и до революции; кто и что писал о казахском ученом и какие стороны и грани его жизни и деятельности наиболее полно раскрыты в статьях и отзывах; что нового приносят они в понимание и изучение творческого наследия Ч. Ч. Валиханова.

Без претензий на полноту изучения комплекса вопросов при подходе к такого рода материалам в этом очерке предпринята попытка по принципу хронологии систематизировать опубликованные при жизни и впоследствии, в дореволюционное время, труды Ч. Ч. Валиханова, статьи периодической печати о нем, дать анализ некоторых отзывов и откликов на его труды, раскрыть их значение в истории изучения творческого наследия Ч. Ч. Валиханова. В русской дореволюционной печати была заложена основа объективного научного изучения жизни и деятельности первого казахского ученого. Выработанная методология способствовала всестороннему и глубокому научному исследованию в советское время

---

¹ Вестник Академии наук Казахской ССР. 1966, № 10.

многогранной и творческой деятельности Ч. Ч. Валиханова, ставшей достоянием и культурной ценностью народов нашей страны.

Одно из первых сведений о Ч. Ч. Валиханове в печати — рекомендация П. П. Семенова и Е. И. Ламанского на избрание его в действительные члены Русского географического общества. Она была опубликована в «Вестнике Русского географического общества» в книгах I, II за 1857 год.

«Рекомендация Чокану Валиханову в действительные члены Русского географического общества»¹.

Имеем честь предложить в действительные члены императорского Русского географического общества:

1. Поручика корпуса горных инженеров Ивана Ивановича Ковригина, известного своим отчетом о путешествии в Киргизской степи, напечатанным в «Горном журнале» и совершившего интересную поездку вдоль рек Катунь и Чуя во внутренность Алтая.

2. Поручика Чокана Валиханова, состоящего в должности адъютанта при командире Сибирского отдельного корпуса и совершившего путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о Киргизской степи. Г-н Валиханов готов сообщить обществу собранные им сведения.

Действительные члены П. Семенов, Е. Ламанский»

Эта рекомендация и диплом приведены в IV томе Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова, изданном в Академии наук Казахской ССР. Рекомендую кандидатуру Ч. Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества, П. П. Семенов-Тянь-Шанский сообщил на заседании и об одной из работ Ч. Ч. Валиханова — «Киргизское родословное», — написанной им в 1856—1857 годах, когда он усиленно занимался изучением истории народов Средней Азии и Казахстана. В дипломе об избрании Ч. Ч. Валиханова в действительные члены Русского географического общества, на полях которого была пометка: № 572, Ницца, 20 марта; 1 апреля 1857 г. С-Петербург, было написано: «Императорское Русское географическое общество в собрании 21 февраля 1857 года избрало поручика Чокана Валиханова своим действительным членом».

«О Баян-Аульском округе» (Письмо из Омска, 10

¹ На полях пометки. журнал Совета, 16 января 1857 г.

марта 1857 г.) — одна из первых статей Ч. Ч. Валиханова, увидевших свет в газете «Русский инвалид» в 1857 г., в 195-м номере. «Русский инвалид» была военной газетой, издававшейся в 1813—1917 годах в Петербурге, с 1869 года она стала органом Военного министерства.

В примечании К. К. Гутковского даны такие сведения о Чокане как авторе данной статьи: «Сведения эти получены от поручика султана Валиханова, внука последнего хана в степи, сына полковника, советника от киргизов в Областном управлении сибирских киргизов. Поручик Валиханов получил образование в Сибирском кадетском корпусе, это молодой человек с редкою любознательностью, со страстью к наукам, которыми занимается неутомимо; веселый, остроумный, достойный представитель своего знаменитого рода»¹. Это — первое сведение о Ч. Ч. Валиханове, опубликованное в печати. Оно хоть и лаконично, но достаточно убедительно, чего нельзя не заметить, доброжелательно.

Как лучший знаток киргизского быта поручик султан Чокан Валиханов упомянут в письме П. П. Семенова к В. П. Безобразову, отправленном из Семипалатинска 20 октября 1857 года. Письмо было опубликовано в журнале «Вестник Русского географического общества» в 1858 году. Вот фрагмент его: «Время и место не позволяет мне входить в подробности даже в вопросах о самых интересных результатах моих исследований, тем более что многие еще не разработаны мною. Коллекции мои состоят из более 300 образцов горных пород, значительного числа окаменелостей и до 100 различных видов растений, между которыми в особенности полны горная и альпийская флора Тянь-Шаня и обоих Алатау. Частые пребывания между киргизами дикокаменными и Большой орды дали мне случай ознакомиться с нравами, обычаями и жизнью этих народов, а в особенности полезны были для меня сведения, сообщенные лучшими здесь знатоками киргизского быта поручиком султаном Чоканом Валихановым и переводчиком Бардашевым»².

В 1860-м году в энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами, была опубликована статья Ч. Ч. Валиханова «Аблай».

О предстоящем докладе Ч. Ч. Валиханова в Русском географическом обществе в военной газете «Русский ин-

---

¹* т. IV, с. 23.

²* Там же, с. 112.

валид» за 1860 г. в 95-м номере было дано «Извещение Русского географического общества о докладах Ч. Ч. Валиханова и К. М. Бэр 4 мая 1860 г.»: «...Члены императорского Русского географического общества приглашаются в обыкновенное собрание общества, имеющее быть сегодня, в среду 4 мая, в 7 1/2 часа пополудни, в квартире Общества, близ Певческого моста, в доме Утина, бывшем Пушиных.

В этом собрании действ. чл. Валиханов сообщит свои заметки о путешествии в Малую Бухарию.

Кроме того, почетный член Общества К. М. Бэр, председательствующий в отделении этнографии, сообщит некоторые сведения по поводу вопроса о древнейших обитателях Европы»¹.

Почти сразу же после выступления Ч. Ч. Валиханова с докладом на заседании отделения этнографии Русского географического общества на страницах «Русского вестника», в 1860 году, два раза появлялось имя Ч. Ч. Валиханова: в статье П. И. Небольсина «Путешествующие киргизы» (XXIX том) и в статье Л. Н. Плотникова «По поводу статьи «Путешествующие киргизы» (XXX том).

В статье П. И. Небольсина имеются такие строки: «...в Петербурге у нас киргизы редкость; едва ли пять человек их здесь наберется. Они ходят в общеевропейской форменной военной одежде и за исключением лишь одного человека ничем особенным не заявляют о своем существовании. Этот один еще очень молодой кавалерийский офицер, кажется, штабс-капитан по чину, кавалер Св. Владимира по жалованию, султан по происхождению, Чокан по имени, Чингисович по отчеству, Валиханов по фамилии (от деда, хана Валия, по происхождению султана). Г. Валиханов из сибирских киргизов, он совершил путешествие в Кашгар и нынешней зимой прочел на одном из заседаний Географического общества извлечение, полное эрудиции самостоятельной, взглядов истинно гуманных»².

Это сообщение, хотя и краткое, ценно тем, что после доклада Ч. Ч. Валиханова 4 мая 1860 года впервые в печати, тем более в московской, опубликовано сообщение о его знаменитом путешествии в Кашгар.

Свои впечатления о встрече с Ч. Ч. Валихановым и о казахах, побывавших в Петербурге и Москве, подробно

---

¹* т. IV, с. 455.

²* Там же, с. 535.

излагал в своей статье «По поводу статьи «Путешествующие киргизы» и другой его современник — Л. Н. Плотников. Статья датирована, обозначено место ее написания — ноябрь 1860 г., Оренбург.

В статье Небольсина была написано, что «... они (казахи.— Ш. С.) за исключением лишь одного человека, ничем особенным не заявляют о своем существовании». Л. Н. Плотников в своей статье полемизирует с ним, дает самые уважительные характеристики членам депутации, в особенности Сердали Бекчурину, Мухамедгали Тяукину и Ходже Бабаджанову. О Сердали Бекчурине, способном художнике, он сообщает следующее: «...пишет по-киргизски и очень любопытен, рисовал по-своему все, что ни видел: проедет по железной дороге — дорогу срисует и локомотив изобразит и за ним ряд вагонов; побывал в Эрмитаже — принялся, кажется, копировать на память «Последний день Помпеи»... В Москве на обратном пути ему подарили русскую азбуку, и я уверен, что Сердали выучится по ней читать, хотя не знает золотовской metody...»

Л. Н. Плотников, лучше чем П. И. Небольсин, знал людей казахской степи. Мухамедгали Тяукин, например, султан-правитель зауральских казахов, был корреспондентом Вольно-экономического общества, автор статьи «Записка о хозяйстве ордынцев», опубликованной в «Экономических записках» в 1860 году. Бабаджанов Мухаммед-Салык Караулович закончил в Оренбурге кадетский корпус, публиковался в петербургских газетах, написал ряд статей о культуре, хозяйстве и быте казахов в «Записках Русского географического общества», что было отмечено в «Отчете РГО, 1861 года». Зная все это, Л. Н. Плотников не мог согласиться с выводами П. И. Небольсина, посему его тон столь категоричен: «Султана Тяукина и Ходжу Бабаджанова многие не узнают здесь в очерке г. Небольсина. Они, как люди, вообще достойные полного внимания, нисколько не нуждаются в утрировке и потому заслуживали бы более совестливого эскиза без лишних прикрас. Ни тот, ни другой, конечно, не останутся в проигрыше, ежели не станем проводить параллели между ними и штабс-капитаном султаном Валихановым, с которым я лично познакомился в Петербурге и провел несколько самых приятных вечеров, — под мерку его способностей и знаний не только не придется они, но, пожалуй, и мы с г. Небольсиным. Чокан Чингисович — покуда единственный феномен между киргиза-

ми, и в наших оренбургских степях, может быть, долго еще ждать такого явления»¹.

Ценность статьи Л. Н. Плотникова, опубликованной в «Русском вестнике» 1860 года, не только в том, что в ней с восхищением говорится о Ч. Ч. Валиханове, его способностях и знаниях, но и потому, что она опубликована в авторитетнейшем московском журнале еще при жизни первого казахского ученого. Надо полагать, что, читая статью с лестными отзывами о себе и своих соотечественниках, Ч. Ч. Валиханов, как всякий человек, кому не чуждо все человеческое, был благодарен автору за понимание, и, безусловно, это обстоятельство одарило его приятными, радостными минутами, оставшимися навсегда в памяти.

В письме к родителям от 9 августа 1860 года, написанном из Петербурга, Ч. Ч. Валиханов сообщает: «Сейчас готовлю к печати несколько своих трудов. Много пишут обо мне в газетах. Наверное, уже читали сами или слышали»². К сожалению, кроме этих двух статей в журнале за 1860 год, другие публикации, а они, можно предполагать, были, пока неизвестны.

Выступление Ч. Ч. Валиханова 4 мая 1860 года на заседании Отделения этнографии Русского географического общества публиковалось в 3-й книге журнала «Записки Русского географического общества» 16 марта 1861 года. В журнале так сообщалось о выступлении Ч. Ч. Валиханова: «Действительный член Ч. Ч. Валиханов обратил внимание отделения на необходимость изучения народной словесности кочевых татарских народов, обитающих в России, по тесной связи с русскими и вообще индоевропейскими памятниками этого рода, по его замечанию, обнаруживается решительное влияние русской народности. В преданиях киргизов, прибавил Ч. Валиханов, сохранились имена Ивана Калиты (Калталы Иман-Иван Калита), Михаила Тверского (Карт Михаил — Старый Михаил) и тому подобные намеки и указания.

Определено: благодарить г. Валиханова за его предложение сообщить об этом предмете особую записку для сборника»³.

После этого сообщения на собрании Русского геогра-

---

¹* т. IV, с. 536.

²* Там же, с. 50.

³* Там же, с. 460.

фического общества участились публикации Ч. Ч. Валиханова в петербургских изданиях. Одна из важнейших работ Ч. Ч. Валиханова, написанная в 1860 году в Петербурге,— «Очерки Джунгарии»— была опубликована в «Записках Русского географического общества» в начале 1861 года в книгах 1-й и 2-й. Здесь же были помещены два рисунка автора — портреты манапов Борамбая и Сартая, а также подготовленная им «Карта Семиреченского и Заилийского края Семипалатинской области и части Илийской провинции Китая». Фрагменты этой работы Ч. Ч. Валиханова, касающиеся киргизского племени (кыдык), помещались в газете «Северная пчела», в номере 192 за 1861 год. Эта политическая, и с 1838 года литературная газета издавалась в 1825—1864 годах в Петербурге. Публикация в ней отрывков из «Очерков Джунгарии» свидетельствует об интересе «Северной пчелы» к трудам Ч. Ч. Валиханова.

В «Северной пчеле» напечатан отклик на исследование Ч. Ч. Валиханова о киргизах: «Выступивший в недавние годы на поприще ученой литературы и уже успевший приобрести себе общее сочувствие и уважение, молодой потомок Чингиса, внук киргизского хана Валия, султан Валиханов, описывая в недавно вышедшей книжке «Записок географического общества» Джунгарию, вот как, между прочим, рассказывает о пребывании своем у дикокаменных киргизов, или, как их еще зовут, у бурутов, на пути в Кашгар, куда проникал он в 1859 году с кокандским караваном». Далее в отклике приводятся выдержки из исследования Ч. Ч. Валиханова относительно киргизских племен кыдык.

Отклик заканчивается такими словами: «Сводя затем все показания ученых, каковы Клапрот, Фишер, Абремюза, Риттер, Иакинф Абулгази, Рашид-Эддин, и приравнивая к ним разные памятники старины, ныне ученый султан приходит к этому результату, что происхождение и история дикокаменных киргиз до сих пор для занимающихся разработкою китайских и восточных источников остается вопросом нерешенным, спорным. Для разъяснения этой путаницы г. Валиханов обратился к народным преданиям и получил следующие данные:

1) Народ, означаемый племенем дикокаменных черных киргизов, называет себя просто киргиз или, как сами они произносят, кыргыз. Название бурут, данное им калмыками и китайцами, совершенно им неизвестно.

2) Киргизы считают своей первой родиной Анджанские горы...»¹

К этим словам в комментарии пятитомного собрания сочинений дано такое объяснение: «Под Анджанскими горами имеется в виду весь центральный массив Тянь-Шаня...»²

В этом же, 1861 году, в «Записках Русского географического общества» (книга I) был опубликован большой труд Ч. Ч. Валиханова «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нань-Лу». Другой труд Ч. Ч. Валиханова — «Сведения об обстоятельствах, способствовавших смерти Адольфа Шлагинтвейта» — также печатался в журнале.

В этой публикации Ч. Ч. Валиханова подробно была описана социально-политическая обстановка в Кашгаре в период правления свирепого Валихан-торе и обстоятельства казни путешественника Адольфа Шлагинтвейта, как писал Ч. Ч. Валиханов, одного из трех знаменитых исследователей Индии. Важно то, что краткие выдержки из этого сообщения Ч. Ч. Валиханова о гибели Адольфа Шлагинтвейта были опубликованы, как указано в комментариях II тома Собраний сочинений Ч. Ч. Валиханова, «в первом выпуске большого труда братьев Шлагинтвейтов, где говорилось, что один русский путешественник, сын киргизского султана, Ваников (Vanikof), побывавший в Кашгаре, привез подтверждение о смерти Адольфа Шлагинтвейта». В этом сообщении перепутана фамилия Ч. Валиханова, вероятно, потому, что, без русского окончания, она тождественна имени ходжи Валихан-торе, казненного Шлагинтвейта. Это сходство фамилии, очевидно, и привело в замешательство братьев Шлагинтвейтов³

К сожалению, до сих пор не установлены названия немецких газет и дата, где были опубликованы выдержки из доклада Ч. Ч. Валиханова. А ведь это первая публикация его трудов в Европе. В то время, и более позднее, на доклад и это сообщение ссылались иностранные исследователи и ученые. Мы же ими не располагаем. Думается, поиск этого важного материала творческого наследия Ч. Ч. Валиханова нельзя откладывать в долгий ящик.

Небольшая заметка Ч. Ч. Валиханова «Об ороситель-

¹* т. IV, с. 461.

²* Там же, с. 727.

³* т. II, с. 731.

ных каналах в Семиреченском крае» опубликована при его жизни в 1861 году в журнале «Записки Русского географического общества», в книге 1. К этой статье редакция «Записок» дала такое примечание: «Сведения эти сообщены действительным членом Географического общества г. Валихановым, бывшим в тех местах. Весьма было бы любопытно иметь об этом предмете несравненно большие подробности».

Большой интерес представляет статья из газеты «Колокол» (1862 год, № 131), издаваемой в Лондоне А. И. Герценом. В комментарии к статье «Отрывок из письма к издателю», перепечатанном по лондонской публикации в IV томе пятитомного Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова, читаем: «О связях демократической интеллигенции России с «Колоколом» А. И. Герцена давно известно. ...Несмотря на запрет и жестокое преследование со стороны царского правительства, революционные демократы и прогрессивные деятели России того времени тайком посылали в редакцию «Колокола» политические статьи, разоблачающие жестокость и произвол чиновников и всю эксплуататорскую сущность царизма «Отрывки из писем к издателю» написаны, очевидно, по материалам Чокана. Об этом можно найти указание в позднейших воспоминаниях Г. Н. Потанина, в которых ясно прослеживаются связи Чокана Валиханова и Г. Н. Потанина с «Колоколом» А. И. Герцена...»¹ Этот комментарий и содержание статьи «Отрывок из письма к издателю» послужили основой для подробного рассказа в книге И. Стрелковой «Валиханов» о связи Ч. Ч. Валиханова с «Колоколом» А. И. Герцена.

В газете «Томские губернские ведомости», в номере 47 за 1862 год, был опубликован приказ генерал-губернатора Западной Сибири: «По Области сибирских киргизов утверждаются в должности: по избранию киргизов Атбасарского округа хорунжий Ерден Сандыбаев — старшим султаном того же округа вместо штабс-ротмистра Чокана Валиханова, избранного на эту должность большинством голосов, но отказавшегося от принятия оной за болезнь, и султан Кочен Джадаев — кандидатом старшего султана; оба на трехлетие в 1862 г.»².

В письме к К. К. Гутковскому от 1 января 1863 года Ч. Ч. Валиханов писал: «...Романовский сделался редак-

¹* т. IV, с. 663.

²* Там же, с. 444.

тором «Русского инвалида» и в первых номерах этой газеты напечатает мое приключение. Курочкину тоже сообщено мной» В письме к К. К. Гутковскому от 11 мая 1863 года из Срымбета Ч. Ч. Валиханов сообщал: «...Я действительно писал статью о несправедливостях, сделанных мне при выборе меня в султаны, в «Русский инвалид» и писал по приглашению самого редактора, друга моего Романовского, следовательно, статья моя была более жалоба и ни в каком случае не донос, разве с египетской точки зрения жалобы на несправедливость называются доносами...»¹

Судьба этих статей неизвестна. В 1862—1865 годах редактором «Русского инвалида» был друг Ч. Ч. Валиханова Дмитрий Ильич Романовский (1828—1881), генерал-лейтенант, начальник Азиатской части департамента Генерального штаба, член Русского географического общества, член степной комиссии, военный губернатор Туркестанской области. Д. И. Романовский был известен и как военный писатель.

Примечательным явлением было то, что прижизненно имя Чокана Чингисовича Валиханова фигурировало в статье К. Губарева «Киргизская степь (Посвящается Чокану Валиханову)», напечатанной в шестом номере «Современника» за 1864 год.

Ч. Ч. Валиханов был постоянным подписчиком и читателем журнала «Современник», и жаль, что не сохранились те номера, которые он читал, возможно, делал на их полях пометки. Вероятно, Ч. Ч. Валиханов читал и статью К. Губарева «Киргизская степь» с посвящением ему.

Статья К. Губарева была написана против тенденциозных взглядов областных и окружных чиновников, пытавшихся доказать неспособность и отсутствие интереса к учебе у казахского населения. Царская администрация, боявшаяся просвещения народных масс, особенно национальных окраин, всячески стремилась держать их в темноте, и эту политику осуществляли на практике царские чиновники. «Современник», печатая статью К. Губарева, (возможно, она была написана по заказу самой редакции журнала) опровергал всевозможные рапорты и заключения об отсутствии интереса казахов к учебе, которые усердно писали царские чиновники.

К. Губарев писал: «Киргиз-кайсаки очень охотно учат-

---

¹* т. IV, с. 72.

ся грамоте и вовсе не имеют предубеждения против нее, в чем уверяли рапорты заседателей и заключения с областных мест. Вообще кайсаки очень восприимчивы к цивилизации, потому что они не такие фанатики, как прочие мусульмане: муллы и ахуны не имеют в их глазах той святости и непогрешимости, какая приписывается этим лицам татарами и кавказскими горцами, .. молодежь же охотнее учится по-русски; я знал двух киргизов, занимавшихся в Каркаралинском приказе из одного желания усовершенствоваться в русской грамоте. В последнее время султаны и старшины сами без стороннего понуждения начали помещать своих сыновей в Омский кадетский корпус, из которого вышел Чокан Валиханов — такая способная, развитая и дельная личность, какой не появлялось ни между одними инородцами сибирскими»¹.

Эти, можно сказать, исторические страницы «Современника» и сегодня воспринимаются с благодарностью, читаются с волнением: голос высокой правды о казахах как людях восприимчивых к цивилизации в статье К. Губарева прорвался сквозь грязный лай царских чиновников.

К числу откликов и отзывов, появившихся в русской печати при жизни Ч. Ч. Валиханова, можно отнести и отрывок из статьи «Этнологические особенности сибирского населения» Н. М. Ядринцева, опубликованной на страницах «Томские губернские ведомости» (№ 18, 1865 год). Н. М. Ядринцев, познакомившись с Ч. Ч. Валихановым в Петербурге, отнесся к нему с большим интересом и вниманием. Впоследствии он написал теплые воспоминания о нем, о петербургском периоде его жизни. В этой статье Н. М. Ядринцев писал: «Мы не думаем, чтобы инородцы, и в чистом, несмешанном своем типе не были способны к восприятию европейских идей; за это ручаются те даровитые личности, которые выходили из них, как, например, ориенталист бурят Дорджи Банзаров или путешественник в Кашгар, киргиз Чокан Валиханов».

Читал ли Ч. Ч. Валиханов «Томские губернские ведомости» и сообщения Н. М. Ядринцева — неизвестно.

«Русский инвалид» (№ 51 за 1865 год) опубликовал работу Ч. Ч. Валиханова «Восстание дунган в западном крае Китайской империи». В конце статьи были указаны дата и место написания — «7 декабря 1864 г., укр. Ко-

---

¹* т. IV, с. 595.

пал». Это, надо полагать, последняя статья Ч. Ч. Валиханова, увидевшая свет при его жизни. Ч. Ч. Валиханов скончался 10 апреля 1865 года в урочище Кочен-Тоган, в тысячах километрах от Петербурга, и об этой последней публикации он мог не знать

Статья чрезвычайно важна для изучения последнего периода жизни Ч. Ч. Валиханова. В комментарии IV тома Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова читаем: «Судя по данным, Чокан больше времени проводил не в ауле Тезека, а в Копале, тогдашнем центре юго-восточного Казахстана. Отсюда он писал Г. А. Колпаковскому о дунганском восстании, отсюда он посылал свои последние статьи в русские газеты. Данная работа — одна из последних заметок Валиханова. Она интересна еще и тем, что в ней он ставит важный теоретический вопрос о происхождении дунган от древних уйгуров. В работе, как и в письмах Чокана к Г. А. Колпаковскому, хорошо изложен ход дунганского восстания, о котором он был достаточно осведомлен»¹.

На смерть Ч. Ч. Валиханова печатались две статьи в «Отчетах Русского географического общества за 1865 год», вышедших в Петербурге в 1866 году: одна — «Памяти Чокана Валиханова» Ф. Р. Остен-Сакена, другая — «Чокан Чингисович Валиханов» Н. М. Ядринцева. В 1867 году был опубликован некролог в немецком географическом журнале доктора Петермана.

Ф. Р. Остен-Сакен писал: «В минувшем году смерть похитила еще в цвете лет нашего сочлена Чокана Чингисовича Валиханова, прославившего себя своей поездкой в Кашгар. Валиханов родом из султанов Средней киргизской орды и правнук знаменитого в истории этой орды Аблай-хана должен по всей справедливости быть назван весьма замечательной личностью. ...Поездка эта представляет собою замечательный географический подвиг; со времен Марко Поло Кашгар не был посещен ни одним европейцем, за исключением несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе, о чем Валиханов привез первые положительные сведения». Высоко оценивая напечатанные в «Записках Русского географического общества» труды Ч. Ч. Валиханова «Очерки Джунгарии», «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нань-Лу», Остен-Сакен так заключает свою статью: «Валиханов сохранил глубокую преданность своей

---

¹* т. IV, с. 666.

стране, он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России»¹.

Ф. Р. Остен-Сакен позднее, в 1868 году, в «Известиях Русского географического общества» напечатал материал «Поездка Ч. Ч. Валиханова в Кашгар», где писал: «...Печатаемый ниже в «Известиях» отрывок заключает в себе продолжение описания поездки в Кашгар... так как Валиханову принадлежит честь быть первым образованным, посетившим эти страны, то долг справедливости требует, чтобы рассказ его о совершенной им поездке появился в печати раньше описаний позднейших исследователей»². Так барон Ф. Р. Остен-Сакен позаботился о публикации труда Ч. Ч. Валиханова в «Известиях Русского географического общества».

В «Отчете Русского географического общества за 1865 год», вышедшем в 1866 году, была помещена также статья Н. М. Ядринцева, «Чокан Чингисович Валиханов». Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин узнали о кончине Ч. Ч. Валиханова в Омске от И. И. Ибрагимова. Н. М. Ядринцев написал эту статью спустя полгода после смерти Ч. Ч. Валиханова, в конце 1865 года, и отправил в Петербург в Русское географическое общество, где ее успели поместить в «Отчете РГО за 1865 г.»

Подробно характеризуя научную и общественную деятельность Ч. Ч. Валиханова, Н. М. Ядринцев оценил ее так: «...самая личность Валиханова, как даровитого и цивилизованного азиата, представляет светлое явление»; «...в нем светились искры ума и глубокой любви к своим степным собратьям»; «в особенности он много обещал сделать по истории своего народа, который он любил...»; «мы ничем не находим более приличным почтить память Чокана Валиханова, как пожелать казахам не так долго ждать второго Валиханова...»³.

Биографические сведения о Ч. Ч. Валиханове Н. М. Ядринцев поместил и в журнале «Сибирский вестник», издававшемся Б. А. Милютиным в Иркутске (№ 3 за 1866 год).

В комментариях к статье одного из близких друзей Ч. Ч. Валиханова по Омску С. Я. Капустина «О Чокане Валиханове», напечатанной в IV томе Собрания сочине-

¹* т. IV, с. 508.

²* Там же, с. 604.

³* Там же, с. 512.

нии Ч. Ч. Валиханова в пяти томах, есть строки: «С. К. принадлежит еще статья «О Чокане и его дневнике», опубликованная в «Северной почте», 1865, № 199.

Примечательно и трогательно то, что после смерти Ч. Ч. Валиханова русские ученые позаботились о его трудах. Было принято специальное постановление совета Русского географического общества об издании трудов Ч. Ч. Валиханова. Оно опубликовано в III томе «Известий Русского географического общества» за 1867 год. Председательствовавший в отделении физической географии П. П. Семенов сделал предложение об издании трудов Ч. Ч. Валиханова и изъявил готовность принять на себя редакцию издания их в «Записках Русского географического общества». Совет принял предложение с искренней признательностью. П. П. Семенов-Тянь-Шанский впоследствии написал теплое воспоминание о встрече с Ч. Ч. Валихановым в Омске. Он подробно характеризовал значение путешествия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар и его отклик с высокой оценкой, а также биография ученого были опубликованы в первом томе книги «История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845—1895», вышедшей в Петербурге в 1896 году.

Наш обзор русской дореволюционной печати, связанной с именем Ч. Ч. Валиханова, может быть пополнен еще тремя статьями, опубликованными в газете «Русский инвалид», журнале «Русский архив» и в «Уральских войсковых ведомостях».

В газете «Русский инвалид», где еще при жизни Ч. Ч. Валиханова печатались его научные труды, а также статьи о нем, почти сразу же после его ухода из жизни, в 1866 году, в двух номерах (38, 42) увидели свет комментарии английской прессы на труды Ч. Ч. Валиханова и других русских авторов. О них мы скажем ниже. В ежемесячном журнале «Русский архив», издававшемся в 1863—1917 годах в Москве, печаталось в 1867 году сведение Г. Н. Геннади «Ч. Ч. Валиханов».

В журнале «Русский архив», основанном и редактируемом известным русским историком П. И. Бартеневым (1829—1912 гг.), публиковались документы, сведения по отечественной истории, общественно-политической, культурной жизни России XVIII—XIX веков. В таком солидном историческом журнале, как «Русский архив», появление статьи о Ч. Ч. Валиханове известного библиографа, автора указателя «Литература русской библиографии»

(1958 г.) и «Справочного словаря о русских писателях и ученых» Г. Н. Геннади (1826—1880)— примечательное явление, свидетельствующее о том, что имя казахского ученого сразу же после ухода из жизни начало входить в отечественную историю и стало ее фактом. В статье Г. Н. Геннади содержались основные сведения о жизни и научной деятельности Ч. Ч. Валиханова: «Валиханов Чокан Чингисович, родом из султанов Средней киргизской орды, воспитанник Сибирского кадетского корпуса, поступивший в 1853 г. в Сибирское линейное казачье войско, через год был назначен адъютантом к генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту и в 1858 г. был послан в Кашгар, откуда, совершив опасную поездку, возвратился в Россию 12 апреля 1859 г. Плодом собранных им сведений были напечатанные в «Записках Русского географического общества» за 1861 г. статьи: «Очерки Джунгарии» и «О состоянии шести восточных городов китайской провинции Нань-Лу». Скончался в 1865 г. на 31 году от рождения»¹.

Так же важно, что в таких солидных дореволюционных изданиях, как «Гранат. Энциклопедический словарь», была помещена статья Д. А. Клеменца «Ч. Ч. Валиханов».

Д. А. Клеменц (1848—1914) — известный русский археолог и этнограф, революционер, член организации «Земля и воля» и один из редакторов (вместе с С. М. Кравчинским, Г. В. Плехановым, Л. А. Тихомировым) нелегальной газеты под этим же названием. В 1881 году он был сослан в Сибирь, где вел научную работу. Д. А. Клеменц вошел в историю науки и культуры нашей страны, и отрадно, что ему были известны жизнь и труды Ч. Ч. Валиханова.

Среди авторов дореволюционных посмертных публикаций о жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова особое место занимает востоковед И. Н. Березин. С некоторыми его работами по истории, филологии стран Ближнего и Среднего Востока Ч. Ч. Валиханов был знаком еще в годы учебы в Сибирском кадетском корпусе. Еще тогда И. Н. Березин, по рекомендации Н. Ф. Костылецкого, обращался к нему с просьбой разъяснить, перевести отдельные слова из ярлыков Тохтамыша. Именно в то время Ч. Ч. Валихановым было написано его «Письмо профессору И. Н. Березину» и «Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки».

---

¹* т. IV, с. 603.

Спустя много лет И. Н. Березин высоко оценил научную деятельность Ч. Ч. Валиханова. В «Русском энциклопедическом словаре» издания проф. И. Н. Березина (т. IV, 1874 г.) имеются сведения о Ч. Ч. Валиханове. «Валиханов Чокан Чингисович, ориенталист родом из киргизских султанов (ум. 1866)¹ находился на военной службе, путешествовал по Средней Азии (в Кашгар) в очень опасное время, вывез оттуда много интересных сведений, которые обнародовал в «Записках географического общества» («Очерки Джунгарии», 1861 г.). Умер в молодых годах от чахотки». Позднее, в 1889 году, И. Н. Березин писал: «...продолжить изыскания, начатые Ч. Ч. Валихановым...»²

К оценке научной деятельности Ч. Ч. Валиханова несколько раз обращался Н. М. Ядринцев в своих статьях и воспоминаниях, опубликованных в разное время в печати. О месте Ч. Ч. Валиханова в процессе культурных взаимосвязей народов Н. М. Ядринцев писал в статье, опубликованной в журнале «Дело» (5-й номер, 1868 г.). «Дело» — ежемесячный научно-литературный журнал, издававшийся в 1866—1888 годах в Петербурге, направление его, в основном, было демократическим. На страницах этого журнала Н. М. Ядринцев так писал: «...Самым образованным из киргизов был, конечно, известный путешественник покойный Чокан Валиханов. Его путешествия иногда замечательны живым юмором; по рассказам, он был одною из остроумнейших личностей в частной жизни. Усвоив себе европейское образование и воззрения, он любил злой гейневской насмешкой клеймить всякую пошлость. Вместе с тем это была глубоко художественная натура... А каким бы оригинальным блеском мог засветить гений этого народа в русской литературе. В лице Чокана Валиханова у киргизов и ученого Дорджи Банзарова у бурят сибирские инородцы доказали, чем они могут быть в истории умственной культуры»³.

В 1881 году Н. М. Ядринцев опубликовал две статьи в газетах: «Неделе» — литературно-политическом еженедельнике, издаваемом в Петербурге в 1866—1901 годах, и в «Порядке». В одной из статей, названной «Инородческое просвещение на русском Востоке», Н. М. Яд-

---

¹ Ошибка. Ч. Ч. Валиханов умер в 1865 г., следует учесть при дальнейшем чтении.

²* т. IV, с. 478.

³* Там же, с. 607.

ринцев отмечал: «Замечательно талантливый и образованный киргиз Чокан Валиханов, любимец своего народа, занимавшийся географией Средней Азии...» В книге Н. М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное состояние», изданной в Петербурге в 1891 году, подчеркивалось, что «инородцы, как Дорджи Банзаров, Валиханов, ныне Катанов (Катанов Н. Ф — хакасский ученый-тюрколог, впоследствии профессор Казанского университета,— Ш. С.), оказали уже услугу русской науке. Не забыв свой язык, они явились наиболее способными учеными-ориенталистами и внесли неоценимые вклады в этнографию, изучая родственные племена и географию близких им окраин»¹.

В 80—90-х годах XIX века имя Ч. Ч. Валиханова встречается на страницах журнала «Исторический вестник» за 1888 год, в IV части, «Исторический вестник» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1880—1917 годах, на его страницах печатались документы, материалы по отечественной истории, историческая беллетристика. В редакцию этого журнала кто-то прислал или собственноручно принес, это не выяснено, краткое сообщение о надгробном памятнике Ч. Ч. Валиханову и фотокопию надписей на нем, выполненных арабским шрифтом на мраморных плитах. Автор статьи неизвестен.

Хотя о памятнике имеется обширный материал — о нем писали А. К. Гейнс, И. И. Ибрагимов, Н. Сорокин, Н. Н. Пантусов и другие,— сообщение, напечатанное в «Историческом вестнике», мы считаем, нужно привести полностью: «Памятник Валиханову. Известному путешественнику в Кашгар киргизскому тюре Чокану Валиханову поставлен на могиле его близ ст. Куян-Кузской (между Копалом и Верным) памятник в виде мраморной плиты. Надписи сделаны по-русски и по-киргизски: 1) «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году» и 2) «По желанию туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта Кауфмана 1-го, во внимание ученых заслуг Валиханова, положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1880 году». Памятник этот доставлен на место погребения Валиханова. Покойный был выдающейся личностью по талантам и образованию среди киргизов»².

¹* т. IV, с 611.

²* Там же, с 530, 531.

В конце XIX века о Ч. Ч. Валиханове с уважением и почтением писали известные ученые. Виднейший геолог, исследователь Средней Азии, Урала, Кавказа И. В. Мушкетов (1850—1902) в 1881 году совместно с Г. Д. Романовским составил первую геологическую карту Туркестана и выпустил труды «Туркестан» в двух томах. (1886—1906 гг.), «Физическая геология» в двух частях. (1888—1891 гг.). В первом томе «Туркестана» И. В. Мушкетов посвятил несколько строк характеристике трудов Ч. Ч. Валиханова, его геологической коллекции. Он писал: «В 1858 и 1859 гг. Валиханов под видом купца с торговым караваном впервые прошел поперек всей системы Тянь-Шаня... Г. Валиханов не успел издать всех результатов своего путешествия; он напечатал только несколько статей; которые, впрочем, имеют важный научный интерес и обличают широкое образование и редкую наблюдательность в авторе; киргиз по происхождению, он прекрасно знал туземные языки и, разумеется, лучше, чем кто-либо, мог собрать от туземцев самые разнообразные и полные сведения, поэтому несомненно, что результаты его были весьма плодотворны, если бы он не умер вскоре после возвращения из Кашгара. Ему принадлежит несколько статей, из которых последняя напечатана была почти через 10 лет после его смерти П. П. Семеновым. Первые из них имеют больше интерес исторический, нежели географический, а потому при всем их значении мы не будем останавливаться на них».

Далее И. В. Мушкетов подчеркивает значение редкой геологической коллекции Ч. Ч. Валиханова и выражает сожаление по поводу того, что она затерялась: «Он собрал коллекцию горных пород, встречающихся на пути: также куски нефрита, добываемого в горах Мирджай около Яркенда и в реке Каракаш, болорские яшмы, мрамор, хрусталь, песочное золото из реки Керей. К сожалению, эта редкая коллекция где-то затерялась, не обработана, по крайней мере, все мои поиски ее оказались тщетными». Ч. Ч. Валиханов писал о собранной во время путешествия на Иссык-Куль коллекции: «...Собрание это во время моего отсутствия было отправлено в Дрезден одним из моих знакомых, но известия о нем я еще не получил»¹. Коллекция горных пород, привезенная Валихановым из Кашгара, также могла быть отправлена для научного определения.

---

¹* т. I, с. 396.

И. В. Мушкетов обращал внимание и на описание Ч. Ч. Валихановым месторождений полезных ископаемых: «При описании Алтышара г. Валиханов, между прочим, кратко сообщает о нахождении различных минеральных продуктов, которые хотя еще очень мало исследованы, тем не менее известно, что золото вымывается в селенье Керия в таком количестве, что жители подать свою оплачивают (Китаю) этим металлом и имеют возможность продавать его в частные руки. Ежегодно ко двору отправляется из Хотана до 80 ланов золота. Но особенно много золота вместе с лазуритом, бирюзой и рубинами привозится с Памира, Каратегина и Болора»¹.

Г. Е. Грум-Гржимайло (1860—1936) — географ и зоолог, исследователь Памира, Тянь-Шаня, Западной Монголии, Западного Китая, Дальнего Востока, написавший немало трудов по физической, политической, исторической географии и этнографии Центральной Азии, энтомологии, в начале своего научного пути проявил большой интерес к жизни, деятельности и трудам Ч. Ч. Валиханова и опубликовал о нем статью в авторитетнейшем издании — «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона».

В Петербурге издание «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» началось с 1890 года и уже в следующем году, в V томе, печаталась статья Г. Е. Грум-Гржимайло о Ч. Ч. Валиханове: «Валиханов (султан Чокан Чингисович) — чингизид, правнук знаменитого Аблай-хана и внук султана Вали-хана, киргиз Средней Орды, род. в 1835 г. в Кокчетавском округе, получил образование в Сибирском кадетском корпусе. Переодевшись купцом, в 1858 г. он вступает в область Кара-киргизских кочевий и пересекает Тянь-Шань по маршруту: Верное, Иссык-Куль... перевал Туругарт и Кашгар. По возвращении своем в 1859 г. он отправился в Петербург для научной разработки собранного им обширного этнографического и исторического материала; очень много здесь трудился, слушал лекции в университете; но в 1866 году умер, не успев издать всех результатов своего по тому времени очень интересного и смелого путешествия. Немногое напечатанное им: «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нань-Лу в 1858—1859 гг. («Записки Императорского Русского ге-

---

¹ *Мушкетов И. В.* Туркестан. СПб, 1886, т. I, с. 171—172.

огр. общ.», 1861, кн. 3), «Очерки Джунгарии» («Записки ИРГО», 1861, кн. 1, 2) и, наконец, посмертная статья его, редактированная П. П. Семеновым («Изв. ИРГО», 1868), имеют важное научное значение и свидетельствуют о разностороннем образовании и наблюдательности автора»¹.

Следующая по времени статья о Ч. Ч. Валиханове принадлежит известному русскому литературоведу, двоюродному брату Н. Г. Чернышевского, впоследствии академику Петербургской Академии наук (1898), автору трудов о русской литературе XVIII—XIX веков, о жизни и творчестве В. Г. Белинского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, статей по истории общественной мысли, этнографу А. Н. Пыпину (1833—1904). Он был на два года старше Ч. Ч. Валиханова, учился в Саратовской гимназии, на историко-филологическом факультете Казанского и Петербургского университетов. Печататься стал с 1852 года, с 1860 года был профессором Петербургского университета. В 1861 году вместе с группой профессоров он покинул университет в знак протеста против реакционного нажима на студенчество и занялся литературной деятельностью — печатался в журналах «Отечественные записки» и «Современник». До запрещения «Современника» А. Н. Пыпин работал в нем. Позже и до конца жизни А. Н. Пыпин сотрудничал в журнале «Вестник Европы». А. Н. Пыпин мог знать Ч. Ч. Валиханова в петербургский период его жизни, или же позднее — по статье К. Губарева «Киргизская степь» с посвящением Чокану Валиханову — тогда еще А. Н. Пыпин работал в «Современнике», где она и была напечатана.

В одном из своих капитальных трудов — «Истории русской этнографии» в 4-х томах, изданной в 1890—1892 годах в Петербурге, А. Н. Пыпин поместил статью о Ч. Ч. Валиханове. Она была написана в результате переписки его с Г. Н. Потаниным, который дал немало сведений о первом казахском ученом и своем близком друге.

«Любопытное явление составляет биография киргиза Чокана Валиханова — оригинальное соединение азиатского и европейского», — писал А. Н. Пыпин. В первых частях статьи А. Н. Пыпина содержатся биографические сведения о Ч. Ч. Валиханове, в примечании указываются источники, из которых они взяты, в последних ее частях

---

¹* т. IV, с. 490.

дана краткая, но существенная, важная характеристика его научной деятельности — особенно по истории, этнографии и географии Средней Азии, систематизации и изучению материальных и духовных ценностей ее народов.

Статья А. Н. Пыпина в столь солидном труде, как «История русской этнографии», безусловно, способствовала появлению интереса общественности к трудам и личности Ч. Ч. Валиханова.

К 60-летию Ч. Ч. Валиханова «Киргизская степная газета» в 18-м номере за 1894 год напечатала на русском и казахском языках статью Н. И. Наумова «Чокан Чингисович Валиханов». В статье даны биографические сведения, характеристика опубликованных научных трудов Ч. Ч. Валиханова. Н. И. Наумов (1838—1901) — известный русский писатель, учился в Петербургском университете, откуда был исключен в 1861 году и арестован за участие в студенческих демонстрациях. Вторично был арестован в 1862 году по делу организации «Земля и воля», сблизился с кружком писателей-народников Г. И. Успенским и В. М. Гаршиным, с 1884 года жил в Сибири и написал ряд рассказов и очерков. Тесно связанный с жизнью народов Сибири, Н.И. Наумов тепло и вдумчиво писал о Ч. Ч. Валиханове, подчеркивая значение его деятельности для прогресса в русле общероссийского развития отдаленного от центра края.

Невозможно переоценить заслуги фольклориста, публициста и общественного деятеля Г. Н. Потанина (1835—1920) в восстановлении многих фактов жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова, в создании его научной биографии. Трогательно то, что Г. Н. Потанин искренне и глубоко дорожил именем Ч. Ч. Валиханова, дружбой с ним.

После окончания Сибирского кадетского корпуса Г. Н. Потанин служил в Семипалатинске.

В 1859—1861 годах Г. Н. Потанин учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета, но окончить ему не удается. За участие в студенческих волнениях его исключают и два месяца держат в каземате Петропавловской крепости. В 1865 году Г. Н. Потанин был назначен секретарем губернского статистического комитета в Томске, но за пропаганду сепаратистских идей и участие в революционном движении был арестован, отбывал каторгу и ссылку. Начиная с 1876 года, Г. Н. Потанин путешество-

вал по Сибири, Монголии и Центральной Азии. Труды Г. Н. Потанина — «Очерки Северо-Западной Монголии» в 4-х томах, выпущенные в Петербурге в 1881—1883 годах; книга «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», изданная в Москве в 1899 году; «Сага о Соломоне» и «Ерке Култ — сын неба в Северной Азии», изданные в Томске в 1912—1916 годах, и другие — дали науке немало ценных сведений по географии и этнографии, в них собраны обширные материалы по фольклору тюркских и монгольских племен.

Работами Г. Н. Потанина интересовался А. М. Горький. Еще 7 июня 1909 года он писал В. Д. Анучину: «Где и что делает Г. Н. Потанин? Я слышал, что он пишет новую книгу. Обязательно хочу иметь. Кстати, прилагаю список его работ, известных мне — чего не хватает?» В другом письме М. Горький пишет: «Г. Н. Потанину почтительнейший поклон. Недавно прочитал его «Восточные мотивы» — с наслаждением!» В день восьмидесятилетия Г. Н. Потанина он прислал ему телеграмму: «Сердечно приветствую Вас, глубокоуважаемый Григорий Николаевич. Максим Горький».

Академик В. А. Обручев свою книгу «Путешествия Потанина» заканчивает такими словами: «С полной справедливостью и гордостью можно сказать, что Потанин принадлежит к числу русских классиков-географов и что он сделал ценный вклад в русскую и мировую географию».

Знаменательно, что дружба Г. Н. Потанина с Ч. Ч. Валихановым, статьи и воспоминания о нем составляют значительную часть его научного наследия, его яркой биографии.

Г. Н. Потанин подружился с Ч. Ч. Валихановым в Омске, в годы учебы в кадетском корпусе. Рассказы Чокана о казахах, их быте и обычаях так увлекли его, что он начал их записывать, это и явилось началом его увлечения этнографией и фольклором. Ч. Ч. Валиханов, уже тогда готовившийся к будущим исследованиям, всю литературу, которой его снабжали в корпусе, давал читать своему другу Потанину. У друзей уже в то время зародилась мечта о путешествиях. Встреча с известным путешественником П. П. Семеновым-Тянь-Шанским помогла им осуществить свою заветную мечту. Г. Н. Потанин раньше многих разглядел в Ч. Ч. Валиханове недюжинный талант, преданность науке, его упорство и быстрый ум.

Г. Н. Потанину принадлежит несколько статей и воспоминаний о Ч. Ч. Валиханове, опубликованных в печати в разное время. Первой публикацией Г. Н. Потанина о Ч. Ч. Валиханове считается та, которая увидела свет на страницах журнала «Живая старина» (выпуск IV, 1891 г.). Называется она «Отрывки из киргизского сказания о Идыге» (из записей Ч. Валиханова). В этом же году под редакцией Г. Н. Потанина вышла в Петербурге книга первого бурятского ученого-востоковеда Дорджи Банзарова (1822—1855) «Черная вера или шаманство у монголов», в предисловии к ней Г. Н. Потанин писал и о Ч. Валиханове.

Свою привязанность к Ч. Ч. Валиханову, искренние дружеские чувства к нему Г. Н. Потанин сохранил на всю жизнь. И даже 30 лет спустя после смерти Валиханова он посетил близких и родственников друга, ездил в Кокчетавский уезд. Статья Г. Н. Потанина «О поездке в аул Чингиса Валиханова» печаталась в журнале «Известия Русского географического общества» (XXXI номер, 1895 г.), рассказ о поездке в аул «отца небезызвестного в русской литературе Чокана Валиханова», — как писал Г. Н. Потанин, был опубликован в «Русском богатстве» (8-й номер, 1896 г.) под названием «В юрте последнего киргизского царевича».

«Русское богатство» — довольно популярный в то время литературный, научный и политический журнал, издававшийся в 1876—1918 годах вначале в Москве, затем в Петербурге. С 1880 года журнал издавался артелью писателей народнического направления — Н. Н. Златовратским, Г. И. Успенским, В. Г. Короленко. С 1893 года, когда в редакции были Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко, «Русское богатство» стало центром легального народничества. Очерк Г. Н. Потанина «В юрте последнего киргизского царевича» о поездке на родину Ч. Ч. Валиханова знакомил читающую общественность с обстановкой, условиями, средой, в которых жил первый казахский ученый. Многие сведения об ауле, большом клане Валихановых, их духовном, интеллектуальном уровне, о казахских народных песнях и эпосе, содержащиеся в очерке Г. Н. Потанина, впоследствии вошли в научную биографию Ч. Ч. Валиханова. В статье «Встреча с С. Ф. Дуровым», опубликованной в 1901 году, Г. Н. Потанин подробно рассказывал о поэте-петрашевце, подчеркивая, что с ним его познакомил Ч. Ч. Валиханов. «Я ушел от Дурова тем, до чего меня хотел довести мой друг

Чокан». В ней содержится много сведений об омской интеллигенции, о Сибирском кадетском корпусе, об учителях, идейном, политическом и интеллектуальном уровнях кадетов, умственном развитии Ч. Ч. Валиханова, его взаимоотношениях с С. Ф. Дуровым.

Г. Н. Потанин принимал самое трогательное и активное участие в сохранении и издании трудов Ч. Ч. Валиханова, об этом свидетельствуют его письма. В 1903 году в газете «Сибирская жизнь» была опубликована статья Г. Н. Потанина «Чокан Чингисович Валиханов». Г. Н. Потанину принадлежат «Биографические сведения о Чокане Валиханове», опубликованные в сочинениях Ч. Ч. Валиханова, изданных под редакцией Н. И. Веселовского в Петербурге в 1904 году. Он держал связь с родными и родственниками Ч. Ч. Валиханова, переписывался с ними. Г. Н. Потанин постоянно вспоминал своего безвременно ушедшего из жизни необыкновенно талантливого друга, и об этом свидетельствуют его статьи и воспоминания.

Значительную и важную страницу в чокановедении (дореволюционном) составляют статьи профессора Н. И. Веселовского. Н. И. Веселовский (1848—1918) был видным русским историком-востоковедом, археологом, профессором, читал в Петербургском университете курс истории Востока, вел раскопки в южной части России и в Средней Азии, в 1914 году был избран членом-корреспондентом Академии наук. Более тридцати лет Н. И. Веселовский принимал участие в работах Археологической комиссии.

Русское географическое общество поручило Н. И. Веселовскому редактирование и подготовку к изданию сочинений Ч. Ч. Валиханова. «Несмотря на свои сложные занятия я не решился уклониться от этого дела, находя его, безусловно, полезным и необходимым как в память Чокана Валиханова, так и в интересах востоковедения...», — писал Н. И. Веселовский. По поводу этого издания он написал в 1887—1888 годах четыре письма — Г. Н. Потанину, А. А. Достоевскому — одно письмо, уже перед выходом в свет издания, в 1903 году.

Ходом подготовки этого издания интересовалась научная общественность, о чем свидетельствует хроника «Восточного обозрения» и участие ученых-востоковедов в прослушивании докладов о рукописях Ч. Ч. Валиханова на заседаниях Русского географического общества. В хронике газеты «Восточное обозрение» (№ 50, 1889 г.)

печатались: «Нам пишут из Петербурга, что там готовится к изданию собрание статей Чокана Валиханова, киргизского султана, бывшего русского офицера. Валиханов совершил путешествие в Кашгар инкогнито, умер в 60-х годах. Сборник его статей редактируется профессором Н. И. Веселовским»

Н. И. Веселовский, редактировавший Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова, познакомил ученых-востоковедов с отрывками из обширной киргизской поэмы «Манас» под названием «Смерть Кукотай-хана и его поминки» — на русском языке. Доклад Н. И. Веселовского «О поэме «Манас» в записи и переводе Ч. Ч. Валиханова» был заслушан на заседании Восточного отдела Русского археологического общества 21 марта 1902 года. Сообщение о докладе Н. И. Веселовского о записи и переводе Чоканом отрывка из «Манаса» было опубликовано в журнале «Известия Археологической комиссии (2-й выпуск, 1902 г.), в «Записках Восточного отдела Русского археологического общества» (XV том, выпуск 1, 1903 г.).

Н. И. Веселовскому принадлежит вступительная статья «Метеор», опубликованная в сочинениях Ч. Ч. Валиханова, изданных под редакцией ученого в Петербурге, в 1904 году. Н. И. Веселовский писал: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд...»¹

На изданные под редакцией Н. И. Веселовского сочинения Ч. Ч. Валиханова — Петербург, 1904 г. — в Тургайской газете (№ 24, 1905 г.) была напечатана рецензия «Чокан Валиханов». В комментарии к IV тому Собраний сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах издания АН КазССР читаем: «Автор ее, видимо, В. В. Бартольд». В рецензии подчеркивалось, что «Валиханов интересен и важен сам по себе, как культурно-историческое явление...»

Отрадно, что в фундаментальном труде «История изучения Востока в России и на Западе» крупнейшего ученого В. В. Бартольда (1869—1930) есть страницы, посвященные Ч. Ч. Валиханову. Сообщая сведения о поезд-

---

¹* т. IV, с. 500.

ке Ч. Ч. Валиханова в Восточный Туркестан, В. В. Бартольд писал: «Как составленное им описание страны, так и другие работы даровитого киргизского султана возбудили большие надежды...»¹ В книге В. В. Бартольда также говорилось, что «Валиханов сообщает довольно подробные сведения о «дикочаменных» киргизах, о делении их на племена и об отношениях между племенами...», «...Валиханов в декабре 1861 г. осуждал русские власти...»

Немаловажен также и тот факт, что крупный ученый-тюрколог профессор по кафедре турецко-татарской словесности Петербургского университета П. М. Мелиоранский (1868—1906) знал труды Ч. Ч. Валиханова и написал статью «Сказание о Едыке и Тохтамыше по рукописи, принадлежащей Ч. Ч. Валиханову», она опубликована в Приложении по отделению этнографии к XXIX тому «Записок Русского географического общества», вышедшему в Петербурге в 1905 году. В этом же году печатается статья «Ч. Ч. Валиханов» — в «Биографическом словаре ученых и писателей», изданном в Петербурге русским историком литературы, составителем многотомных биографических и библиографических словарей по русской литературе, библиографом С. А. Венгеровым (1855—1920).

Дореволюционная русская печать о Ч. Ч. Валиханове завершается двумя книгами, в которых есть немало сведений о первом казахском ученом. Одна из них — книга И. Ф. Бабкова «Воспоминание о моей службе в Западной Сибири», изданная в Петербурге в 1912 году, в которой подробно описывается Омск, говорится о Е. П. Ковалевском и общем интересе к результатам экспедиции Ч. Ч. Валиханова в Кашгар; другая — «Воспоминание о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.» А. Е. Врангеля, изданная в Петербурге в 1912 году.

Таким образом, в дореволюционной русской печати, обзор которой здесь представлен, и была заложена основа научного изучения жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. Этому способствовали многовековые и исторические связи, сложившиеся между русским и казахским народами. Еще при жизни Ч. Ч. Валиханова его труды публиковались в «Записках» и «Известиях Русского географического общества», основанного в 1845 году, действительным

---

¹ т. IV, с. 503

членом которого он состоял с 1857 года. Впоследствии в Петербурге вышли сочинения Ч. Ч. Валиханова под редакцией Н. И. Веселовского. Прижизненные публикации Ч. Ч. Валиханова и его сочинения, вышедшие в 1904 году, послужили основой научного издания его трудов в советское время, в частности, Собрания сочинений в пяти томах издания Академии наук Казахской ССР, осуществленного в 1961—1972 годах

По статьям и воспоминаниям о Ч. Ч. Валиханове, опубликованным в дореволюционных газетах, журналах, сборниках и книгах, видно, что к жизни и деятельности первого казахского ученого не ослабевал интерес читающей публики и научной общественности.

Именно с Ч. Ч. Валиханова в истории русской науки стало осуществляться изучение жизни и деятельности выдающихся представителей казахского народа.

Еще при жизни Ч. Ч. Валиханова отдельные труды и результаты его знаменитого путешествия в Кашгар стали известны западноевропейской прессе и сохранился ряд отзывов и откликов на них. Так как императорское Русское географическое общество пользовалось заслуженным авторитетом в Европе, труды его действительного члена, молодого ученого Ч. Ч. Валиханова стали привлекать к себе внимание и западноевропейских ученых.

Первое по времени упоминание имени Ч. Ч. Валиханова в английской прессе, надо полагать, связано с его путешествием на Иссык-Куль, за результаты которого он удостоился в 1857 году звания действительного члена Русского географического общества.

Это предположение в немалой степени подтверждает выдержка из английского отзыва на доклады и труды Ч. Ч. Валиханова, сделанные по результатам Кашгарской экспедиции. Отзыв появился в середине 1860-х годов — об этом скажем позже. В английском отзыве приведена цитата из статьи «Quarterly Review» («Квартальное обозрение». — Ш. С.): «Мы не без удовольствия видим, что сын киргизского хана выступает как ученый-путешественник под именем Валиханова и не щадит своих соплеменников»¹.

Конечно же, поиск этой статьи необходим. Предположительно она была опубликована в «Квартальном обозрении» в начале 1860-х годов. В таком случае имя казахского ученого было знакомо английской прессе до

---

¹* т. IV, с. 601.

выхода в Лондоне трудов Ч. Валиханова, М. Венюкова и других русских путешественников, которые перевели Джон и Роберт Митчеллы в 1865 году. Вполне возможно, что имя Ч. Валиханова в зарубежной прессе появилось тогда, когда молодой казахский ученый за результаты путешествия на Иссык-Куль был избран действительным членом Русского географического общества. Но все это — предположения и только.

В 1860-м году в немецком журнале «Архив...» — *Archiv für Wissenschaft... Kunde von Russland*, Bd XIX, Berlin, 1860, изданном в Берлине, появилась статья А. Эрмана, в которой сообщались сведения Ч. Ч. Валиханова по Кашгарской экспедиции, которые он предоставил Русскому географическому обществу. Статья А. Эрмана печаталась сразу же после одного из заседаний Общества, когда еще не были опубликованы труды Ч. Ч. Валиханова о Кашгаре — они, как известно, появились в «Записках РГО» позже, в 1861 году. А. Эрман писал: «На заседании Географического общества господин Ковалевский передал обществу новейшие сведения о Кашгаре, привезенные вернувшимся оттуда русским путешественником Валихановым. Господин Валиханов, сын киргизского султана, свободно говорит на диалектах той страны. Он единственный из европейцев, кроме несчастного Шлагинтвейта, кто ступил на эту землю. Валиханов достиг Кашгара через несколько месяцев после казни Шлагинтвейта. Между тем политическая обстановка в ханстве изменилась и благодаря этому (Чокану) Валиханову удалось осуществить свою экспедицию. В то время, когда эту страну посетил Шлагинтвейт, там происходило восстание (местного поселения) против Китая, которому она платила непосильную дань. Восстанием руководил ходжа (Валихан-тюре) Этот ходжа, славившийся во всей Средней Азии своей жестокостью, казнил прибывшего туда немецкого путешественника... Мы собираемся еще вернуться к его истории Восточного Туркестана, где говорится о новейших кровавых событиях, стоивших жизни несчастному Шлагинтвейту»¹.

А. Эрман писал: «О русско-казахском путешественнике Валиханове и его экспедиции в Кашгар в 1858—1859 гг. (см. *Archiv*) не только в XIX, но и в XX бюллетенях. Некоторые подробности смерти Шлагинтвейта были сообщены в «Северной пчеле» по докладу Валиханова,

---

¹ т. IV, с. 596.

откуда они попали в немецкую периодическую печать. К сожалению, не установлены названия немецких газет, где были опубликованы выдержки из доклада Ч. Валиханова. Нет смысла говорить о необходимости их поиска: в них впервые за рубежом опубликованы труды казахского ученого и отзывы зарубежных ученых о них. Что касается журнальной статьи А. Эрмана, то она впервые переведена на русский язык и опубликована в IV томе пятитомного Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова. Конечно, нужно найти статьи А. Эрмана о Валиханове в оригинале.

Георг-Адольф Эрман (1806—1877) был очень известным ученым. Он путешествовал по Сибири. Целью Эрмана было изучение земного магнетизма под различными долготами и широтами, и сделанные им наблюдения представляют большой научный интерес. Эрман оставил описание своего путешествия. С 1832 года он был приват-доцентом, с 1834 года — профессором по кафедре физики в Берлинском университете. Известны дружеские отношения А. Эрмана с Д. А. Бестужевым-Марлинским. Они встретились в Якутске, впоследствии с Кавказа Бестужев послал Эрману письмо, напечатано оно в «Московском телеграфе»¹. «Бестужев оставил у Эрмана самые приятные воспоминания; о встрече с ним в Якутске он сам рассказал в своем «путешествии», — пишет академик М. П. Алексеев². Считается, что источником поэмы Шамиссо о декабристах — Рылееве и Бестужеве — был рассказ доктора Эрмана о встрече с Бестужевым-Марлинским в Якутске. Примечательно, что крупный ученый и в 60-е годы XIX века продолжал интересоваться интеллектуальной жизнью России, трудами Русского географического общества, путешествием Ч. Ч. Валиханова в Кашгарию и одним из первых известил о нем европейских читателей.

«The Russians in Central Asia», London, 1865 («Русские в Средней Азии по исследованиям капитана Валиханова, М. Венюкова и других путешественников»), переведена с русского Джоном и Робертом Митчеллами, Лондон, 1865 г., — под таким названием вышла книга в Англии. Предисловие к ней было переведено в свое время на русский язык и напечатано в военной газете «Русский инвалид».

¹ Письмо к доктору Эрману. Московский телеграф. 1831, № 17

² Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. с. 324.

В предисловии к английскому изданию трудов Валиханова, М. Венюкова и других путешественников по Центральной Азии, вышедшему в Лондоне в 1865 году, Джон и Роберт Митчеллы писали: «Среди отчетов о путешествиях в Средней Азии, представленных здесь, выдающееся место принадлежит сообщению капитана Валиханова о Джунгарии и Восточном Туркестане. Со времени Марко Поло и иезуита Гоеса ни один европеец, за исключением А. Шлагинтвейта, как нам известно, не проникал в эти страны. Страх и подозрительность к европейцам, а также религиозный фанатизм населения сделали эту страну совершенно недоступной для современных исследований, а печальная участь предприимчивого путешественника в Кашгаре служит иллюстрацией опасности, которая может повториться при попытке туда попасть».

О Ч. Ч. Валиханове в этом предисловии писалось: «...он и офицер русской службы, и хорошо образованный человек, он сын киргизского султана и уроженец степей. Поэтому он прекрасно знает языки и обычаи народов Средней Азии и его не могли заподозрить в связи с Россией. Ему удалось доехать до Кашгара с кокандским караваном под видом маргеланского купца. Его описание Кашгара и политического положения Восточного Туркестана являются важным вкладом в скудные сведения, которыми мы располагаем об этой стране»¹.

Издание трудов Ч. Валиханова, М. Венюкова и других путешественников вызвало определенный интерес английской общественности, о чем свидетельствует отзыв, напечатанный в одном из журналов и перепечатанный журналом «Русский инвалид» №№ 38,42 за 1866 год. В нем отмечается: «...Издание недавно в Англии книги Митчелла «Русские в Средней Азии» является как нельзя более своевременной, чтобы служить комментарием циркуляра русского вице-канцлера. Эта книга, по замечанию автора, доставляет сведения, дотоле вовсе неизвестные английской публике...

В комментариях английской прессы на труды Ч. Ч. Валиханова и других русских авторов приводятся слова казахского ученого из его «Очерков Джунгарии»: «...Что делается в Хиве, Бухаре, то же делается и в Кашгаре, где недавно люди были убиваемы каждый день, как дикие звери. В кашгарской песне говорится: «Трудно сберечь

---

¹ т. IV, с. 597.

копя в Кашгаре, еще труднее сберечь голову на плечах». Эти строчки у Ч. Ч. Валиханова звучат так: «В нем появились башни из человеческих голов, начали резать людей так же обыденно, как режут только кур. «Трудно,— говорит народная песня,— содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит 12 пулов, но еще труднее сохранить голову потому, что вай! вай! Это странное окончание песни выражает то замученное состояние, в каком находится здешний народ».

Предстоит еще один поиск: статьи Эмиля Жонво о значении трудов Ч. Ч. Валиханова и о материалах Джона и Роберта Митчеллов. До сего времени известны лишь извлечения из статьи Эмиля Жонво, которые были перепечатаны в «Уральских войсковых ведомостях» (13-й номер, 1867 г.). В отзыве Эмиля Жонво читаем: «После Марко Поло и иезуита Гоеса один только путешественник осмелился пробраться в эти негостеприимные страны (Восточный Туркестан). Это был несчастный Адольф Шлагинтвейт, который заплатил жизнью за свое отважное предприятие. Этот пример не охладил предприимчивости последователей, и благодаря трудам русского офицера Валиханова мы имеем теперь драгоценные данные для истории и уяснения политического положения (Восточного Туркестана).

Материалы и «кучи документов», собранные Джоном и Робертом Митчеллами в самой России, открыли публике глаза, и труды этих людей, так же, как и другие сочинения, богатые сведениями, позволяют нам следить за малейшими подробностями предприятия московской монархии».

Известен также и такой немаловажный факт: видный австрийский географ, доктор А. Петерман, имея постоянную связь с П. П. Семеновым-Тян-Шанским, получал через него материал о путешествии Ч. Валиханова в Кашгар и, узнав о смерти казахского ученого, опубликовал в немецком журнале краткий некролог. Некролог впервые в русском переводе напечатан в IV томе Собрания сочинений Ч. Валиханова, изданного в Алма-Ате, в издательстве «Наука», в 1968 году. В комментарии к некрологу д-ра Петермана говорится: «Возможно, что его написал сам П. П.» (т. е. П. П. Семенов-Тян-Шанский.— Ш. С.). Но как бы то ни было, публикация некролога на немецком языке в журнале доктора Петермана — 1867 г.— примечательный факт.

Среди множества новых сведений, которые привез

Ч. Валиханов из знаменитого путешествия в Джунгарию и Кашгар, было описание обстоятельств трагической гибели ученого-путешественника Адольфа Шлагинтвейта (1829—1857), отправившегося за год до Валиханова в Китай.

Престарелый А. Ф. Гумбольдт в 1856 году поручил Адольфу Шлагинтвейту проникнуть из Индии через Каракумский перевал в Центральную Азию и достигнуть Тянь-Шаньского хребта с южной стороны. Адольф Шлагинтвейт проник в Восточный Туркестан в 1857 году, но был казнен по приказу Валихан-торе.

Подробности о судьбе и смерти Шлагинтвейта были описаны Ч. Валихановым в докладе и в Записках Русского географического общества.

Ч. Валиханов писал: «В конце 1858 года мне удалось с кокандским караваном, в качестве кокандского купца, проникнуть в Кашгар, в котором, после знаменитого Марко Поло (1272 г.) и иезуита Гоеса (1603 г.) были только два европейца: немец, офицер ост-индской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился чрезвычайно любопытный маршрут и записки о его путешествии, и ученый пруссак Адольф Шлагинтвейт. Первый из них был бит в Кашгаре так больно, что два дня не мог садиться на лошадь, второму же отсечена голова и поставлена на башню, сооруженную из человеческих голов»¹.

Это сообщение Ч. Валиханова вызывало исключительный интерес ученых. Длительное время о судьбе Адольфа Шлагинтвейта ничего не было известно. И вот в Кашгар, в котором после Марко Поло и Гоеса побывали всего два европейца, по этому опасному маршруту отправляется Ч. Ч. Валиханов. И не просто возвращается живым и невредимым, но и привозит ценные научные материалы, а также «прочитывает» неизвестную страницу жизни, а вернее, смерти ученого-путешественника Адольфа Шлагинтвейта. В докладе, сделанном Ч. Валихановым на заседании Русского географического общества он первым сообщил ученому миру об обстоятельствах гибели немецкого ученого-путешественника. Путешествие в Кашгар и сведения, собранные в Китае, получили высокую оценку. В отчете Географического общества за 1865 год говорится: «Поездка эта представляет собой замечательный географический подвиг, со времени Марко Поло, за

---

¹* т. I, с. 393.

исключенном несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе, о чем Валиханов привез первые положительные сведения»¹.

Почти сразу же после публикации результатов поездки в Кашгар в одной из немецких газет, а также в журнале были опубликованы выдержки из доклада и публикаций Ч. Валиханова. В немецком журнале сообщалось, что «некоторые подробности смерти Шлагинтвейта были сообщены в «Северной пчеле» по докладу Валиханова, откуда они попали в немецкую периодическую печать. Но, к сожалению, эти публикации до сих пор не найдены. Так в западную прессу попало уникальное в то время сообщение об обстоятельствах трагической смерти Адольфа Шлагинтвейта.

У Жюль Верна в романе «Клодиус Бомбарнак», есть страницы и об этом сенсационном сообщении.

Клодиус Бомбарнак, от имени которого ведется повествование, корреспондент газеты «XX век», любознательный репортер, пассажир поезда, вместе со спутниками разных наций проезжающий через «...легендарные земли, подвергавшиеся когда-то опустошительным набегам Тамерлана и Чингисхана», попадает в Кашгар, имеющий три мили в округности. После описания окрестностей Кашгара, читаем в романе: «...в более позднюю эпоху ему (Тамерлану. — Ш. С.) пытались подражать свирепые султаны, вроде Вали-Тулла-хана, который в 1857 году велел задушить Шлагинтвейта, крупного ученого и отважного исследователя азиатского материка. Памятник, установленный в честь Шлагинтвейта, украшают две бронзовые доски от Парижского и Санкт-Петербургского географического обществ»².

Эти строки, можно предполагать, написаны на основе сообщений Ч. Валиханова, о которых Жюль Верн, по-видимому, знал.

Имя Ч. Валиханова Жюль Верн мог знать и по многолетнему труду «Всемирная география» известного географа, социолога и общественного деятеля Элизе Реклю. В одном из томов этого труда было названо и имя казахского ученого. Исследователи жизни и творчества Жюль Верна в числе источников, использованных писателем при написании романов, указывает и на труд

---

¹ Отчет Императорского Русского географического общества за 1865 г., СПб. с. 9.

² *Жюль Верн*. Полн. собр. соч., СПб, 1906—1907, т. VI, с. 71.

Э. Реклю¹. «В основу географических описаний, как и во многих других романах Жюль Верна, положен соответствующий том «Всемирной географии» Э. Реклю», — писал один из исследователей жизни и творчества Жюль Верна Е. П. Брандис².

Внимательно вчитаемся в некоторые страницы романа Жюль Верна. Находим знакомое описание местности Кашгара. Река Каракаш, описанная Ч. Валихановым, упоминается и в «Клодиусе Бомбарнаке»: «За это время мы встретили лишь одну значительную реку — Каракаш. В нескольких местах я видел на ней паромы, а на каменистых отмелях — лошадей и ослов, которых табунщики перегоняли вброд. Железнодорожный мост через Каракаш находится километрах в ста от Хатана, куда мы прибыли в восемь часов утра». В романе Жюль Верна читаем: «...Отправляюсь осматривать двойной город. Новый называется Янги-Шэр; старый — в трех с половиной милях от нового — это и есть Кашгар. Я воспользуюсь случаем посетить оба города и расскажу, что представляет собой и тот, и другой.

Первое замечание: и старый, и новый окружает неказистая земляная стена, отнюдь не располагающая в их пользу. Второе замечание: архитектурные памятники отсутствуют, потому что простые дома и дворцы построены из одинакового материала. Ничего, кроме глины, глины даже необожженной! А из высохшей на солнце грязи не выведешь правильных линий, чистых профилей и изящных скульптурных украшений...»

Почти такое же описание Кашгару в 50-х годах XIX века дает и Ч. Ч. Валиханов: «Кашгар — один из больших городов Восточного Туркестана..., расположен между реками Кызыл и Тюмень, окружен глиняной стеной. Улицы, благодаря постоянной сухости воздуха, не грязны, но неправильны, узки, и только по двум главным улицам могут проходить двухколесные арбы. Дома глиняные... Город разделяется на две почти равные части: на старый город «Куне-шаар» и новый «Ян-Курган».

Мы далеки от категоричного утверждения, что страницы романа «Клодиус Бомбарнак», в которых писатель рассказывает о Кашгаре, написаны под впечатлением трудов Ч. Ч. Валиханова, переведенных в середине 60-х

¹ Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. СПб, 1898, кн. 4, с. 23, 112.

² Брандис Е. Жюль Верн. Л., 1956, с. 203.

годов прошлого столетия на немецкий и английский язык. Такое утверждение требует веских доказательств. В то время, когда Жюль Верн писал свой роман, Европа располагала большим кругом исследований, посвященных этому краю. И все-таки наличие некоторых совпадений в трудах ученого и в романе писателя дает простор для полета огнюдь не беспочвенной фантазии. Вполне возможно, что в библиотеке писателя могли быть и труды Русского географического общества или же их переводы на английский язык. При этом условии вполне могло состояться заочное знакомство Ч. Ч. Валиханова и Жюль Верна.

Ведь известно, что Жюль Верн ежедневно с карандашом в руках просматривал книги, газеты, журналы, бюллетени и отчеты многочисленных научных обществ. В его рабочей картотеке получали отражение все новинки науки и техники того времени, сведения о географических открытиях, изобретениях. В их числе, возможно, есть выписки о Средней Азии и Казахстане, извлеченные из трудов Ч. Ч. Валиханова.

* * *

Систематическое, глубокое изучение жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова на основе марксистско-ленинской научной методологии стало осуществляться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции и, что очень важно, не только по инициативе передовых ученых или общественных деятелей, а в русле развития науки нашей страны. В советское время неоднократно издавались труды Ч. Ч. Валиханова. В 1920 году в архивный фонд Академии наук СССР был принят ряд материалов, связанных с жизнью и наследием Ч. Ч. Валиханова. В одной из книг серии «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», вышедшей в 1936 году под редакцией профессора С. Д. Асфендиарова, публиковались отрывки из работ Ч. Ч. Валиханова «Записки о судебной реформе», «О кочевьях киргиз», «Из черновых бумаг Ч. Валиханова». Даже в годы Великой Отечественной войны читатели имели возможность познакомиться с отдельными трудами Ч. Ч. Валиханова, к примеру, его рецензия на сочинение «Сборник летописей» была напечатана в книге «Труды юбилейной научной сессии, посвященной XXV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

В послевоенные годы переизданы отдельные статьи и письма Ч. Ч. Валиханова, а в 1958 году вышли его «Избранные произведения» под редакцией А. Х. Маргулана. Выдержки из них затем вошли в IV том «Антологии мировой философии», увидевшей свет в Москве в 1972 году.

Исключительно большое значение имеет пятитомное академическое собрание трудов Ч. Ч. Валиханова, издание которого началось в 1961 году и закончилось в 1972-м. Усилиями многих советских исследователей накоплен значительный материал о жизни и творчестве Ч. Ч. Валиханова.

Широко отмечалось в нашей стране 150-летие со дня рождения выдающегося казахского ученого. В Москве, в отделении истории Академии наук СССР, в связи с юбилеем состоялась научная конференция, в Алма-Ате проходила Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Выдающийся мыслитель, просветитель, демократ Ч. Ч. Валиханов и его вклад в развитие науки и культуры», организованная Академией наук СССР и Академией наук Казахской ССР. В работе этих конференций приняли участие видные историки, философы, экономисты, географы, филологи, востоковеды, археологи и этнографы из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Баку, Ташкента, Фрунзе, Душанбе, представители ведущих научных центров нашей страны.

В дни подготовки к юбилейным торжествам в Алма-Ате проходила международная конференция в рамках ЮНЕСКО «Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в средние века». По ее решению 20 сентября 1985 года состоялось заседание «круглого стола» ЮНЕСКО, посвященное 150-летию со дня рождения выдающегося мыслителя, просветителя-демократа, первого казахского ученого Чокана Чингисовича Валиханова. Глубокое уважение представителей ЮНЕСКО, Советского комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии и участников конференции к памяти Ч. Ч. Валиханова, естественно, вызвало признательность его соотечественников. На этом заседании, кроме советских ученых, выступали представители зарубежных стран.

Зарубежные ученые и общественные деятели единодушно подчеркивали огромное значение вклада казахского ученого в мировую науку, отмечали, что его творческое наследие охватывает самые разные аспекты истории народов Центральной Азии, Средней Азии и Ка-

захстана, Сибири, выразили свое восхищение его жизненным и гражданским подвигом.

Деятельность Ч. Ч. Валиханова оказала огромное влияние на развитие казахской национальной культуры в целом. От Ч. Ч. Валиханова идет живая неукротимая волна научного подвига и беззаветного служения людям, волна, поднявшая на необычную высоту науку, искусство, литературу, народное творчество Советского Казахстана. Личность Ч. Ч. Валиханова, его научный и гражданский подвиг, бескорыстное служение своей земле, усилия, направленные на духовное развитие своего народа, — все это делает его нашим современником. Горячий борец за развитие казахского народа в тесной дружбе с русским народом, Ч. Ч. Валиханов вошел в нашу эпоху как почетный и желанный современник, как наша сбывшаяся национальная мечта и крылатая надежда.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Изучение Ч. Ч. Валихановым русской и зарубежной литературы в Сибирском кадетском корпусе	7
Явления и факты русской литературы в трудах Ч. Ч. Валиханова	26
Дружба Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского	61
Ч. Ч. Валиханов в Петербурге, в кругу русских писателей	84
Образы античной литературы в качестве сравнений	111
Высказывания и имена западноевропейских писателей и поэтов в трудах Ч. Ч. Валиханова	128
Ч. Ч. Валиханов в оценке дореволюционной русской и западноевропейской печати	146

Шамшиябану Канышевна Сатпаева
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Историко-филологические очерки

Редактор *Е. Шкловская*
Художник *Е. Жинатов*
Художественный редактор *Л. Тетяко*
Технический редактор *Н. Галицкая*
Корректор *Д. Аланькова*

ИБ № 3601

Сдано в набор 06.08.86 Подписано в печать 11.12.86 УГ 18359 Формат 84×108^{1/32}
Бумага тип № 1 Гарнитура «Литературная» Печать высокая Усл. печ. л. 9,7
Усл. кр. отт. 99 Уч.-изд. л. 10,4 Тираж 6000 экз. Заказ № 1053 Цена 95 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета
Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,
480124, г. Алма-Ата, проспект Абая 143

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий
«Китап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли 480124, г. Алма-Ата, проспект Гагарина, 93